

Евгений Алехин

РУТИНА

КНИГА ПЕРВАЯ

Е. Алехин
Рутина. Книга первая
СПб: Ил-music, 2019. – 234 с.

Чем больше Женя Алехин сосредотачивается на самотерапевтическом аспекте творчества, будто бы игнорируя возможность читателя по ту сторону страниц, тем, как ни парадоксально, большую художественную ценность оно обретает. Название романа настолько вызывающее противоречит его сути, что кажется, это какой-то трюк, оценить который «здравому» рассудку не под силу. Никакой рутины здесь нет – все, даже самые мелкие, бытовые, события несут почти мистический смысл, и «лирический автор» на каждом шагу сталкивается с судьбоносной дилеммой. Литературная жизнь или жизнь литературой. Мука без любви или мука любовью. Саморазрушение как побег от реальности или как самый достоверный способ ее познания.

Привет, ребята. Это первая часть романа «Рутина». Планируется, что он будет состоять из трех книг, которые будут публиковаться раз в год по весне, начиная с 2019 и заканчивая 2021. Сейчас мне нужны от вас правки и замечания, может быть, какая-то линия здесь лишняя, а может быть, какая-то плохо расписана и требует более тщательной проработки. Очень нужны идеи по диалогам, пока я написал их наспех, своими словами, но, если вы знакомы с человеком, который стал героем текста и имеет реплику, и вам кажется, что он сказал бы что-то иначе, более выразительно, обязательно подскажите, дайте знать. Пока я все это писал, оно казалось мне очень серьезным делом, но, может быть, книга получилась слегка занудной и в ней слишком много подробностей, которые не имеют значения для всех остальных. Здесь почти нет выдумки, изредка мне приходилось перевирать события, например, совмещая два эпизода в один или заменяя место действия, если что-токазалось избыточным. В общем, с вашей, дорогие друзья и коллеги, и божьей помощью надеюсь привести этот черновик в порядок. Может быть, даже, дав ему месяц отлежаться, совсем перепечатаю текст начисто, от первой до последней буквы, учитывая некоторые ваши мудрые комментарии. А может быть, оставлю текст нетронутым, за исключением работы корректора, со всеми дефектами. Может, окажется, что дефект – есть этот роман. И спасибо, Антон «Секси» Секисов! Это великая находка – делать такую приписку перед книжкой. Планирую трижды воспользоваться этим твоим изобретением.

С любовью, я.

— 1 —

Летом хорошо в Москве, если воспринимать ее как курортный город. Мы устроили на крыльце общежития ВГИКа настоящий оазис. Через окно протянули длинный тройник, подключили синтезатор, гитару и комбик. Михаил Енотов дирижировал, настраивал, подключал провода, шутил и следил за техникой, ведь уговор был такой: если хоть немного умеешь играть, инструмент в руки не берешь. Поэтому гитару мучил оператор Илья Авербах, водил ногтями по струнам, и это было для меня, человека музыкально безграмотного, равносильно саундтреку к фильму «Мертвец». На клавишах играл одногруппник Михаила Енотова сценарист Дима «Джим» Булатов (Булатов — Окуджавович — Окуджармуш — так он и стал просто Джимом), молодой православный гопник из поселка Дивеево. Джим выбирал какой-нибудь синтетический гул и жал на клавиши, интуитивно изобретая собственные аккорды.

Сигита — моя девчонка, литовская длинноволосая принцесса — ела булку, запивая дешевым пивом. Просто присутствовала, в этом она была мастер, профессиональная убийца времени. Я держал в руках мегафон, взятый у студента-продюсера, и читал в него стихи, а иногда просто нес бред.

— Удивительно... — говорил я, — но лет через пять, десять, пятнадцать...

Это первое стихотворение, которое стало чем-то вроде реп-песни. Мы придумывали разные, удачные и не очень имена нашей группе. Например, «Доктор Лем»

в честь друга Димы Лемешева или «Сто дней после гейства» в честь фильма Соловьева, сценарий к которому написал Александр Александров, пapa нашей подруги Авдотьи.

Надя Мира снимала нас на камеру. А я читал этот стих. Я чувствовал, что Надя — особенный человек, она сразу видела тебя «готовеньким», со всем твоим прошлым и будущим, чувствовала, что тебя несет к свету, и тогда влюблялась, или напротив — грозила пальцем, если ты засматривался в темноту. Надя в те дни сделала замечательный клип, который, к сожалению, мы даже не выльем в интернет. Клип будет утерян, чтобы стать мифом.

— Это Надя! Моя славянская любовница! — говорил я никому. Сигите даже льстило такое — как я петушусь. Она улыбалась и мурлыкала, по-детски радуясь идиотскому поведению своего парня.

— А это моя азиатская любовница! — говорил я про милую якутку, имени которой даже не знал.

Мог пять минут молчать или тянуть один гласный звук под этот странный нойз из-под пальцев Ильи Авербаха, а потом вдруг, увидев человека, идущего по тротуару, начинал бормотать:

— Гришковец, съевший собаку, превращается в собаку, съевшую Гришковца, — и повторять это все громче и громче, а человек, не понимающий, что происходит, прибавлял шагу и убегал вниз по улице Бориса Галушкина.

Мимо ходили пожарные, гопники, задиристые студенты-кавказцы из соседних общаг. Наши, вгиковские, переступали через провода и оборудование, изредка пожимая нам руки — это были те, кто не уехал домой на лето и остался в Москве работать. Мы же мало работали, вместо этого покупали дешевое баллонное пиво за 21.90, нежно названное нами «Липтон Айс Ти Жигулевское», в магазине «Копейка» через дорогу.

Воровали к нему ветчину и орешки. За нами следил опасный «федерал», начальник магазинной охраны, пlesenый мужик в штатском, но мы с Михаилом Енотовым были осторожны. Иногда мы еще и тележки угоняли, чтобы поиграться, но потом трезвели и возвращали их.

— На гитаре играет мой любовник Авербах, — сообщал я зеленому двору.

Мы изобретали язык, вдохновленные «Заводным апельсином». *Shurshali* в закате на ступеньках, целые часы пародировали акценты, смеялись и называли такое время-препровождение «гействовать-злодействовать».

У меня еще не было комнаты, я только поступил. И до первого сентября я залезал через балконы, чтобы не платить. Иногда ребятам удавалось протащить меня через вахту в чехле от синтезатора. Когда совсем заканчивались деньги, мы ходили сниматься в массовке.

И снова появлялось «Липтон Айс Ти Жигулевское».

Так мне исполнился двадцать один год. Я встретил эту дату с похмельем и в шубе из бурого искусственного меха, которую забрал у нашей подруги — она по-дыгрывала нам на саксофоне. В эти дни меня зачислили на курс к Александру Бородянскому, великому сценаристу.

На предварительную консультацию я взял с собой нижнюю половину женщины-манекена (пьяный товарищ притащил с помойки),ексуальные ножки которой одел в короткие шортики, сделав их из собственных летних брюк. Взял с собой и Михаила Енотова с Ильей Авербахом. Они были в те поры моей свитой, хихикали и выпучивали глаза.

— Это мои друзья, — сказал я. — Мои два с половиной верных друга.

— Похоже, вы любите пошутить, — строго сказал Бородянский. — Посмотрим, что вы еще умеете.

Абитуриенты смотрели на меня и мою компанию с брезгливым недоумением. Ладно, я знал, что три четверти из них за пару лет не смогут научиться даже писать строго в настоящем времени, а оставшиеся не пройдут на следующий уровень — никогда не разберутся, как перенести диалог из жизни на бумагу. Сам я учился этому с детства и имел запас гоп-историй. Михаил Енотов даже считал меня обезьяной: я не интересовался ничем, не осваивал иностранные языки и музыкальные инструменты, не увлекался спортом, только писал. Мог в свое удовольствие зафиксировать любой случай так, как будто в нем есть какая-то важность. Да, это, собственно, было единственное мое умение и стремление. Даже тут специализация у меня была довольно узкая: больше всего меня интересовали настоящие события, свидетелем которых был я сам, прожитые самим. Чем проще история, тем лучше. Главное, чтобы было какое-то крошечное интересное отклонение, в этом я чувствовал самую тонкую музыку.

— Историю нельзя придумать, — говорил я, задирая указательный палец вверх. — Ее можно только пережить или спиздить.

Мне казалось, что я умел особенно глубоко страдать, страстно мечтать. Мечтал я только о великом. «Пожалуйста, пусть мое дело будет великим!» — молил я с усмешкой, запрокинув вверх залитую пивом голову.

Мы делали обход по общаге.

— Эй, дядя, — подпрыгивая, голосил Илья Авербах. — Пойдем пить с нами! У меня отчим такой же лысый.

Так заводились знакомства.

— Эй ты, с дредами! Ты как рэпер Децл, только умный! Хочешь пива?! — кричал я. Потом менял тон и представлялся: — Женя. Лучший писатель современности.

Высокий режиссер, и правда, чуть похожий на Кирилла Толмацкого, пожал мне руку:

— Паша,— ответил он.

— Нет. Ты — Дэц,— настаивал я.— Дэц с прокаченным интеллом.

Это лето было особенным, из него должно было что-то вырасти.

* * *

Осенью мы с Михаилом Енотовым съехались. У него была «зарплата сына» — три тысячи в месяц, я же продолжал ходить по массовкам и социологическим опросам. Если совсем прижимало, тоже просил у папы прислать пару тысяч, но старался все-таки быть самостоятельным.

Одно из моих хобби было раздавать прозвища. Они прилипали к каждому.

Нашего соседа по блоку, жившего в смежной комнате и учившегося со мной в группе, Илью Щербинина я прозвал «Доктором Актером». Пришло у Лема отобрать степень, поскольку новый Док был действительно повернут: он все время играл, даже оставаясь в одиночестве. Уверен, он не мог вымолвить слова или обронить жеста, пока усилием мысли не создавал вокруг себя ряды откидных кресел, ложи и партёры, усеянные жадными и любопытными наблюдателями.

Иногда мы пили в комнате и, заслышив взволнованный монолог Доктора Актера из предбанника (так мы называли коридор блока, общую зону), ложились по своим постелям вниз животом и оголяли задницы.

— Доктор Актер! Зайди, дело есть! — кричал один из нас.

— Что?!

— Док, тут философская беседа назрела!

Доктор Актер врывался в комнату, все еще бормоча впечатления о пробах или излагая самому себе синопсис гениальной повести, с которой он обязательно возьмет премию имени Астафьева. Слова вдруг застревали в нем, Доктор Актер замирал посреди комнаты, торжественно напрягалась каждая стрелочка на его лице.

Мы двумя голыми жопами смотрели на него из разных углов.

— Очень смешно! — говорил Доктор Актер, возносил руки к потолку и выходил вон.

Становилось понятно, что Михаил Енотов, этот парень, похожий на юродивого гопника, самый желанный девственник общежития, будет со мной в вечности, он — мой настоящий друг, который спустится за мной в ад, если возникнет необходимость. В нем была и мудрость, и страсть, но и какой-то удивительный баланс. Татуировки Будды и Тома Йорка украшали его плечо и грудь, а сам он ходил по общаге в те поры в психиатрической пижаме — подарке с маминой работы. Наш хохот позволял обмануть время.

Случалось, переходили на безалкогольное пиво и мармеладки. Банки из-под «Балтики» нулевой валялись в центре комнаты, а все заходившие штутили про резиновых женщин, к которым неизбежно приведут наши духовные поиски.

Раз или два в неделю я выбивал себе какую-то халтуру, обзванивал бригадиров массовки, ездил в огромный ангар, центр «А-медиа» или на Мосфильм, где снимался в сериалах, передачах, работал унылым зрителем, надевал врачебный халат или тюремную робу, примерял фраки и парики, заходил в бутафорские лифты и телефонные будки, мерз в военной форме в заброшенном аэропорту или скучал за барной стойкой. Для соцопросов у меня были поддельные ксерокопии паспортов друзей, но с моей фотографией, чтобы можно было под разными именами и с разными данными подрабатывать в одних и тех же компаниях, занимающихся исследованиями товаров и вкусов потребителя. Я придумывал себе разные профессии и статусы, воображал жизни, чуть ли не наклеивал усы,— а иногда был и самим собой, участвуя в многочисленных фокус-группах, тестирующих сигареты, пиво, вино, шампуни, обсуждающих пилоты рекламных роликов, различные тестовые дизайнерские решения, слоганы, одежду, сорта пластилина, ковровые покрытия, материалы корпусов, столешниц, удобство столовых приборов, текстуру бумаги.

К новому году я уже научился заполнять анкеты быстрее всех других «патологических массовщиков», как я называл своих коллег. Мог включаться и без усилия мысли генерировать речевой поток и тут же отключаться, потом бежал через дикий мороз от метро ВДНХ (две моих первых зимы в Москве были очень холодные, как будто я привез сибирский холод с собой) и прыгал под одеяло к Сигите. Попав с холода в тепло, тело начинало сильно зудеть. Моя чувствительная кожа как будто отслаивалась от плоти, а под ней резвились хлебные крошки. Но Сигита спала хорошо, как небольшая и нежная зверушка, пока я нервно ворочался рядом.

Учебу я в большинстве случаев прогуливал, кроме занятий по мастерству.

* * *

Один студент-продюсер занимался перепродажей старых компьютеров. Несколько дней поработав статистом на телевидении, я сделал над собой усилие и вместо того, чтобы пропить деньги, купил рабочий инструмент — старый гудящий пентиум. Теперь у меня было рабочее место.

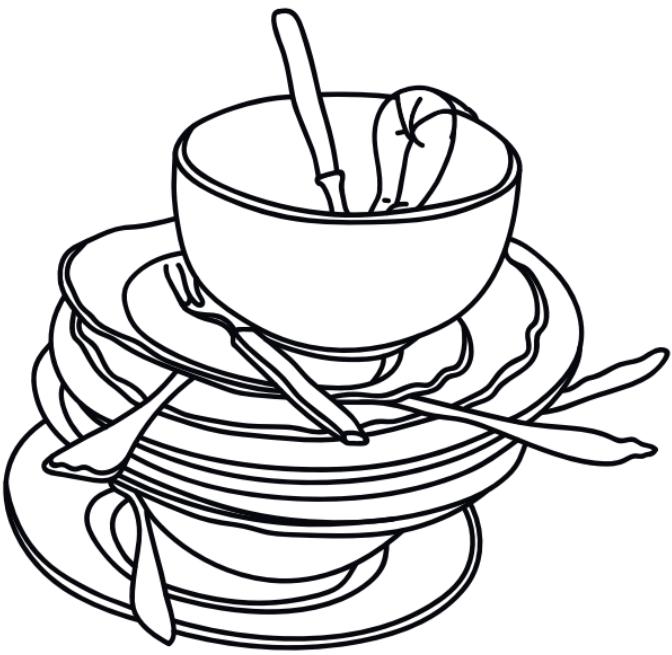
Наша комната походила на келью двух шизофреников и их непутевой дочурки — большую часть времени Сигита тоже была с нами. Она оставляла за собой грязную посуду и разбросанные вещи: невозможно было понять, какие из них свежие, а какие надо стирать. Призраки волочились за ней, мысли опадали с головы вместе с длинными черными волосами. Меня родители с детства приучили мыть посуду сразу. У Сигиты же был принцип: обязательно расслабиться после еды, пообещать, что отдохнет и вымоет посуду, а потом забыть про собственное обещание.

Я орал на весь десятый этаж:

— Я что, твоя прачка?! Скажи, я похож на прачку?!
Скажи мне!

Она проводила большую часть времени в своем воображариуме, если была трезвая, выглядывала нехотя и опять погружалась в себя. Еще у нее были поверхностные знания обо всем на свете, она была ходячей энциклопедией — по любому предмету получала хорошую оценку.

Когда она была маленькой, ее мама была успешной в делах и покатала Сигиту по миру. На карте, оставшейся висеть на стене от прошлых жильцов, она могла отметить много стран и рассказать об обычаях их жителей и своих впечатлениях. Я же не был нигде, кроме Кемерова, Москвы, Санкт-Петербурга (ездил один раз к Илье Авербаху в гости) и еще пары сибирских маленьких городов. Я очень ревновал и обижался. Когда я вредничал, Сигита закрывалась, выдумывала себе болезни, неврозы, проблемы,

драмы, трагедии, многочисленные сюжеты фильмов и цепкие вселенные.

Иногда, особенно с легкого похмелья, она была очень ласкова и говорила мне:

— Кисонька-мурлысонька. Ты у меня очень талантлив. Только твои книги и будут читать, все остальное затеряется.

Мне же казалось, что она талантливее, потому что могла выдумать что-то. Не всегда это было интересно: Сигита еще не научилась отделять хорошие сюжеты от совсем абстрактных, но стоило ей прикрыть веки, и фантазия уносила ее. Какие-то обрывочные сведения могли вдохновить ее на описание улиц города, которого она никогда не видела, эпохи, в которой она не была, культуры, которой она не знала. Она не была так закомплексована: там, где мое воображение упиралось в стену, там, где мне не хватало опыта, Сигита могла сделать историю из пустоты.

Однажды я прочитал хороший учебник по кинодраматургии Скипа Пресса, выстроил бортики для реки ее фантазии, и — о, чудо! — за пару недель мы сделали вместе полнометражный сценарий. Все нашего малыша любили и хвалили. Там были живые диалоги, и, несмотря на жанр (роуд-муви с элементами боевика), я умудрился процитировать Камю — в кульминационной сцене солнце, яркое солнце, ослепило героя и спровоцировало его на совершение убийства. Сигита придумала всю канву и большую часть диалогов.

Мы сделали несколько распечаток и раскидали копии по разным студиям, через студентов и наших преподавателей. Месяцами ничего не происходило, потом нам дали небольшой аванс — десять тысяч рублей, это называлось «опцион». Студия планировала найти деньги и снять этот фильм, мы передали им временные права. Ставить фильм собирался режиссер по имени Адель, нашли мы его через Юрия Арабова, сценарий которого Адель уже

экранлизировал — фильм «Апокриф» про Чайковского. Теперь он хотел поставить историю попроще. Месяцы шли, подвижек не было, денег на фильм не хватало. Мы созывались с режиссером, вносили правки, пробовали улучшить сценарий, но потом стало понятно, у него уже нет энергии поднять этот проект. Студия прогорела.

Понемногу я начинал видеть во ВГИКе чистилище, в котором можно сгинуть, коридор, который тебя обманет или сделает паразитом. С этими его разговорами об искусстве, надеждами на величие, мертвыми идеями, песнями на актерском этаже, сnobизмом и алкоголем. В лучшем случае выпускники сценарного становились редакторами, ковырялись в носу и получали деньги. Я не знал, хочу ли вообще писать сценарии. Говорил, что хочу, но на самом деле меня интересовали только стихи и проза.

«Это же ваш первый сценарий!»

«Ты учишься всего лишь на первом курсе, а она на втором, чего ты хочешь?!»

«Продолжайте писать, переписывать, и со временем все будет».

Примерно что-то такое говорили мне мастера. И я продолжал писать большую часть учебных заданий. Но на некоторых упирался в стену, не желая делать что-то проходное или копировать свой же успех.

* * *

Иногда в комнату заходили студенты-режиссеры, чтобы познакомиться: до них доходили слухи о моих способностях. Сонные и погруженные в себя или взбудораженные, с воспаленными от учебы мозгами. Я писал некоторым этюды и короткометражные сценарии, но если я делал работу искренне, она застrevала где-то наверху, в шестеренках бюрократической машины.

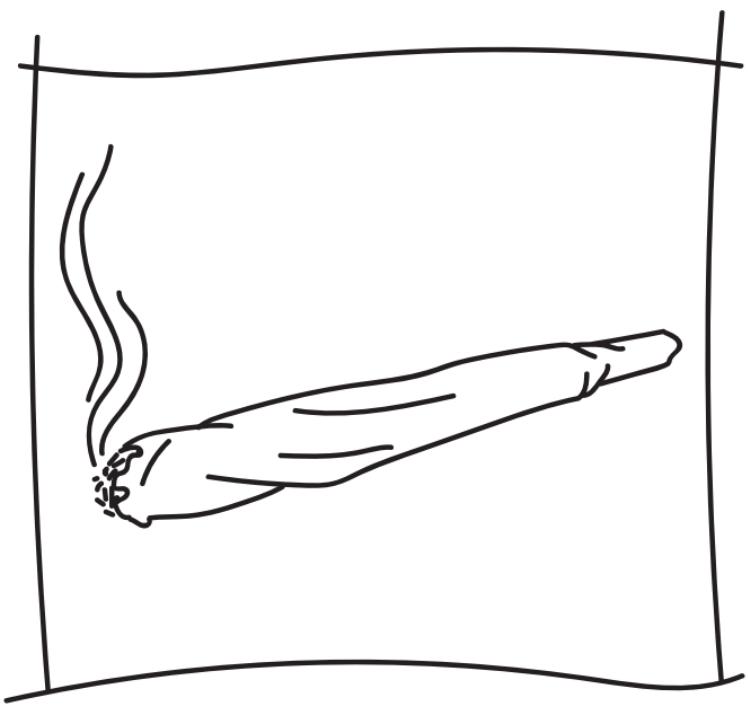
Проблема была не в тупости мастеров. Она была в молодых режиссерах, не способных нашутать свой стиль, у них были фрагментированные идеи, пустые жесты и штрихи, но не было морали.

Мне понравился один башкирский парень, он учился от республики по целевому направлению, стильный и красивый, Данияр. Он как будто выплывал из своей ароматной, пропахшей запретным дымом комнаты, мудро притушивался и кидал свое:

— Помедленнее, расслабься. Тогда я скажу, что мне надо.

Я поставил на него, он был моей темной лошадкой. У нас рождался сценарий медленного кино, и этот сценарий получился в итоге по-настоящему поэтичным и очень нравился Бородянскому.

Вечно укуренный Данияр предлагал какие-то сумбурные правки, и из-за того, что мы существовали на разных скоростях, текст сценария оставался черновиком. Обязательно доведу это дело до конца, пацаном не буду,— пообещал себе я. Так я войду в профессию, так я буду в ней жить. И Данияр приходил, мы снова общались, моя речь буксовала, выплывали его задумчивые фразы, я вносил правки, он уходил, показывал сценарий мастеру, и появлялся какой-то новый, неожиданный виток истории. Данияр неправильно понимал начальство, и запуск откладывался снова.

Все закончилось переменами в личной жизни: Данияр расстался со своей девушкой.

— Я так растворился в ней,— сообщил он.— Забыл самого себя. Оставшись один, я засунул палец в жопу. Достал и понюхал: вот он я, так я пахну.

* * *

Учет своих долгов мы вели шариковой ручкой прямо по обоям, и потом зачеркивали, когда возвращали занятые деньги. Такая наскальная живопись покрывала значительную часть пещеры над моей кроватью, я спал под этими синими надписями. Не позволял себе сильно нарушать сроки, стараясь успевать перезанять, чтобы отдать. Суммы были совсем небольшие: сотка на пиво, сотка на обед, очень редко три или пять сотен на неистовый кураж. Сначала на окне висела штора, но я сорвал ее во время ссоры с Сигитой и заклеил стекла страницами распечатанного данияровского сценария.

Мы жили на десятом этаже, и это здоровенное окно манило и затягивало, а под зданием — пустырь, усеянный лимузинами. Шесть нижних этажей общежития были отданы под офисы, и сам этот свадебный прокат принадлежал проректору по хозяйственной части ВГИКа. Вот так он вел свой бизнес: прямо в здании.

Мне постоянно снился сон, даже не сон, а какие-то телесные галлюцинации тревожили мое тело. Картинок не было, но было явное ощущение пространства, тел, расстояний, высоты, воздуха, пустоты. Вот я в промозглой тьме, залезаю самому себе на плечи, а потом еще раз и еще это проделывают версии меня, маленькие я, пока человечки — все эти я — не добираются до десятого этажа. Мы чувствуем стекло пальцами, ничего не видя, но зная, что надо достучаться до настоящего меня, спящего внутри комнатки. Проникнуть в мою голову, до которой всего полметра. Но не выходит: конструкция из человечков начинает раскачиваться, и мы, хрупкие воображаемые мышьи, разлетаемся и падаем, вырастая до настоящих моих размеров, обретая на лету тяжесть, серьезный вес, который ускоряет падение на белые и розовые лимузины. Мы ломаем их, продавливая и разбивая вдребезги.

Михаил Енотов был спокойным, внимательным и человечным, но жестким в своих убеждениях, он интуитивно выбирал золотую середину, не любил неожиданности, я же был импульсивным, человеком крайностей, безотказным и сексуально озабоченным, любителем грязи и склонным к безутешному чувству вины. Выпивали мы за время совместного жилья, наверное, одинаковое количество алкоголя, но у меня это были запои и завязки, а у него — более равномерное и спокойное потребление.

Когда я завязывал, одну ночь всегда проводил в бесконнице, в судорожных мыслях и онанизме, но к вечеру второго дня мозг успокаивался, я входил в какой-то транс, мне хотелось писать. Тогда я сидел один в комнате, делая рассказы. Бывало, что это выпадало на вечеринку. Все веселились на кухне нашего этажа, я мог выйти на пять минут, сонно перекусить что-то и перекинуться с кем-то парой слов, но алкогольный адок слишком пугал и манил — я бежал обратно за старый письменный стол. Сигита раз в какое-то время заходила забрать меня, и голос звучал уже так, будто пленку слегка зажевало:

— Ты зануда. Пошли.

Выпивая, она ломала стенку между собой и миром, ей хотелось всех собрать вместе, говорить с ними, смеяться, делиться мечтами, давать обещания дружить и работать. Обижалась на меня и не понимала, почему я не хочу сейчас быть, как она, считала, что я просто упрямлюсь — сажусь на стул за компьютер воевать против нее.

— Мне хватит вечеринок, — говорил я. — Сейчас я занят.

Потом я с трудом забирал ее спать с курилки на лестнице, где она пела под гитару с актерами и режиссерами. Мне даже выйти туда было стыдно — когда раздавались песни русского говнорока. Если твоя девушка готова петь под гитару Дыркина, ладно, это еще куда ни шло, но «Сплин», иногда они пели даже это, и мое сердце было

готово выпрыгнуть из груди и ускакать от них подальше. Каждая лицемерная и глупая песня, которой они подпевали, оставляла шрамы внутри, но и привязывала меня к Сигите сильнее. Делала нашу любовь невозможнее и прекраснее.

Не очень часто, но раз или два в месяц рассказы получались. У меня был старший товарищ — писатель Олег Зоберн, которому я проиграл литературную премию «Дебют-2004». Это была очень разрекламированная премия, главная премия нулевых, из нее вылезли все мы — от бедолаги Сергея «Шарга» (или еще говорят Сергея «Полтинника») Шаргунова до великого мистификатора, скрывающегося под именем Равшан Саледдин. Тогда многие молодые писатели мечтали ее получить. Я знал людей, которые начали писать благодаря ролику с Первого канала. Перо, бумага, торжественное перечисление русских классиков, какие-то заветные слова и денежный приз.

Зоберн доучивался в литературном институте, уже был лучшим среди ровесников, и на него я равнялся, а в открытую критиковал, провоцируя защищаться и обнажать свои приемы. По части приемов, ритма, продуманности не было ему равных в моем окружении. Он знал кухню, натаскивал меня, сам наблюдал за мной, как за зверьком, одаренным колхозником, пытался зарядиться моей молодостью и непосредственностью, осмыслить, как я делаю чувственный и раскрепощенный текст.

Зоберн говорил, что важно публиковаться в толстых литературных журналах. Святая троица: «Октябрь», «Знамя» и «Новый мир». Быть напечатанным в каждом из них — значит уметь писать. Есть еще «Дружба народов» — тоже неплохой. Все остальные журналы не так важны. Если пока не получается, пробовать стоит во всех, которые представлены на сайте «Журнальный зал». Так можно попасть в обойму.

Оставаться верным себе где-то на глубине, но уметь делать живой текст, который также оценят эти профессиональные литературные работники, говорил мне Зоберн, москвич и сметливый парнишка. И я, глупенький гость столицы, доверился ему, следовал этим указаниям. Рассказы мои вращались в этом круговороте журналов, иногда издавались. Я получал маленький гонорар за рассказ, как за работу два или три дня на массовке.

Со стихами было еще сложнее. Поэтов было так много, что получить ответ по поводу своих виршей было почти невозможно. Но я все равно рассыпал и стихи.

Однажды меня позвали пообщаться в журнал «Арион».

Главный редактор был мой однофамилец. Я сел напротив него в маленьком офисе.

Назвал свою фамилию. Редактор сказал:

— Бывает.

Я ждал. Что-то с ним было не то, с этим человеком.

— Смотрите, — сказал главный редактор. — У вас есть что-то в стихах. Но все они нам не подходят.

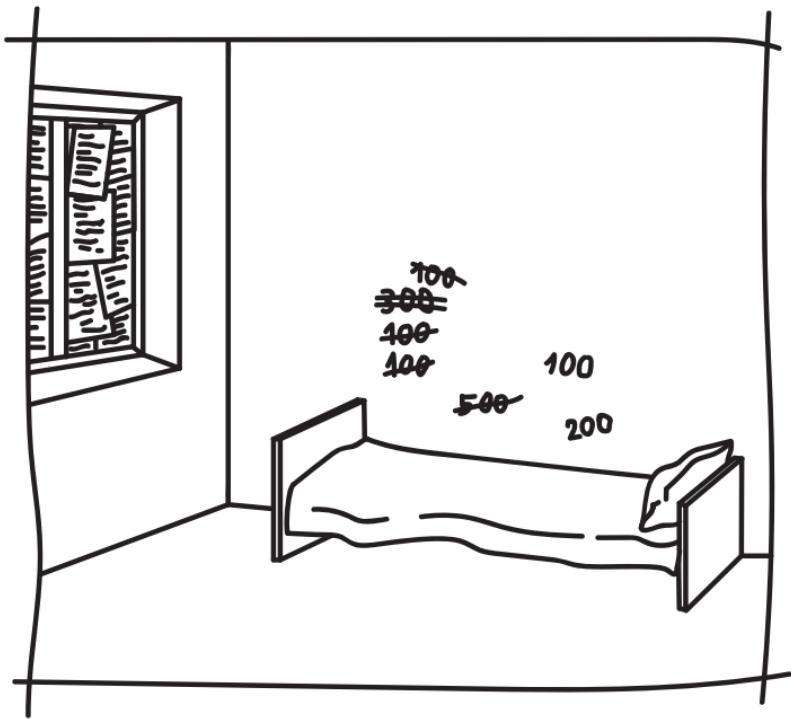
— То есть как? А зачем я здесь?

Он пролистал распечатку, лежавшую на столе среди прочих бумаг. Обратил особое внимание на стихотворение «удивительно». Это моя личная машина времени и спасение от жизни мещанина, мой дебют как поэта, написанный в семнадцать лет.

— Совершенно замечательное стихотворение, — сказал он. — Но почему пять, десять, пятнадцать? Давайте уберем пять?

У меня даже зачесался затылок от такой нелепой просьбы.

— Давайте не будем. Зачем это убирать? — мне хотелось разочарованно встать, я уже предвидел, что ловить мне здесь нечего, но все же ждал.

— Но я вижу по вам,— ответил он.— Вижу, что через пять лет у вас не будет ни первой, ни второй жены. Начните сразу с десяти. Удивительно, но лет через десять, пятнадцать...

На это я ответил, что поэт видит будущее не так четко и масштабирует неосознанно, скорее подчиняясь не логике, а ритму языка.

— То есть вы не согласны поменять? — спросил главный редактор.

— Нет.

— Что ж... Надеюсь, чем-то вам в будущем поможет этот мастер-класс.

Я едва слышно выдохнул со звуком:

— Пффф,— и вышел, не попрощавшись.

В общагу я пришел в расстроенных чувствах, но Михаил Енотов предложил купить пива. Мы пили свое жигулевское, и я пародировал еврейские интонации главного редактора. Мы нагуглили его краткую биографию: оказалось, что мы не настоящие однофамильцы — моя фамилия для него была псевдонимом.

— Как вам мой мастер-класс?! Я ведь могу научить вас работать с текстом, неблагодарный провинциальный гой! — говорил я.

* * *

Михаил Енотов умел ловко выдумывать шутки и скоро начал писать скетчи и продавать их в телевизор. Не так много ему их удалось продать, и деньги за них платили совсем небольшие, но все же это были его первые деньги, заработанные в профессии. В этом, конечно, мы отличались: я был стихийным дилетантом, а он стабильным мастеровым. Я писал только такие скетчи, над которыми смеялись мы сами и которые невозможно было продать. Плюс стоило мне освоить одну локацию, придумать шутку под интерьер, как я к этому интерьеру утрачивал интерес. Мне не удалось продать ни одного скетча.

Михаил Енотов всегда и на всех оттачивал свое остроумие.

— Зачем ты так на женщину похож? — спросил он както у парня на гламурной вечеринке продюсеров, где мы выглядели как два обрыгана.

Гигиену-то мы всегда соблюдали, но стиль у нас был как у помоечных принцев. Я, например, терпеть не мог ощущение грязной — потной или прокуренной — одежды, зато следы еды и дырки на ней никогда меня не смущали. Как-то раз Михаил Енотов продал целых три скетча, заработал восемь тысяч и купил себе опрятную и модную одежду. Я даже несколько дней ходил с ним на занятия, чтобы видеть его триумф. Все делали ему комплименты, он в ответ стрелял в них пальцем и говорил:

— Король юмора и стиля. Продаю шутку — покупаю шмотку.

Я решил дебютировать как режиссер. «Все буду делать сам, пришло время задать жару», — говорил я всем, убежденный в такой магии: нельзя будет нарушить собственное слово, и сила инерции заставит меня сделать кино.

Илья Авербах должен был стать оператором, а Михаил Енотов — исполнить главную роль. Он был сценаристом, но мне не мешало: понятие актерской профессии я отвергал. Я перекроил собственный рассказ «Бой с саблей», и другище туда вписывался, на мой взгляд, лучше, чем любой актер-профессионал. Мы посадили Михаила Енотова на испачканный кока-колой икеевский диван в комнате Ильи Авербаха.

Михаил Енотов смотрел в камеру, прижимаясь плечом к нашей околовгиковской подруге Саше, которой не удалось поступить в том году.

— Ничего, мы сделаем сами из тебя актрису, — сказал я ей. — Таланту нужно не шаблонное образование, а индивидуальный подход.

Они почти доверились моей харизме.

— Говорите, ребята. Налаживайте контакт.

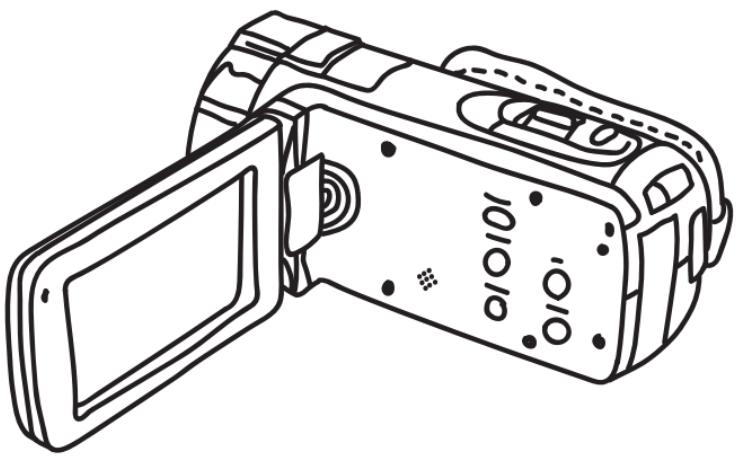
— Взгляни на меня хоть разок, — сказал Михаил Енотов.

— Где ты был, когда был мне интересен? — спросила Саша после минуты раздумий.

Илья Авербах снимал их на камеру, а я должен был признаться, что ничего не понимаю, не смыслю ни в том, как руководить людьми, ни в том, как выстраивать кадр. Примерно понимал, что такое монтаж, это напоминало стихи и сэмплирование музыки — вещи, с которыми я уже имел дело. Но вот что касается картинки, компоновки кадра — ноль. Броде бы мог отличить плохую игру от хорошей, но не мог разобраться, с чего начинать, не умел взаимодействовать. Не мог высвободить хороший фильм, зарытый глубоко во мне.

— Ну, читайте реплики.

И они читали реплики, а я просто любовался Сашей. Меня возбуждало смотреть на нее через окошко откидного дисплея Mini DV камеры. Я как будто трахал ее через это окошко. Я еще не снял ни минуты, но уже понял, каково

это — влюбиться в девушку, которая играет у тебя в кино. Илья Авербах сказал мне, когда мы вышли перекурить:

— Ты потеряешь свою девушку, если продолжишь заниматься этим.

Ладно, я догадывался, что Саша не испытывает ко мне интереса, а Сигита уже переживает. Поэтому мы сделали еще несколько проб, но даже не стали отсматривать, что из этого получается. Просто перестали обсуждать этот фильм, и никто меня не обвинял.

* * *

Пришел мой одногруппник Орлович и сказал:

— Пошли, я нашел нам работу.

Я накинул куртку, обулся и вышел за ним. Стоя в лифте, я думал о чем-то своем, глядя на Орловича, большого и мрачного, но бесконечно обаятельного. Когда мы оказались на улице, до меня вдруг дошло, что я уже не валяюсь в постели, перечитывая рассказы Сэлинджера.

— С чего ты взял, что мне нужна работа? — спросил я.

Орлович по-доброму нахмурился и сказал:

— Не ной. Там просто два человека нужно.

Мы спустились на пятьдесят метров вниз по улице, а потом еще глубже — в подвал соседнего здания. Это была общага политехнического института, в ней размещалось интернет-кафе. Орлович постучался в комнату с табличкой «администратор», и нас впустила девушка лет тридцати, дагестанка.

— Мы на собеседование, — сказал Орлович.

— Меня зовут Наташа, — сказала она. — Нам нужны два охранника. Платим триста пятьдесят рублей за ночь.

— Нам это подходит, — сказал Орлович.

— Обычно все спокойно. Но иногда приходят пьяные. Вы сможете припугнуть таких?

Я посмотрел на Орловича. Здоровенный малыш тридцати пяти лет с великими кулаками. Он повидал многое: почти стал профессиональным спортсменом, владел бизнесом в девяностых, был женат и развелся, после чего основательно погрузился в разврат, в нулевые разорился и перепробовал тысячу работ и подработок. Он был талантливый актер и талантливый строитель. Писать у него тоже получалось неплохо, но что-то мешало ему заглядывать на нижние этажи в своем письме. Орлович не был усидчив и не верил в себя, его желания были мелки

и не искала пространства. Несмотря на свою крутизну, он был слишком нежен для литературы или драматургии. У него было мягкое рукопожатие, он просто выдавал свою безжизненную руку, чтобы вы ее потискали. Но когда надо, можно и прикинуться.

— Мы не из робкого десятка, — сказал Орлович.

Я кивнул и на всякий случай выставил подбородок вперед. Сказал первое, что пришло в голову:

— Я борец.

Администратор посмотрела мне прямо в глаза. Мне показалось, что она с холодным любопытством разглядывает мое голое тело. Она просканировала меня и отвела взгляд.

— Ладно, я думаю, вы подходите.

Так мы с Орловичем ночь через ночь стали проводить на этой работе. Мне нравилось. Я приходил в восемь вечера, и пока администратор не уходила, час прогуливался по двум залам с компьютерами, присаживался с книгой. Десять минут прогулки, десять минут чтения. Администрация уходила, и оставался только я и один из операторов-кассиров (их тоже было двое, как и нас, охранников, они чередовались) и несколько посетителей. Тогда я уже просто занимал любой свободный компьютер и брался за письмо. Часто сюда приходил кто-то из наших вгиковских студентов, чтобы сделать распечатку работы или посидеть в интернете. Если меня не успевали заметить, я выходил в другой зал. А если замечали и спрашивали, приходилось объяснять, что я работаю здесь охранником, да. Мне было как-то странно, не хотелось, чтобы администратор меня поймала за каким-нибудь разговором о кино или чем-то таким интеллигентским, хотя она и знала, что я сам студент.

Иногда я подменял оператора-кассира, если он уходил поужинать. Приходилось распечатывать кому-то из знакомых этюд или сценарий. Тогда я имел возможность

подглядеть его неловкие карьерные потуги из другой ниши. Это приятно волновало, хотя и было чуть неловко.

Я стал регулярно переписываться с отцом по электронной почте. Я писал что-то вроде такого:

— Анатолич, не болей! Стану великим поскорей!

Мне казалось, что это очень смешно. Эта шутка обязывала меня начать писать роман. Весь свой стыд за пьяные разговоры, за то, какой я крутой мастер слова, я направлял в клавиатуру. Там, в этом подвале, странными ночами, я написал первые главы своего романа, который сначала хотел назвать «Цук». В соседнем зале подростки играли в игры и посмеивались, поедая чипсы, оператор-кассир спал рядом со мной, сдвинув несколько стульев. А я писал, и время останавливалось, было хорошо.

В восемь утра я получал свои деньги, три с половиной сотки, и шел спать в соседнюю, свою, общагу.

В одно такое утро я не обнаружил Сигиты. Ее не было в моей постели и не было в постели ее комнаты. Михаил Енотов уехал тогда домой в Казань. Сигита осталась без нашего надзора, ее просто затянула черная воронка. «Где же ты? — думал я, бегая ночью по общаге. — Какой-то мужик, что ли, тебя забрал?»

Я еле узнал, что происходит, от ее подруг и друзей. Она пила с режиссером Ильей и ночевала с ним. Вряд ли они имели секс, скорее всего, ей просто тяжело было подняться с седьмого этажа на десятый.

Несколько суток я не спал. Установил на компьютер программы, чтобы нарезать сэмплы и лепить из них музыкальные коллажи — в общем, делать то, чему научился в отрочестве, наслушавшись исполнителя Дельфина. Сигита то оказывалась рядом и говорила, что у нее с режиссером Ильей ничего не будет, и она остается со мной, то опять выпивала и пропадала.

В одну из одиноких ночей я пришел переночевать к Джиму. Он тогда жил один в комнате на тринадцатом этаже.

Я лег на одну из постелей и отвернулся к стене.

Джим сказал:

— Ты такой коренастый, я одно время хотел с тобой подраться.

— Можешь приступать. У тебя сейчас есть все шансы меня одолеть. Да и в любой другой момент.

Потом он сказал, что ему сначала не понравились мои рассказы, он считал меня калькой с Буковски. Но недавно нашлась распечатка неизданной книги в комнате, Джим перечитал их более внимательно. Начал со скепсисом, но увидел и силу, и свет, и даже где-то мою особенную интонацию. Сам он тогда тоже писал больше прозу, чем сценарии. В Джиме было много энергии, иногда текст складывался.

Видя, как меня корежит, Джим разговорился, открыл-ся мне. До этого мы мало общались, от пьянок он старался держаться подальше, чтобы не повторить судьбу отца-алкоголика. Джим рассказывал о том, как бесы иногда приходили навестить его, и как он спасался молитвой.

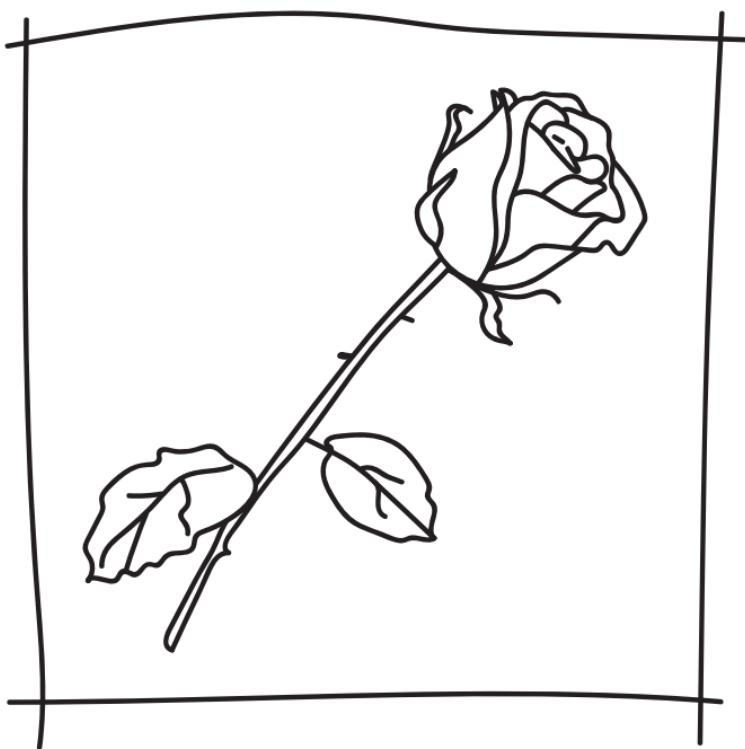
— Я бы помолился, — сказал я. — Не знаю, не понимаю, что такое православие, крестики, и попы мне не нравятся. Но есть в этом своя правильная математика — в постах, системе грехов, молитве.

Я заплакал.

На рассвете мы пошли в церковь. Отстояли почти целую службу, мысли мои притихли, я просто разглядывал людей, слушал тишину. Потом все-таки стало душно, голова закружилась, показалось, что теряю сознание — так я был истощен. Тихо попросил его выйти прогуляться.

— Да уже конец, — сказал Джим.

Мы вышли из церкви, и день начался, люди проснулись. Возле общаги впервые я обратил внимание на цветочный

киоск. Мне немного не хватало, и Джим добавил на розу для Сигиты. Пока мы ехали в лифте, я вертел цветок в руках, нюхал и говорил:

— Я потерял ее. Свою девчонку.

— Нет,— ответил Джим.— Я вижу, из тебя получится отличный отец.

Цветок я оставил в ее комнате. Первый раз в жизни подарил девочке цветок.

* * *

Я продолжал ходить на работу, на учебе совсем не появлялся.

Мы с Михаилом Енотовым придумали концепцию, как должен звучать наш альбом. Идея была в том, чтобы накладывать сэмплы из поп-музыки на разные качевые живые барабаны из рока и альтернативной музыки, мешать несколько барабанных дорожек с поп-мелодиями и записывать глубокий мрачняк, от которого тело будет рваться в пляс.

Первая песня была моей сольной — посвященная Сигите. Когда я написал этот текст-крик души, то собрал все ее вещи и выставил в коридор.

Два дня, что ли, я ее не видел, и вот она вернулась: пристыженная, и попросила Михаила Енотова покинуть комнату. Потом извинилась, сказала, что все обдумала, что любит меня, а режиссер Илья пусть себе встречается со своей девушкой. Мы ругались несколько часов, пока не пришел Михаил Енотов и не сказал:

— Хватит. Это и моя комната.

На следующий вечер была пьянка. Я расслабился. После нескольких дней бессонницы был очень пьян, смутно помню, как сидел на одиннадцатом в комнате Лема, а рядом оказался какой-то актер Федор, друг Сигиты.

Этот Федор не был плохим человеком, но был болтуном и душником, какие часто встречаются среди творческих людей. Рассказывает какие-то банальности, кивает, где надо, и очень положительно настроен, будто хочет помочь тебе зад вытереть. Все они знают, все видели, все любят, все понимают, при этом ничего не умеют и не представляют из себя. Мы с Михаилом Ентовым были о нем не очень высокого мнения, и когда нам надоело его слушать, мы спонтанно, но как будто сговорившись, встали,

достали члены и помахали ему. Актер Федор затряс своей шевелюрой и закричал:

— Уберите эти фитильки!

— А я думал, ты посыпешь мою залупу еще одной душной историей! — заорал я.

Все это происходило в тесном предбаннике, кухоньке блока, в котором жил Лем. Развернуться было негде, и я уже был готов напрыгнуть на актера, так был взбешен в эти дни.

— Перестань рассказывать свое дермо!

— Ты лучше бабу свою проведай! — сказал актер Федор.— По-моему, она целовалась с каким-то усатым мужиком на лестнице.

Мне как будто кровью глаза залили. Я выбежал из блока. Сигита курила на лестнице с режиссером Ильей. Наверное, уже докуривали пачку, но я подскочил с криком:

— Илюша, тебе пора заканчивать!

Я выбил окурок из его головы.

Но парень даже не стал драться в ответ.

— Иди проспись,— сказал он.

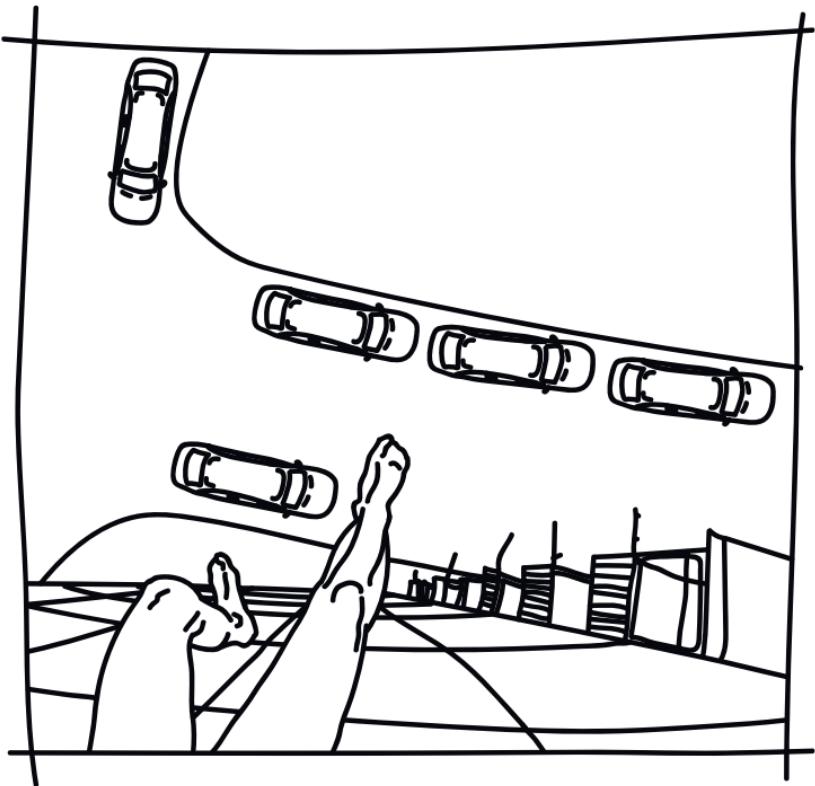
— Я тебя сейчас уложу, усач!

Потом Сигита и Михаил Енотов утащили меня в комнату, а я орал:

— Хочешь, чтобы я битого стекла поел? Хочешь этого?

Чтобы я выкинулся в окно, хочешь?

Ночью я проснулся в трусах и испарине — Сигита спала рядом, — открыл окно. Я бормотал, что она предала меня, что я доверился ей, а она все испортила. Я говорил, что все бабы бляди, при этом крепко взялся руками за подоконник изнутри, а ноги перекинул наружу, свесил все свое тело в пропасть. Держаться было тяжело, и вдруг меня осенило — легко умереть из-за собственной глупости. Сейчас это должно было произойти. Я не собирался умирать, но оказался в таком положении. Руки мои ослабли,

тело мое, нагое и беззащитное, скатывалось вниз, подо мной — десять этажей пустоты и холодная зимняя ночь. Сигита вскочила, смотрела на меня в упор, но она ничего не могла сделать. Сейчас мои руки не выдержат, и я упаду. Потом я увидел озабоченное лицо Михаила Енотова — он смотрел на меня сосредоточенно и спокойно, как будто пытался понять (вспомнить) свою роль в этом спектакле.

Он взял меня очень крепко и втащил в комнату. Так Михаил Енотов спас мне жизнь. Я быстро успокоился, лег к стенке и уснул. Даже не запомнил, обнимала ли меня Сигита.

Самоубийцы-симулянты всегда вызывают у меня отвращение. Но каждый раз я вспоминаю эту историю, когда сам устроил шоу, которое чуть не стоило мне жизни, одергиваю себя — прощать и стараться выслушать. С режиссером Ильей их отношения закончились. Так я отвоевал свою девчонку — странная и подлая игра с шантажом.

Песни пошли, одна за другой. Я нарезал музыку для своих готовых стихов, выбрав самые любимые, также придумывал новые тексты. Михаил Енотов подхватывал — дописывал свои куплеты. Мы купили микрофон-палочку Genius за сто рублей, и через пару недель был готов дебютный альбом легендарного дуэта «ночные грузчики». Пластинка называлась «танцуй и думай». Естественно и быстро получился этот материал. Я все свел сам, хотя не имел ни представлений об этом процессе, ни технических возможностей. Это было что-то действительно новое, на стыке литературы и музыки. Я нашупал то, чем буду заниматься всю жизнь. Чувство это было теплым и мягким. Я нашел на сайте группы «Кровосток» адрес их директора, и мы отправили альбом ему с пометкой, что мы — молодая группа, которой требуется помочь в продвижении. Ответ пришел на удивление быстро, через несколько дней.

«Неплохо, но побольше иронии и поменьше Гришковца в текстах!» — такое было наставление. Сотрудничества и помощи нам не предложили.

— Как думаешь, он слушал? — спросил я у Михаила Енотова.

— Похоже, что нет, — ответил он. — Наверное, увидел название песни «Гришковец и собака».

Это просто есть такой мутный писатель, мой земляк, Евгений Гришковец. Был когда-то популярным. Настолько миленький, что даже странновато пахнет его творчество. В жизни, говорят, зазнается и любит хвастаться.

У меня закралось сомнение: что, если в моих текстах сквозит такая же тухлая душевность? Что, если это может восприниматься как картавая неискренняя ерунда, графоманские пошлости? Иногда я переслушивал и находил признаки стиля ненавистного мной Гришковца и в своем творчестве. Тогда я дал себе обещание: надо быть жестче в текстах, которые пишу, какого бы жанра они ни были.

Нас с Орловичем уволили. Слишком мала вероятность, что наша, охранников, помощь вообще понадобится в этом интернет-кафе. Все и так было слишком тихо. Так нам описали причину.

* * *

Михаил Енотов говорил мне:

— Когда будешь писать мемуары, не забудь, что почти все проблемы начинались с моего отъезда.

На этих выходных его тоже не было.

У нашей подруги по прозвищу Пьяница был день рождения. Это был хороший солнечный день: вот-вот наступит весна, приятное чувство. У меня скопилось немного денег, и я поехал обновиться в магазин на соседнюю станцию метро. Я купил новую олимпийку и две футболки. Бывало у меня такое: покупаю вещь и настолько рад, что всем говорю, чтобы смотрели. А к тому же я изобрел слово «гоповка», пока ехал обратно. Может, не я первый, кто назвал так этот элемент одежды, но мне было неважно. Радовался находке, стоял в вагоне, поигрывая молнией.

— Так,— сказал я себе.— Отменяю слово «олимпийка». Мой стиль — говорить только «гоповка».

Теперь удержаться было вдвойне сложно.

— Посмотри на мою новую гоповку! — говорил я каждому, кого знал, получая двойной кайф от слова и от вещи.

Вот я сижу, обновленный, чистый, трезвый и довольный, опрокидываю первую рюмку в рот и думаю: выпью осторожно, а вечером попишу.

Вот я почти в сопли и обиженный на весь мир. Помню, я спорил с Сигитой, когда она о чем-то умничала. Это все поверхность, думал я и ругался.

— Одни верхушки! Не знаешь ты ничего! — заявил я.— Сначала научись мыть посуду, потом будешь болтать! — и вышел курить.

Курю сигарету на лестничной площадке, трезве не стал. Пьяница рядом, уперла голову мне в плечо.

— Я такая пьяная! — говорит она.

— На самом деле мне двадцать пять лет,— грустно сообщила она.

— Ага,— сказал я.— Можешь мне не рассказывать.

Пьяница исполнялось тридцать или даже тридцать один, и все об этом знали. Но она говорила, что ей сегодня двадцать три. Парням было все равно, девчонки подыгрывали, а потом зло сплетничали за спиной. Во ВГИКе она скрывала, что у нее уже есть высшее образование — философское, полученное на Урале. Многие так делали, учились по второму разу бесплатно. Выглядела она, правда, очень свежо, как моя ровесница, даже моложе. Мы с Михаилом Енотовым придумали шутку, что Пьяница настолько отупела от выпивки, что годы стерлись не только из ее памяти, но даже с лица.

Пьяница надулась и заглянула мне в глаза.

— А сколько мне?

Я прочитал в этом вопросе просьбу трахнуть ее.

— Зачем тебе это? — спросил я.

— Сколько мне лет? — спросила она. Было понятно, что отказ не будет принят.

Она снизу, лицом ко мне, у меня в комнате. Платье задрано выше груди и иногда попадает нам в рот во время поцелуя. Осознание того, что Сигита и мои друзья сейчас где-то рядом, и кто-то может начать искать нас с Пьяницей, меня по-животному распалаляет. Пьяница заглядывает глубоко мне в глаза, и она очень красива в этот момент, во всяком случае, когда я смотрю из своего опьянения. Сам я возбужден не так болезненно и романтично как обычно. Нет, сейчас — кайф, тупой и звериный. Нет и тени этой розовой муки, предвкушения тяжелейшей совместной работы, трудного романа — института, в котором сидишь за одной партой со своей девчонкой. Зато есть страсть, удовольствие от тела, желание пригвоздить его к кровати. Кажется, это длится очень долго. Мне приятно быть в Пьянице, никакой

разницы в возрасте я не чувствую, кожа ее свежа и упруга, прохладна, так я это запомню. Кончить тем не менее не получается. Пьяница глубоко дышит, она стонет с такой благодарностью, что я забываю себя от возбуждения, отрываюсь от точки, в которой есть — я — обида. Кажется, с другими девушками я никогда так не отрывался от крикливой и утомительной своей сути, своих завышенных представлений о себе, своей ипохондрической телесности, не забывал свои обиды на противоположный пол.

Тело в судороге, я переворачиваюсь на спину взять передышку.

— Полгода этого не делала, — говорит Пьяница, вдыхая и моргая.

Следующий кадр: она второпях натягивает трусы, а я сижу на кровати с торчащей шпагой, тяну руку, хочу ухватить этот зад, который мелькает краем и тут же скрывается под юбкой. Какое-то озарение: моя первая настоящая, очень физическая и земная измена.

Много лет я буду вспоминать этот POV-кадр: ее зад через мою руку, недостижимость оргазма, его близость и невозможность, примесь тоски, разочарование напрасно испачканной микрофлоры и предвкушение чувства вины, как надвигающееся похмелье. По прошествии лет, после многочисленных измен чувство вины даже будет распальять меня, от него начнет вставать.

Я вышел в туалет, умылся и немного протрезвел.

— Ты же никому не расскажешь? — спросила Пьяница.

— С утра же расскажу Сигите, — ответил я.

— И скажешь, с кем?

— Попробую утаить, — сказал я неуверенно.

Ночью я просыпался, когда Сигита начинала обнимать меня. Чувствовал себя грязным, старался отстраниться. Она отворачивалась к стенке, а я оттопыривался на самый край постели. Не хотелось замарать ее, ни один сантиметр моего

тела не должен был соприкоснуться с ней. С одной стороны, мне было стыдно и хотелось получить прощение. С другой, я могу не рассказывать, думал я. И в то же время хотелось рассказать, чтобы Сигита расстроилась, уехала к своей маме, чтобы наши отношения закончились, а я бы целую неделю или месяц мог трахать Пьяницу. Этого тоже хотелось. Это было очень сильное ощущение. Меня возбуждало знание того, что Пьяница очень хочет со мной спать. Я встал, принял душ, и, чтобы унять волнение, начал писать наброски к повести. Или это был сценарий. Я описал сцену, как парень рассказывает девушке про измену. Теперь ждал, волнуясь и мучаясь от похмелья, какой сцена окажется в реальности.

Когда Сигита проснулась, вместо утреннего поцелуя я сказал:

— Я изменил тебе.

Она ничего не ответила. Обычно она очень долго вставала, любила поваляться, настроить планов на день, а потом обнаружить, что день уже закончился. Но сейчас встала сразу, как-то обошла меня, стараясь держаться подальше, как от пришельца, и прошла в ванную умываться. Вернулась и спросила:

— С кем?

Я ответил как есть и ушел из комнаты, оставил ее сидеть на кровати, глядящей в стену. Прошлился где-то два часа, немного опохмелился с Лемом. Помню, мы стояли в очереди, держали в руках жигулевское, я смотрел Лему в глаза и хотел рассказать.

— Лем... — начинал я.

— Что такое, Женя? — спрашивал Лем. Но я тут же затыкался.

Наконец я сильно соскучился по Сигите. Пора было поговорить. Она сидела на постели, в той же позе, что я ее оставил. Напротив нее на стуле сидел Доктор Актер. Вид у него был скорбный, сочувственный.

— Доброе утро, Док,— сказал я.

— Добрый день,— ответил он и ушел в свою комнату.

Мы немного помолчали.

— Илья,— начала Сигита,— считает, что ты поступил очень жестоко. Нельзя было рассказывать.

— Доктор Актер,— поправил я.— Не надо называть его Ильей. Илья — так зовут твоего ухажера, усатого пидора. Черта, которому я поправил лицо, но недостаточно, похоже. Похоже. Надо бы еще поправить.

— Не надо кричать,— сказала она.

С моей стороны это была месть или не месть, подумал я: что у меня было с Пьяницей?

— Зато мы с ним не переспали,— вот что ответила Сигита и отвернулась.

Я все еще стоял перед ней. Ждал решения. Мне уже было плевать, переспали они или нет, хотелось выпить еще.

— Нет, я не уйду от тебя,— сказала моя девушка.

Она разочаровала меня, она меня обрадовала.

* * *

Весну и лето пережили монотонно, я немного снимался, немного подрабатывал курьером, написал легкую повесть «Третья штанина» (ее скоро опубликуют в журнале «Нева») и пару рассказов. Больше ничего не произошло, не считая того, что я пробовал поступить на режиссерский факультет, где режиссер Масленников (автор культового «Шерлока Холмса») и его коллеги хвалили мою работу, но на собеседовании сказали, что лучше мне быть писателем, потому что я ничего не понимаю в визуальном искусстве.

Ничего не случилось за лето, можно так сказать, не считая этого провала и одного случая — маленького приключения, начавшегося на следующий день после моего дня рождения.

Сигита уехала к маме, а мы с Михаилом Енотовым уже опохмелились, прикупили несколько баллонов «Липтон Айс Ти Жигулевского» и вышли покурить на лестничной площадке. Там мы встретили калмыка в два метра ростом и с широченными плечами. Лицо у него было совершенно доброе и даже блаженное, одет он был в кожаную косуху, под которой была тонкая рубашка, просвечивающая мускулы, и узкие синие джинсы. Он стоял там один, в алкогольном или наркотическом ступоре, и мычал в стену из Цоя:

— Я из тех, кто каждый раз уходит прочь из дома около семи утра...

— О, привет, — сказал я, так как был в этом похмельном состоянии открытого разума. — Похоже, тебе надо немногого пенного старого доброго пивка.

Вдруг калмык очухался, завертел головой, как будто услышал шум разрывающейся гранаты, и резко спросил:

— Кто мне говорит?! — но тут же заметил нас, двух мутноглазых юродивых мальчуганов, и по-доброму улыбнулся, как будто узнав знакомых, и со своей высоты сказал:

— Здорово, мужики.

— Пенного пивка,— повторил я, ощущив вкус во рту.

Мы выкинули бычки в одну из коробок из-под кинопленки, которые тут заменяли пепельницы, и пошли в свою комнату уже втроем.

У калмыка, казалось, было раздвоение личности. Вот он сидел, разговаривал с нами на тему секса и онанизма, похмельных озарений и запойных погружений в нирвану, прихлебывая пиво из чайной чашки, и говорил:

— Да, если скуришь пачку в день, то сперма становится желтой и пахнет жесть.— Заливаясь детским румянцем, довольный, что можно говорить на табуированную тему. Но стоило отвлечься от него, начать нам говорить между собой, как калмык выпадал в какой-то иной мир, отрещался, терял с нами связь, и когда комната вновь возникала перед его взором, он хватал кого-то из нас или шкаф и орал:

— Раз! Два! Отставить!

— Ты че голосишь? Чего хочешь?

— А ты чего хочешь? — он притянул мою голову к своему уху.— Слухаю тебе внemаточно!

— Ты че, на войне что ли? — спросил я.— Давай потише.

— Чем занимаешься вообще? Кем работаешь? — спросил Михаил Енотов.

Калмык от этого вопроса резко подскочил и отчеканил:

— Федеральная служба безопасности!

Потом он зачем-то показал свой паспорт. Я удивился, что у него не забрали его на вахте и обратил внимание, что ему было двадцать семь лет. Сказал, что у калмыка важный творческий возраст, как у его любимого Цоя в момент смерти.

— Ага,— сказал калмык и усмехнулся.— Тоже узкоглазый! Но я буддист!

Тут он опять стал вести себя без бычки. Присел, переключился на светскую личность.

— Супер,— ответил я.— Михаил Енотов у нас тоже буддист.

— А ты православный, что ли? — спросил меня калмык.

— Э,— мне пришла на ум цитата из Борхеса, которую я откуда-то выписал, не читав еще его самого: «Я не уверен в том, что я христианин, и уверен, что не буддист».

— Он богообязненный гражданин,— сказал Михаил Енотов.

— Да я не знаю. Ничего в этом не понимаю, давайте сменим тему,— попросил я.— Лучше про дрочку, вот это как раз моя специальность.

Недавно Михаилу Енотову отец подарил ноутбук, с него играла рандомная музыка. Когда заиграла одна из песен группы «Систем оф э даун», калмык очень обрадовался. Это была его любимая группа, сказал он и стал прыгать по комнате.

Мы пили до ночи. Деньги закончились, но калмык сказал, что надо съездить к нему в общежитие. У него там якобы лежит зарплата за две недели, которую необходимо пропить.

— Давай спать, у кого ты гостишь? — спросил я.

Калмык вообще не помнил, как очутился в нашей общаге. Но я был готов уложить его на свою постель, а сам мог пойти к Сигите в комнату. Летом многие уезжают, ее соседка тоже уехала. Мне очень хотелось помыться, раздеться догола и лежать там в одиночестве, представляя, что я размером с планету, а мой член — это огромная вулканическая гора. Но калмык не хотел спать.

— Не спим! Поднимаемся! Мы — русские, а русский должен пить водку, поехали! — говорил он, похлопывая нас и собирая в кучу. От его огромных рук было не скрыться. Скоро мы гнали по ночной трассе за город по незнакомым дорогам, пока не добрались до поселка, напоминающего декорации к неснятым фильмам Балабанова.

— Куда дальше? — спросил водитель.

Я растолкал калмыка, задремавшего на сидении спереди. Он указал переулок, затем дом. В свете единственного фонаря облезлая четырехэтажка выглядела как обитель живых мертвцевов. Калмык включился, автоматически порылся в карманах, не обнаружил там денег и спросил:

— Есть чем заплатить?

— Нет, братан. Ты платишь, — напомнил Михаил Енотов.

Калмык дал водителю телефон в залог и сказал ждать пять минут.

— Давай паспорт, — сказал водитель.

Калмык уставился на него, водитель молча отвел взгляд, мы вылезли из машины. Несмотря на время суток, на лестнице и в коридорах происходила какая-то мрачная жизнь. Бегали дети, кто-то курил, кто-то ходил по лестнице. Но как-то почти беззвучно, и от этого складывалось жуткое впечатление.

— Это ад, — шепотом сказал я Михаилу Енотову.

— Никому не смотрите в лицо, не разговаривайте ни с кем, — предупредил калмык. — Это мусорское общежитие.

Мы остались стоять в нескольких метрах, а наш приятель постучался в дверь в глубине этажа. Оттуда вышел заспанный калмык, и они начали спорить по-калмыцки. Потом наш калмык вывернул карманы, а заспанный калмык махнул рукой и предложил проваливать отсюда нашemu калмыку уже по-русски.

Калмык подошел к нам:

— Где мой телефон?

— Ты же его таксисту оставил, — ответил я.

— Давайте телефон. В залог надо оставить.

Свой мобильник я не взял. Михаил Енотов достал свою «нокиа» из кармана, немного задержал в воздухе, догадываясь, что расстается с ней навсегда, отдал калмыку. Он отнес телефон заспанному калмыку — заспанный калмык вынес деньги.

Скоро мы пили водку в общаге. К моему удивлению, вахтерши открыли нам дверь, не спросив у калмыка паспорт, как будто он был студентом, на которого явно не походил, или призраком, и видели его только мы. Пьяные, мы смеялись над всем этим дурным сном, калмык придумывал какие-то небылицы, говорил, что все хорошо, зарплата у него в шкафу, телефон заберем завтра. К нам еще присоединился один приятель. Надо было избавляться от калмыка, но мы отложили это на утро. А утром было очень плохо, срочно нужно было опохмелиться. Приятель пошел за пивом, калмык же был в каком-то безумном состоянии. Орал постоянно свое «внематочно» и каждые две минуты спрашивал, где бухло.

— Спокойно, скоро принесут!

Он валялся прямо в ботинках на моей постели, как царь, и мне уже, честно говоря, не хотелось с ним пить.

— Пошли курить,— предложил я.

Калмык что-то заорал про то, что ему нужно пиво. Михаил Енотов сказал, что знает, как его успокоить — включил «Систем офф э даун». Калмык сразу увлекся песней, отключился от мира. Обнял ноутбук и раскачивал головой. Осторожно, попросил я, совсем новая машина, не разбей. Мы с Михаилом Енотовым курили и обсуждали, как бы слить этого странного пассажира.

Телефон, видимо, вернуть уже не получится.

— О, смотри,— сказал я. Через дверной проем, ведущий на этаж, я увидел, что калмык вышел из комнаты, как-то странно, боком, шатаясь, он шел от нас в сторону другой, пожарной, лестницы.

— Походу он сейчас сам уйдет,— сказал я.— Ну и отлично!

Мы скурили еще по одной, дождались приятеля с пивом, радостные зашли в комнату и увидели, что ноутбука нет. Калмык ушел с ним. В первую очередь я подумал о рассказе Михаила Енотова, единственном, который он пока написал, и о нескольких набросках музыки к новому

альбому «ночных грузчиков». Мы разделились: я пошел искать калмыка на черной лестнице, Михаил Енотов — на лестнице у лифтов, приятель, ходивший за пивом, должен быть прокатиться на лифтах. Мы встретились внизу, объяснили вахтершам, как выглядит человек, которого мы ищем: огромный калмык с ноутбуком. Они сказали, что не видели его. Я оставил свой номер телефона, попросил их срочно позвонить, если он будет проходить. Вахтерши предложили обратиться в милицию, но Михаил Енотов отказался.

— Не то что я брезгую связываться с ментами,— сказал он.— Скорее, просто не хочу иметь с ними дел сейчас.

Чтобы унять похмельное волнение, я отправился подрочить в ванной. В маленьком зеркале мелькнуло не мое отражение, я глянул на него с непривычной высоты: на мне была косуха, оказалось, что я и есть этот огромный, как черный баскетболист, калмык, с огромными руками, заточенными под огромный член-вулкан. Я скурил целую пачку, и сперма моя была желтой, была горячей, как лава, и пахла дымом. Похоже, что это и есть самое гомосексуальное, что я испытал в жизни: превратился на несколько минут в этого буйного призрака, совместное похмельное видение — мое и Михаила Енотова, нанесшее материальный урон и давшее мне странную дрочку оборотня в муках. Со стоном я кончил в раковину.

* * *

Осенью пришло беспокойство, и бессонницы мои участились, когда к нам в комнату провели интернет. Постоянно там что-то выискивал, поглощал порнографию, прозу и поэзию, искал любые журналы, которые публиковали тексты на русском языке и принимали их к рассмотрению по сети. Мы начали убивать свое время социальными сетями: все знакомые регистрировались на «вконтакте». Сигита этой осенью все больше оставалась у мамы.

Мама жила на соседней станции — Алексеевской, снимала там двухкомнатную квартиру, вела бизнес, который не очень хорошо шел: продажа элитной бытовой техники через телефон. Она кормила Сигиту, воспитывала, ругала, очень любила и оберегала. Я иногда приезжал, чтобы переночевать в обнимку с Сигитой и поесть домашней пищи. Как плата — приходилось выгулять собаку по кличке Оскар.

С Оскаром мы друг друга не любили. Я заходил в большую комнату, садился с Сигитой на диван, и стоило мне только обнять ее или погладить руку, Оскар тут же ревновал и запрыгивал к ней на колени.

— Ося-Ося, — говорила Сигита, забывая обо мне.

— Посмотрите, какой крепыш! — тут же подхватывала ее мама из другого конца комнаты, отрываясь от телевизора или своего рабочего журнала.

Я был посторонним в этом мире. Пытался погладить Оскара, чтобы сказать ему при помощи прикосновения:

— Парень, полегче. Мне не нужна твоя еда, не нужна ласка, которая предназначается тебе. Но Сигита — моя девочка, моя будущая жена. Я познакомился с ней летом две тысячи пятого, когда увидел ее на экзаменах. Она поступила, а я тогда — нет. Но я сразу сказал себе: она будет моей. И потом я уехал домой в Кемерово, доделал

свои дела, проверился на венерические болезни и выду-
мал новую жизнь. В которой я встречусь с ней. Я приехал
в Москву, вышел из поезда, без сотовой связи и почти без
денег, приехал к общаге и не знал, что делать. Ося, я стоял,
чувствовал себя нелепо — я же никогда прежде не покупал
сим-карт, я не умел вступать в контакт с незнакомцами,
не умел жить. Я не знал, что шестидесяти рублей не хва-
тит на сим-карту, и стоял один под общагой, разглядывая
бумажку с номерами знакомых. Так я и увидел ее. Сигита
сказала мне «привет», и мы стали жить вместе. Ты, соба-
ка, все это чувствуешь, но мешаешь нам. Почему ты такой
мелочный? Вот же она — гладит тебя и прикидывается,
что ты еще щенок. Ты здесь царь, а я — гость. Но прояви
ко мне уважение.

Оскар дергался под моей рукой, что-то ему не нрави-
лось. А мама Сигиты в тысячный раз повторяла со смехом:

— Он думает, что он до сих пор маленький! — и Сигите
приходилось сталкивать Оскара со своих коленей — эту
здоровенную дворнягу, мутанта с мордой овчарки, ушами
кролика и мозгами насекомого.

— Ося думает, что он малыш, — говорила Сигита.

— Он вообще умеет думать? — тихонько спрашивал
я, чтобы мама не слышала. Сигита толкала меня локтем.

Гулять с Оскаром нам было не очень. Пока я водил
его на поводке, он мог только помочиться. Но моя ра-
бота была гулять с ним, пока он не сходит по-большому.
Я обходил дворы, оттаскивал его от других собак. Парень
терпел из последних сил: то ли из упрямства, то ли у него
был синдром застенчивого кишечника, не знаю. Ладно,
я, наконец, жалел его и бросал поводок. Он отходил к ка-
ким-нибудь кустам, я совал руки в карманы, но был наче-
ку. Стоит мне дернуться чуть раньше, чем Оскар начнет
сбрасывать груз, — люк закроется еще на полчаса. Поэтому
я делал вид, что забыл об Оскаре.

— Тебя нет, где же Оскар? — говорил я и присвистывал.
Тогда Оскар расслаблялся и начинал гадить.

— Хорошо. Молодец. Парень, которого я не вижу, делает свои дела, которых нет,— говорил я.

Как только Оскар закапывал говно, мне надо было резким движением поднять поводок с земли и идти домой. Часто Оскару удавалось опередить меня, рвануть и убежать. Иногда я ходил за ним, гонялся по окрестностям. Чаще ждал, пока он нарвется на неприятности и вернется сам, испуганный и пристыженный, уставший от собственной глупости.

Мы возвращались в квартиру, стараясь не смотреть друг на друга. Оскар сосредоточенно бежал на кухню и утыкал-ся мордой в миску с ужином.

Ночью Сигита быстро засыпала в нашей маленькой комнатке. Мне хотелось не позволить ей уснуть — сперва нужно было заняться любовью. Но за дверью, в коридоре и соседней комнате, были мама и Оскар. Нужно было выждать, пока не уснут они. Стоило начать раньше — Оскар был тут как тут, догадывался, что кто-то ласкается, поэтому в любой момент мог начать ломиться и пихать нос в щель под дверью.

— Ося-Ося,— строго говорила мама Сигиты. Но я читал подтекст, который был адресован мне:

Не.

В моей.

Квартире.

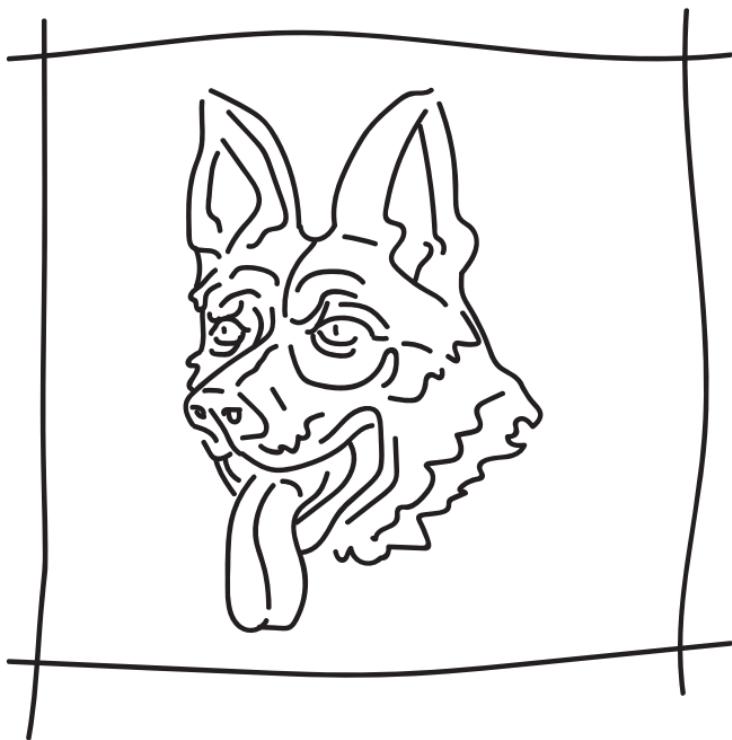
Узнав, что летом я немного работал курьером, Сигитина мама стала давать мне по несколько конвертов, которые я должен был развести — перечень техники, которую она продавала. Я плохо знал Москву, ездил в дальние районы, сверялся по бумажной карте. В принципе, ничего страшного. Сто рублей за поездку, почти бесплатно, но должен же я был отплатить своим трудом и временем — за то,

что ко мне хорошо относились, готовили еду. В принципе, мне не на что было жаловаться, ведь я мог быть рядом с Сигитой, хоть и не всегда получал возможность поставить пистон. Но я чувствовал, что ее мама считает меня слишком творческим, хочет другого для своей дочери, но ни разу ни одного упрека. Она держалась молодцом, помогала и мне тоже, по мере своих сил.

Сигита отдалась от меня. Бывало, она зарывалась в угол постели в подушку и одеяла, тихонько мяукала там, бормотала что-то, будто забыв обо мне. То ли я слишком много пространства занимал, много идей пытался параллельно реализовать и мешал ей выстраивать свой творческий мир. То ли наоборот: ее могучий талант отнимал все Сигитины силы, а я не понимал, как вернуть ее в реальность. Поэтому я возвращался в общагу, барабанялся в интернете, иногда ходил на занятия. Так мне было спокойнее. Иногда я четко произносил для себя:

— Мы должны либо жить вместе, либо расстаться. Мне нужен секс, мне нужны нормальные отношения, пока я молод.

Денег было совсем мало. На массовки я почти перестал ходить после одного случая. Однажды мне позвонил бригадир и позвал сниматься — прямо на ВДНХ. Как удобно. Мне велели прийти в пальто, я взял его у Ильи Авербаха и пришел к месту сбора, у метро. Бригадир пересчитал нас, отметил и повел в сторону ВГИКа. Мы прошли киностудию имени Горького, и у меня мелькнула мысль: опасность. Так оно и оказалось, нас — меня и десяток мужчин в пальто — провели во ВГИК. На охране был список: разрешение, чтобы провести посторонних на съемки. Оказалось, какой-то бородатый парень из группы Данияра и режиссера Ильи оплатил себе массовку для съемок. Нас снимали прямо на одной из лестниц. Мимо ходили студенты,

кто-то меня узнавал, спрашивал, что происходит. Мне было неловко, я объяснял, что снимаюсь в массовке для подработки. И — о, чудо! — съемка оказалась здесь.

— Круто. Ты снимаешься в массовке, — получал я ответ. Казалось, меня застали за чем-то стремным. Я нищий и ничего не умею. Мне приходится подрабатывать, заниматься такими вещами.

Бородатый режиссер узнал во мне студента ВГИКа, но никак не показал это. Сцену, в постановке которой участвовал, я не понял. Какой-то чувак и девушка спускались по лестнице, а мы, мужчины в пальто, провожали их взглядом, еще надо было взмахнуть рукой.

На девятом этаже нашей общаги работал бар. Через пару дней мы сидели в нем с Михаилом Енотовым и Ильей Авербахом. Выпили несколько кружек, просадили деньги и уже брали пиво в долг. Неожиданно появился этот бородатый режиссер. Я занервничал и рассказал своим друзьям про съемки, на которых оказался.

— Ну и в чем проблема? — спросил Михаил Енотов.

— Унижение, — сказал я. — Больше никогда не снимусь в массовке или групповке. И вообще, я против режиссеров, которые могут позволить себе массовку в учебном фильме.

Илья Авербах только пожал плечами. Михаил Енотов тоже не придал значения этой истории. Как странно, я подумал, что они не понимают моей борьбы. Ладно, Илья Авербах — он из кинематографической семьи, не знал нищеты, выбор его профессии был обусловлен средой и семейной традицией, но Михаил Енотов — как и я, такой же голожопый талант. Оба они как будто знают, кто такие, у них есть чувство стержня и понимания своего пути. Я чувствовал себя не на своем месте, мне нужны были изданные книги — хоть время еще и не пришло, а я уже не мог ждать. Нужны были читатели и какая-то, не обязательственно даже творческая, работа, приносящая деньги. Нужны

были слушатели наших песен. Только так, думал я, смогу почувствовать, что я — это я, и перестать паниковать.

Появился крепкий алкоголь.

Я выпил. Встал, подошел к бородатому режиссеру, угрожающе навис над ним и сказал:

— Привет, как дела?

Он явно меня узнал, но изобразил недоумение:

— Я тебя слушаю.

— Это я. Один из мужчин в пальто. Знаешь, что ты снимаешь?

— Что я снимаю? — спросил он, напрягшись, как мне показалось.

— Шляпу. Это шляпа.

Потом нас разнимали на площадке у лифта. Еще какое-то время спустя Илья Авербах и Михаил Енотов пытались оттащить меня в комнату, но я вцепился в перила и кричал, что не лягу спать выше шестого этажа. Я боялся высоты. Потом я помню, как говорил Сигите в телефонную трубку:

— Где ты? Почему я здесь один? Хочешь, чтобы я нырнул в асфальт?

* * *

Мне повезло. Пьяница пришла в гости и предложила подработать. Мы не обсуждали наш маленький секрет все это время, но, естественно, ни для кого в общаге он секретом не был. Тем не менее, Сигита с Пьяницей не просто не рассорились, но даже стали хорошими подругами.

Короче, Пьяница работала редактором на сериале и решила отгрузить кусочек неинтересной работы мне.

— Смотри.

Она зашла на свою почту с моего компьютера и скакала сценарий.

— Аннотация состоит из четырех не очень длинных предложений. Это один абзац. Каждое предложение раскрывает одну линию. Но проблема в том, что, чтобы ее написать, нужно прочесть серию целиком.

— С ума сойти,— ответил я.— Это же целых двадцать минут надо потратить.

Пьяница толкнула меня в бок.

— Блок — это шестнадцать серий,— сказала она.

Пьяница открыла сайт, и я прочитал несколько аннотаций.

— Господи Иисусе,— сказал я.

— Я буду тебе присыпать сценарии на месяц вперед, а ты будешь писать аннотации. Думаю, у тебя уйдет пара дней на эту работу. Это стоит три тысячи.

Она объяснила все и оставила меня одного. Конечно, такая халтура плюс стипендия уже решали все мои денежные проблемы. Тяжело было просто прочитать серию этой ерунды — надо было еще вычленить линии. Вот линия пропорщика, а вот линия буфетчицы. Вот любовная линия одного из рядовых солдат — того, который на выходных в увольнительной. В конце нужно было повесить интригу, задать звонкий вопрос, чтобы, как червя

на крючок, насадить на него телезрителя. Я потратил два часа на чтение одной серии и два часа на первый черновик аннотации, который показался мне более-менее рабочим. Вспотел и очень разволновался. Нет ничего тяжелее, чем обучаться чему-то полезному.

Пьяница минут двадцать редактировала.

— Ничего не получится,— говорил я.

Она отвечала:

— Спокойно, не волнуйся. Ты хорошо все сделал.

Я с тоской смотрел в окно на небо, на облака и на ли-музины. Моя молодость проплывала мимо.

— Давай лучше разднемся и ляжем в постель,— сказал я.— Сериалы это не мое.

Пьяница оторвалась от экрана и уставилась на меня. Она всерьез обдумывала предложение. Она была влюблена в Лема. Даже устраивала какие-то странные сцены, приходила к нему, раздевалась, ложилась в постель — Лем ее трахал и отправлял спать к себе в комнату. Она кричала Лему: ты же любишь меня! А потом всем рассказывала, что он ее изнасиловал. В общем, вела странную игру. Вот, готовенькая, как пирожок, она сидела за моим рабочим столом, и я чувствовал, что у нее между ног очень тепло и хорошо.

Мне пришлось отвести взгляд, чтобы не перевозбудиться. После нашего случая она пыталась ко мне подкатывать, когда была пьяна, даже подсыпала подружек, которые кидали намеки и кружили вокруг, как чайки. Я тогда удержался. Потом я пытался подкатывать к ней, когда был пьян, а Сигита уезжала. Но Пьяница уже остыла. В итоге мы второй раз не снюхались.

— Ты что? Я же подруга Сигиты,— вспомнила она.

Пьяница уставилась обратно в монитор.

— То есть ты не хочешь или хочешь? Че ты мне мораль пихаешь? — спросил я и стал грызть ногти на правой руке.— Я с тобой, как животное с животным.

Она покачала головой с мечтательной улыбкой, но тут же переключилась на работу. Аннотация была готова. Удивительно: когда я увидел ее правки, я сразу понял, как работать с этим жанром.

— Как ты это сделала? Ты гораздо умнее, чем кажешься.

— Заткнись! — сказала Пьяница. — Просто делаю. Мне тяжело писать даже аннотацию. Но исправлять я научилась, я же редактор.

Склонил перед ней голову: в литературный институт ходить не надо.

— Может, подрочишь мне, редактор?

Она прыснула и ушла. На оставшиеся пятнадцать серии у меня ушло всего несколько часов. Я научился читать серии по диагонали, сразу вычленяя суть. Это были самые легкие деньги в моей жизни. Однако я сказал себе: стой. Через три месяца нужно перестать делать эту работу. Иначе испортится стиль.

Если дело касается стиля, нужно немного рассказать про Лема, моего друга Дмитрия Лемешева. Он единственный, кто стал профессиональным сценаристом из моих пацанов, как я уже говорил. Сперва мы писали вместе. Лем сочинял, а я расписывал. Приехал он из Беларуси, мама его была мэром Толочина, совсем маленького города. Первое техническое высшее образование он получил в Новополоцке. Лем был звездой института, актером, остроумным провинциальным соблазнителем, играл в КВН. Мы недоумевали, когда он в разгар пьянки отправлялся в комнату и принимался пересматривать свои институтские видеозаписи.

Со временем я стал понимать, что так он успокаивает свой мозг. Нет ничего более отупляющего, чем пересматривать лучшие видео со своим участием, перечитывать свои рассказы или еще как-то переживать свои удачные творческие моменты. Вместе с алкоголем это действует

как массаж для мозга. Лем успокаивал себя, чтобы лечь спать и с утра подскочить, принять душ, сделать зарядку и дальше идти к своей цели. Лем в редкие вечера безделья (ведь еще надо было зарабатывать на учебу) усыпал себя лестью, чтобы лучше высыпаться перед прыжком в будущее. А цель его была до боли проста и глупа: перетрахать всех славных девчач и стать крутым и востребованным сценаристом.

Идей у Лема было много. Мы с ним успели пописать передачи для телевизора, например, продали пару серий «Часа суда» — шоу с фиктивными разбирательствами, а для души даже написали короткометражку, высмеивающую кинематографическую богему. Лема любили в мастерской Юрия Арабова, хвалили как самого трудолюбивого и вообще душу группы. Он получал больше комплиментов от мастеров, чем Михаил Енотов и Сигита вместе взятые. Помню, как я сидел с черновиком у него в комнате, делал пометки, а Лем фонтанировал — мне нужно было только отделять бред и подбирать ценное. Один или два вечера на черновик, потом один или два вечера, чтобы расписать — последнее делал я сам, без Лема. Было понятно, что мы отличная команда и сможем в течение нескольких лет начать зарабатывать хорошие деньги в этой профессии.

Я придумывал себе отговорки, боялся. Лем верил в структуру, в драматургию. Послушно следовал правилам, которые Арабов показывал своим студентам на примере разных классических фильмов. Сцене нужно решение, персонажу — маркировка, истории — жанр и формула. Энергичный карьерист, ночами Лем работал в ресторане, днем ходил на учебу, а вечером писал учебные этюды, полнометражные сценарии в разных жанрах, синопсисы сериалов и шоу.

Мне не о чем было писать, я не хотел учиться сочинять, не хотел быть профи, не хотел расходовать свою энергию

раньше времени. Знал, что из меня вырастет ограниченное количество работ: только один первый роман, только один первый полный метр, только одна первая пьеса, только одна первая повесть и хороший рассказ или стих — лишь один на определенное жизненное открытие. Каждый первый текст может оказаться последним. Поэтому я выполнял учебные упражнения, и часто с огромным удовольствием, но не мог писать на продажу. Чтобы найти своего персонажа, мне нужно было сначала пережить описываемое в этюде. Нужно было пощупать предмет, чтобы открыть свою метафору, нужно было детально изучить свою версию ада. Легче было сочинить теорию и не подчиниться, чем стать барыгой. Нужно было обойти землю и найти верные слова.

Лем скоро начнет зарабатывать на сценариях, а я буду работать руками. Как мне кажется, он так и не научится хорошо писать.

* * *

Мне давали роли в студенческих фильмах. Той осенью я снялся у студентки Алексея Учителя Саши Лихачевой. Хорошая интеллигентная девушка, мы подружились, хотя, как мне казалось, ей не хватало огня в работе. Фильм в итоге не получился, как это обычно и бывало, но мы начали общаться. Один раз я встретил ее в столовой, с ней была одногруппница Женя.

— Жека, напиши мне сценарий, — сказала мне Саша Лихачева.

Она сказала, что прочитала мои рассказы, и мы можем сработаться. Я обрадовался, потом застеснялся, потом вспомнил Данияра и чем всегда кончаются такие планы. Ее подруга Женя смотрела на меня молча. Меня это и нервировало, и распаляло: взгляд Жени пронизывал насеквоздь, хотя ничем кроме формальных приветствий вслух мы не обменялись. Я сказал, что очень хочу написать сценарий под себя, чтобы дебютировать как молодой суперталант, актер и сценарист. Это будет фильм про человека, который приходит провести на венерические болезни, но его сталкивают в люк в стене. Человек оказывается заключенным в лаборатории, что-то между тюрьмой и психушкой, где над ним проводят опыты: заставляют каждый день пить разные таблетки и заниматься сексом с красивыми и не очень девушками.

— А чем все закончится?

— Это нам и нужно решить. Думаю, все закончится тем, что никаких венерических болезней нет, что все есть отражение нашей воли, и мир — театр, наша сексуальная фантазия, желание залезть обратно в маму.

— И как мастера такое одобрят? — спросила Саша Лихачева.

Да плевать на мастера. Мне не нравится, что снимает твой мастер — он просто паразит. Я хочу написать гротеск

и драму, и фантасмагорию. Наше общество будет показано через пример лаборатории, в которой над людьми проводят секс-эксперименты. Все мы — подопытные кролики. Если Учитель (разве он снял хоть один хороший художественный фильм?!?) это не одобрит, значит, мы на верном пути. Давай бросим ВГИК, чтобы снимать хорошее кино.

Я разошелся. Ее мастер, сказал я, бездарный человек, просто умеет находить деньги на свои проекты. Вампир старой школы, но после революции, когда мы придем к власти, эти гнусные функционеры наконец столкнутся с реальностью. А пока пусть кайфует: окружил себя красивыми, чистыми и образованными девчонками-писечками, как Саша или, вот, Женя, из якобы существующего среднего класса. Разве взял бы он меня к себе в мастерскую? Никогда. Я вижу его как облупленного, хотя даже не знаю, как он выглядит. Зато вы ему нужны.

— Потому что он пьет, пьет потихонечку вашу силу. Ниюхает ваш запах. Пока вы ловите его пустые слова.

— Б-а-а-а,— сказала Саша Лихачева.— Не понимаешь, о чем говоришь.

Да, я понял, что увлекся. Поглядывал на Женю. Приняла ли она мой вызов? Оценила, что я посвятил ей эту зарисовку?

— Ладно, пока. Приятно было познакомиться,— я протянул руку Жене, пожал ее.

Меня как током ударило. Она точно приняла вызов и ответила мне незамедлительно. Впервые в жизни я услышал чужой голос у себя в голове:

— Я хочу тебе отсосать.

Было или не было? Я поднялся из столовки в аудиторию и не мог ни о чем думать. Она это сделала умышленно, или это проделки похмельного мозга?

Вечером Женя добавилась ко мне в друзья на «вконтакте». На аватарке у нее стояло фото накачанного негра.

Даже это удивительным образом работало на нее. На женственную, но распущенную, чистую снаружи, но грязную и эмоционально сильную внутри — такой я ее выдумал. Женя,— говорил я, перекатывая во рту ее и мое имя. Мой антагонист, моя тезка из другого мира. Завязалась переписка. Это был первый в моей жизни подобный флирт — петтинг подтекстом.

За двадцать минут обсудили любимые книги, фильмы, поделились фактами своей биографии: Женя пожила в Европе, пока я рос в Сибири, и была, как и Сигита, старше меня на два года. Но все это лишь поверхность, на самом деле я совершил какой-то внутренний переворот, водил своим пролетарским членом по ее мидл-класс половым губам.

Позвонила Сигита и попросила приехать к ней. Она только что потеряла сознание в аптеке. Врачи сказали, что это то ли паническая атака, то ли сосудистая дистония.

— Это что такое вообще? Болезнь творческих людей? — спросил я. Меня испугало и расстроило то, что все это происходит в такой момент. Неужели мы настолько сильно привязались друг к другу, что моя эрекция на другую вырубает Сигиту в прямом смысле слова.

— Не ругайся на меня. Мне плохо,— ответила тихонько Сигита.

Начались первые морозы. К метро я шел по корочке льда, то дразня себя, то ругая. Я заночевал у Сигитиной мамы. Когда сама Сигита уснула, долго лежал там в ванной с книгой, на которой не мог сконцентрироваться. Не знал, что мне делать. Мне казалось, что моя простата болит из-за недостатка секса. Хотелось настоящих ярких оргазмов, страсти, минетов, плоти. Я лежал в воде и направлял теплые струи душа себе под мошонку, было очень приятно. Я чувствовал жизнь в простате, подавляемое желание, энергию, которая перегревивает во мне.

Они как будто лежали голые: Женя, мой персональный пропуск в мелкобуржуазную идиллию, внучка советского кинематографического классика, манила меня. Вставить ей — было все равно, что порвать пленку, отделяющую меня от реальности обеспеченных людей. Деньги и предметы меня не особо интересовали, но очень важно было стать путешественником между мирами, и пока я знал только свой мирок, а мне хотелось заглянуть в другой — прямо в своей оборванной одежке.

И Сигита — близкая моя душа, родное прекрасное дно, с ее беспомощностью, простой мамкой, всю жизнь пытающейся добиться достатка, и отцом, неизвестно куда пропавшим литовским моряком.

А между ними я, хватающийся за обеих.

* * *

Сигита еще несколько дней мучилась паническими атаками, а потом они с мамой пошли гулять и подобрали больного щенка. Она позвонила и попросила неделю не проводывать ее — у них в квартире теперь жила чесотка.

— С добром всегда так,— прокомментировал ситуацию Михаил Енотов.— Будь готов и к проказе, и к чуме, если встаешь на его сторону.

— Причем тут добро или зло? — говорю.

— Ну как. Они попытались вылечить щенка. Такие вещи наказываются.

Моя девушка кормила щенка из пипетки и лечила чесотку у себя дома на Алексеевской, а я вечерами переписывался с Женей, сидя на старом стуле в общаге. Один наш разговор начался с того, что она похвалила рассказы, которые я пишу, то есть мою будущую книгу, а закончился ее фразой:

— Я люблю сосать член.

Так я перестал сомневаться: она читает мои мысли. Настолько я был примитивен. Мне нужен секс с Женей прямо сегодня — тогда все и решится, сказал я себе, и тут интернет закончился. Был темный вечер. Нужно было звонить ей, спровадить Михаила Енотова и расчехляться. Но он, похоже, последние дни тоже читал меня как газету.

— У тебя появилась новая цыпа? — спросил Михаил Енотов.— Я сегодня никуда не уйду. За тобой нужно следить.

— Я же взрослый,— возразил я.

Он сказал, что идея не очень хорошая. Лучше потерпеть, пока Сигита вылечит чесотку, поставит на ноги щенка, сама оклемается от своих панических атак. Тогда я уже расстанусь с ней и начну спать со своей новой бабой. В такой же суматохе он не готов освободить комнату для моих потрахушек.

Я постучал в дверь к Доктору Актеру.

— Док, пожалуйста. Мне нужен твой логин и пароль. Завтра я закину денег на интернет, а сегодня дай попользовать.

Доктор Актер вообще был не жаден, но на этот раз удивил.

— Не могу,— серьезно и даже испуганно сказал он.

— Как это?

— Не могу,— повторил Доктор Актер.

— Да что значит не можешь? — заорал я, как будто это был вопрос жизни и смерти.— Продиктуй или напиши на бумажке. Я подключусь со своего компа, но не буду смотреть порнуху, просто переписка у меня! Все нормаль-но будет с твоим трафиком.

— Не могу,— твердо сказал Доктор Актер.— Это мой пин, это мой логин. Все равно, что ты будешь спать с моей девушкой.

Я вернулся в свою комнату и несколько раз пнул шкаф. Михаил Енотов лежал на своей кровати с книгой Дмитрия Орехова «Два будды».

— Ого, как припекло,— сказал Михаил Енотов.— Но Док, конечно, тоже странно себя ведет.

Мой мобильник звонил. Это была Женя. Я вышел в коридор и сказал ей неожиданно истерично:

— Я не такой! Мне надо определиться, я не могу сидеть на двух стульях сразу! — и бросил трубку.

Тут же позвонила Сигита.

— Ты почему не звонишь? Поговори со мной. Ты не скучаешь? — спросила она.

Стараясь успокоиться, я поговорил с ней. Просто без подготовки решил ей все выложить, чтобы не здаться дальше.

— Слушай. Я немного влюбился. Но я хочу остаться с тобой.

Сигита не плакала, не ругалась, но была расстроена. Договорились, что будем держаться нашего союза. Когда я закончил разговор, сразу получил смс от Жени:

«Тогда сиди на своем старом проверенном стуле:».

Мне нужно было успокоиться. Я решил принять ванну. Всегда брезговал это делать в общаге, но сейчас было все равно. Сполоснул рыжую от ржавчины ванну, набрал воды. Было хорошо. Я слышал, что Доктор Актер вышел в коридор и говорит Михаилу Енотову:

— Стасик, уgomони своего бешеного друга. Почему он так себя ведет? Я ему не младший брат!

Он ответил Доктору Актеру что-то насчет того, что за жать интернет для соседа как минимум нелепо.

Я занырнул с головой, чтобы спрятаться от смущения, чуть подавился водой. Выждал, когда их диалог закончится, и вынырнул, отплевываясь.

Джинсы валялись на полу, телефон лежал в кармане. Я уже немного расслабился, когда пришло еще одно сообщение. Вытер руку и прочитал:

«Я у общаги. Внизу. Жду тебя».

Через пять минут мы целовались на крыльце и пили коньяк, который Женя привезла с собой. Меня быстро шибануло. Как во сне, мы валялись на диване в фойе шестого этажа, потом я пытался ее раздеть на кухне своего десятого на деревянной лавочке. Еще она сидела на плите, скрестив ноги за моей спиной, я терся ширинкой ей между ног через колготки. Мы гуляли по акведуку и уговаривали пьяного бомжа встать с замерзшего тротуара. Женя уехала под утро, оставив меня со стояком и пытающимся понять, что же это было.

Моя намечающаяся интрижка сработала быстро и терапевтически: у Сигиты прошла и чесотка, и панические атаки. Через пару дней она изъявила желание вернуться в общагу.

Только вот щенок умер. Вроде бы начал выздоравливать, даже играть с Оскаром, а потом опять слег и уже не вставал. Вызывали ветеринара, но и тот не смог помочь.

Начались морозы, и я тащил труп щенка в пакете. Сперва было нормально, но когда тело заледенело в жутко неудобной позе, а пакет порвался, стало казаться, что это полуметровое тельце весит тонну. Сигита шла рядом, я останавливался каждые двадцать метров: поворчать, перехватить, отышаться. Мы немного проехали на троллейбусе, потом тащили его от остановки. План был такой: попросить у наших вахтерш лопату и закопать его в парке за улицей Касаткина.

В этот вечер было слишком холодно, где-то минус двадцать. Я прикинул, что мне не раскопать землю в такую погоду. Спрятал труп щенка за мусоркой. На следующий день было немного теплее. Я предложил Джиму помочь мне. Неожиданно он отказался.

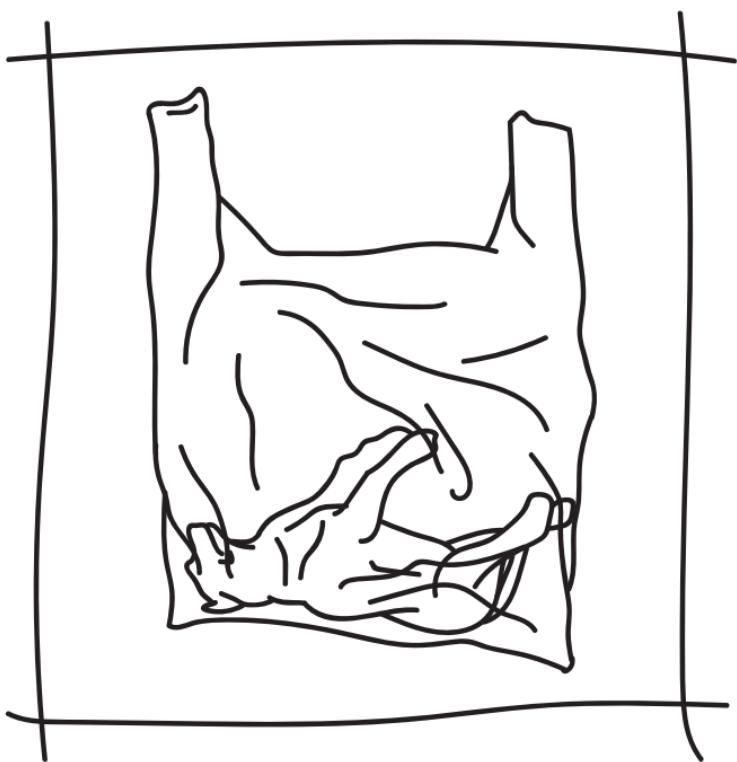
— Как это? — спросил я наивно. — Ты же христианин.

— Ну и что? — ответил Джим. — Выбрось труп в мусорку. Это же не человек. У него души нет.

— С ума спятил? Как это нет души? Это же не кусок пластмассы, а зверь. В мусорке он оттает и будет вонять. К тому же этот пес был дорог моей девчонке. Надо его похоронить нормально.

— У меня были щенки, и они умирали. Я с ними не церемонился, — так сказал Джим.

Перед Михаилом Енотовым я чувствовал себя виноватым, не стал просить его о помощи. Но со мной пошла сама Сигита. В парке было тихо, прохладно, хорошо. Я управлялся быстро, выкопал маленькую, но глубокую могилку, уложил туда труп щенка. Мы проводили его минутой молчания, после чего я закопал яму. После похорон мы поехали в гости к Сигитиной подруге. Подруга напилась и поругалась со своим парнем. Мы с Сигитой заперлись

в ванной, чтобы не слышать ссоры, целовались, ласкали друг друга. Как в первый раз. Подруга долбилась в дверь, кричала, что ненавидит своего парня. Мы решили не открывать. Подруга грозилась выкинуться в окно. Ее парень молчал и молчал, но потом тоже начал орать:

— Да делай уже что хочешь, только не вопи!

Людям нужны драмы, оба они тоже были сценаристами. Мы с Сигитой улеглись на голый кафель. Я пообещал больше не переписываться и не встречаться с Женей.

* * *

Рассказы Зоберна перевели на голландский и издали книгой. Переводчица с кафедры славистики наткнулась на его прозу в журнале «Новый мир», и завертелось. Я и обрадовался за него, и завидовал. И удивлялся, что это сработало: эти рассказы, технично написанные, были лишены личности и походили на хорошо выполненные старательным, но не очень изобретательным роботом упражнения.

— Ты глуп еще, — говорил мне Зоберн. — Тебе надо учить историю и философию. Тебе надо писать на разные темы. Все — есть упражнение.

— Мне нравится писать то, что лечит меня. Тогда оно и на другого подействует.

— Кого ты лечишь? Вырастай уже.

Книга называлась «Тихий Иерихон»: в одноименном рассказе горнист проснулся на развалих СССР, и его избили гопники, в другом — Ленин утонул в молодости, переходя залив по льду. На русском еще не было книги. Гонорара Зоберн не получил, зато скатался на несколько дней в Амстердам, пожил в двухэтажном доме издателя, погулял, провел презентацию, вдохновился писать дальше.

В гостях у Зоберна я выпил коньяку, он угощал.

— Я подписал там сорок книг! — хвастался Зоберн и показывал фотографии, на которых то сидит за столом с переводчиком, то подписывает книги авторучкой, а также отдельно — его красивая книга на фоне улиц среди инопланетной жизни.

Потом Зоберн подвыпил и сказал:

— Я не хотел тебе говорить раньше времени. Но я продал рассказ в наш «Эсквайр». Скоро выйдет.

— Везучий сукин сын.

— Я профессионал. А ты еще сопляк.

— Повторяю: везучий сукин сын.

— Везучий на восемь тысяч рублей.

Такой у них был гонорар, это вам не толстый журнал! Мы открыли мои рассказы на «Прозе.ру» и стали выбирать, какой мог бы подойти для «Эсквайра».

— Они понемногу начинают публиковать русскую прозу. Можно попробовать толкнуть и твой.

Два рассказа Зоберн сохранил себе, чтобы якобы отнести в «Эсквайр», чтобы у них было из чего выбрать. Время было позднее, я стал собираться домой.

— Только обязательно удали все тексты с «Прозы.ру». Пусть они будут только в «Журнальном зале».

Я пожал плечами. Может — да, может — нет.

— А книга? — спросил я.— Подаришь экземпляр?

— Зачем тебе на голландском? Будет на русском, тогда и подарю.

— Твои рассказы я и так читал. Мне нужен этот магический амулет, чтобы писать лучше. На удачу.

Зоберн зажал книгу. Осталось всего восемь штук, оправдывался он. Трамваи до общаги уже не ездили, и я шел ночью по путям. Как он это делает, думал я. Ведь его тексты просто дают легкую игру для ума, не вызывают сопереживания. Мои тексты хуже? Я ищу и болею, а Зоберн просто играет. Мне же пишут люди, что они читают и перечитывают то, что я написал. Я точно знал, что у Зоберна было меньше читателей, но он умудрялся вплетать какие-то маркеры, на которые клевали так называемые «профессионалы». Не завидуй — анализируй. Я нелюбопытен и труслив даже в мечтах — пока пишу в редакцию письмо, желая выиграть футболку с цитатой Микки Рурка из рубрики «правила жизни», умный и смелый Зоберн идет в редакцию, рассказывает сказки о своем величии и продает рассказы.

Шагая домой по мокрому московскому асфальту, вверх по родной уже улице Бориса Галушкина, я вспомнил одну

ситуацию. Мне позвонили и позвали на опрос. Нужно было собрать компанию из четырех человек для дегустации пива. Заполнить анкеты, в них по вкусу оценить сорта. Вознаграждения не было, зато участники после работы могли несколько часов пить это никак не маркированное пиво в любых количествах. Мы с Михаилом Енотовым думали, кого еще позвать. Нужна была команда хороших писателей, чтобы это была не простая пьянка, но таинство и симпозиум. Я позвал Зоберна и еще одного друга, с которым тоже был знаком с «Дебюта» — Стаса Иванова, публиковавшегося под псевдонимом Зоран Питич.

Питич был парень простой, коренной москвич из Марьино, пишущий свои странные и пронзительные, приключенческие и псевдонаучные повести. В то время он еще не рекламировал активно в соцсетях свои книги, не был помешан на юных читательницах и не лайкал всех знакомых и незнакомых девушек. Питич был в расцвете: любил угостить друзей пивом, пошататься по улицам в своей бессменной черной кожанке. Он был старше меня лет на шесть и на два года старше Зоберна.

Зоберн опоздал почти на час, а мы не могли начать без него. Нас должно было прийти четверо: только тогда пустили бы за стол. И вот появился Зоберн, в своей вечной джинсовке, которую он носил и под курткой зимой, брюках и туфлях и с папочкой под мышкой, серьезный и насупленный, пока не встретится с тобой взглядом, и иронично-насмешливый, как только сфокусирует взгляд на тебе. Мы поздоровались и прошли в гостиницу, в конференц-зале которой проводился опрос. Столы были расположены как в ресторане, многие дегустаторы уже были пьяны. Пиво было не самое вкусное, такое же как подают в обычных дешевых барах или КиЭФСи. Всего два вида. Нам принесли по два стакана на брата, мы тут же начали пить и болтать. Зоберн попробовал одно, второе, и как-то

поскучнел, разговаривать ему не хотелось. Женщина, которая нас обслуживала, принесла анкеты. Михаил Енотов сказал ей, что мы известные писатели и чтобы она эти анкеты сохранила для потомков. Зоберн спросил, есть ли еще какой-то сорт, с иным вкусом? Пока мы втроем радовались и быстроправлялись с ослиной мочой, влитой в наши стаканы, Зоберн оглядывал публику, брезгливо смотрел на стаканы. Он заполнил анкету, встал и пожал нам руки со словами:

— Унылая вечеринка. Вынужден откланяться.

Мы по разу высказали возражение, но он сказал, что принял решение поработать сегодня. Мы смотрели, как он выходит из зала, я взял его стакан и стал допивать. Михаил Енотов взял второй. Питич покачал головой — он вообще недолюбливал Зоберна, и сказал:

— Ч-че это он? Лучше бы я Свята из Марьино взял.

Зоберну надо было оберегать свой талант, чтобы через десять лет дебютировать с идеальным первым романом, лучшим в нашем поколении, книгой с нескромным названием «Автобиография Иисуса Христа». Он планировал карьеру великого писателя, мы же были бродягами, панками. Нам просто нравилось пить плохое пиво.

В ларьке возле общаги я купил еще полторашку. Поднялся к себе — Михаил Енотов уже готовился ко сну. Сигита сегодня была у мамы.

— Будешь? — спросил я.

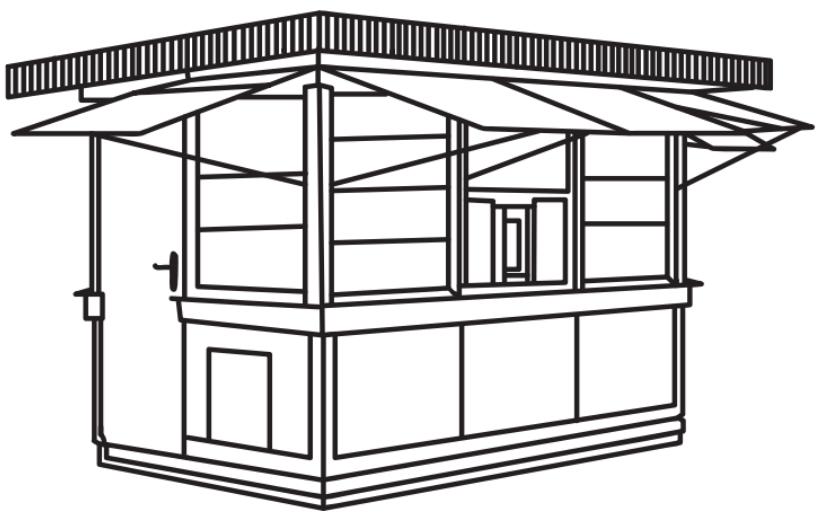
— Не, я уже спать.

Меня почему-то это очень обидело.

— У Зоберна взяли рассказ в «Эсквайр», ты представляешь себя?

— У него там знакомые?

— Нет, он просто взял и отнес туда рассказ. Сказал им, что его книга вышла в Нидерландах и что он скоро станет новым Пелевиным.

— Так попробуй и ты отнеси. Не думаю, что ты намного хуже.

Не помню точно, что случилось со мной, но я разозлился на Михаила Енотова. Мы начали бороться. Он в пижаме, а я — еще в куртке и шапке. Потом я ударил его в грудь с криком:

— Я обезьяна!

В ответ он пнул меня по яйцам. Но не сильно. Я отважил, пошел умыться, потом вернулся в комнату. Постоял посреди нее, потом начал раздеваться ко сну.

— Спокойной ночи,— сказал я, укладываясь. Он ничего не ответил.— Извини меня. Я просто борец. Я сильная обезьяна.

Утром я убирал постель, а Михаил Енотов сказал, задумчиво глядя на лимузины под окном:

— Думаю, пришло время съехать с твоей комнаты.

На всякий случай, чтобы он действительно не съехал, я решил бросить пить. Пора, подумал я.

* * *

Боялся, что мне будет очень сложно перестать бухать, но только первые пару недель уходил к себе, когда намечалась пьянка. Скоро я уже спокойно мог присутствовать при возлияниях, пил чай или минералку и как будто пьянял вместе со всеми. В голове приятно прояснилось, появилось желание делать утреннюю зарядку. Пару раз я даже сходил на тренировку по каратэ (мой одногруппник был тренером и предложил заниматься у него бесплатно). Сигита продолжала пить, если приезжала в общагу, но все-таки в такие холода предпочитала проводить время у мамы. Чаще я приезжал к ней, чтобы выгулять собаку, переночевать, спокойно почитать, попридумывать сценарии, которые мы никогда не напишем.

Я продолжал писать учебные задания. По субботам мы читали их вслух. Наш мастер Бородянский прикрывал глаза, когда слушал, чтобы не пропустить ни одного слова и визуализировать картинку. Второй мастер Ольга Валентиновна тоже была начеку, делала пометки ручкой. Бородянский давал советы более глобальные, Ольга Валентиновна помогала как опытный редактор. У меня было несколько работ, которые они высоко оценили: немой этюд, разговорный этюд, короткометражка, экранизация рассказа Шукшина «Стенька Разин». Некоторые задания я вообще не выполнил или бросил на середине. Я выбрал себе разрешение писать полнометражный сценарий раньше времени, но и его бросил. После первого нашего сценария с Сигитой, который все расхвалили, но никто не поставил, меня охватывала тоска от этой схематичной записи: интерьер или натура, время действия, ремарка, имя героя, диалог. Никакой лирики, никаких мыслей.

— Вы должны поверить в структуру, Женя, — говорила Ольга Валентиновна. Но все во мне восставало против.

Не хотелось верить в правила драматургии, в то, что фильмы и жизни подчинены каким-то дурацким законам.

На Новый год трезвый слонялся от комнаты через коридор до кухни, где был накрыт стол, смотрел на пьяных студентов-товарищей и грустно наслаждался своим состоянием. Надо бросать учебу, думал я. В этом году я ее брошу. Сценаристом становиться я не хочу, выход один: жить, работать, кем получится, и понемногу писать, накапливая капитал случайных строк и открытий.

От трезвости писать больше или лучше я не стал, зато скопились деньги на поездку в Казань в гости к семье Михаила Енотова. Я поехал туда на каникулах после сессии. Без Сигиты — она сказала, что за это время постараётся написать пару серий и заработать для нас денег. Нарисовался какой-то сомнительный продюсер, и они разрабатывали сериал про адвоката в девятнадцатом веке.

У Михаила Енотова знакомый работал в клубе «Маяковский. Желтая кофта», и он предложил выступить там группе «ночные грузчики». Саму музыку этот знакомый даже не послушал. Просто почему-то оказалась свободная дата — День святого Валентина. Что нам надо по райдеру? — спросил знакомый. Михаил Енотов тоже устроил себе разгрузку от алкоголя, поэтому первый в нашей жизни райдер был такой: четыре бутылки «Баварии» (она оказалась вкуснее «Балтики») нулевой и упаковка мармеладок «Харибо» со вкусом кока-колы. Но когда мы пришли в клуб в назначенный день и время, не обнаружили в гримерке ни пива, ни мармеладок.

— Ну, я так и знал, — сказал я. — Зачем он тогда спрашивал?

— Может, решил, что это шутка.

Мы сами сходили за своим райдером, а когда вернулись, охранник не хотел нас пускать.

— Это безалкогольное пиво,— сказал я.— Его не подают на баре. И мы сегодня выступаем.

Михаил Енотов позвонил знакомому, он забрал у нас из рук пакет с бутылками и провел через охрану.

Нам представили звукорежиссера, и мы пошли настраивать звук. Минус звучал очень плохо, голос не намного лучше.

— Вы как это сводили вообще? — спросил звукорежиссер.

В зале уже были люди, они ели и выпивали. Парочки целовались, праздновали, кормили друг друга с вилки, вытирали друг друга салфетками. Концерт в этот день не был никак обозначен, не говоря уже о попытках привлечь целевую аудиторию. Вход, естественно, был свободный. Когда мы чекались, кто-то из людей крикнул:

— Включите нормальную музыку!

— У нас отличная музыка,— неловко огрызнулся я в микрофон.

— Давай, читай, не отвлекайся,— сказал звукорежиссер.

Я отвернулся от зала в сторону кулис и продолжил бубнить свои стишата.

Когда мы выступали, на танцполе было два человека: единственный фанат «ночных грузчиков» в Казани Евгений Запылкин и родной брат Михаила Енотова Кирилл Маевский — восемнадцатилетние парни.

— Приятного аппетита, уважаемые влюбленные,— сказал я, и мы начали.

Вдали прямо напротив сцены сидел за столиком отец Михаила Енотова, интеллигентного вида моложавый очкастый клерк. С ним были какие-то подруги семьи, они наворачивали мясцо, выпивали водку и поглядывали, как мы нерешительно топчемся по сцене и произносим текст:

*стать взрослым
значит жить в чужом городе*

*с той, кто хочет родить от тебя в следующем году
иметь возможность выбирать
растить ли бороду
выгребать очистки из раковины рукой и готовить еду*

На Михаиле Енотове был свитер «Хьюго Босс» за две-стии рублей из магазина «Сток», мне он предлагал на-деть «Лакост» за девяносто. Для меня это было слишком, я остался в толстовке. Михаил Енотов в середине сэта все-таки снял «Хьюго Босс», под которым была самодель-ная футболка с принтом, вершина нашего совместного юмора — две похожие морды, как будто братьев: Сартр и Петросян. И подпись: «Who is who? Евгений Ваганович Сартр / Жан-Поль Петросян». Мы читали и читали свои странные тексты, людям было тяжело, но они терпели. Кто-то даже жиценько хлопал. Закончив, я испытал облегче-ние. Евгений Запылкин, впрочем, получил удовольствие, он даже двигался и знал слова. Звукорежиссер сказал:

— Ребята, у вас отличные тексты. Просто супер.

Первая профессиональная похвала.

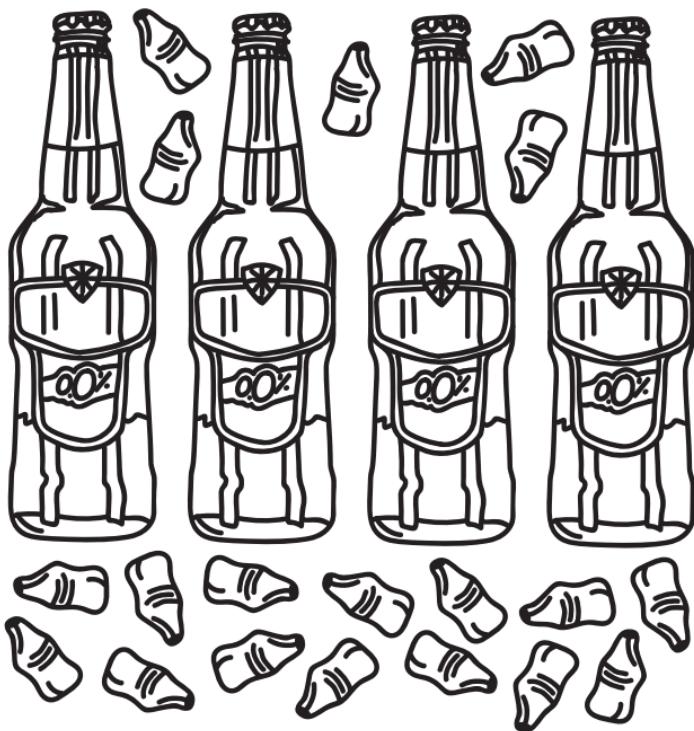
Вечером мы играли в приставку дома у Михаила Енотова, и Кирилл Маевский говорил:

— Ты же учишься у Бородянского?! Он великий сце-на-рист. Я посмотрел «Курьер» и «Афоня», и хотел бы я тоже учиться у него.

— А у Арабова, как твой брат? Говорят, он бог незави-симого кино и лучший лектор нашей шараги.

— Арабов лох! — вдруг заорал Маевский. — Вот Бородянский великий! Я бы у него отсосал!

У Маевского была странная привычка, он все время дер-гался, шевелился, иногда начинал двигать руками, будто играя на невидимых барабанах. Он был очень подвижный, высокий и худой пацан, все в нем ходило ходуном: и ин-тонации, и лицо, и тело. Ему надо было сниматься в кино

или играть в театре. Но становиться актером он не хотел. Маевский тоже написал пару рассказов, один из них, точно помню, назывался «Как я пошуршал с Яной» — про журналистку Яну Чурикову, которая вела программу «12 злобных зрителей» на MTV, и молодого террориста, и пробовал поступить во ВГИК, но не прошел предварительный конкурс. Теперь учился в Казани на пиарщика. Еще он играл на басу. Через два с половиной года он будет играть со мной в группе.

* * *

В поезде мне было тревожно, выспаться не мог. Задремывал на какое-то время на верхней полке. Мне снилось, что бутылка пива оказалась в моей руке и стремится в рот. Раньше таких снов не было. Я чувствовал запах алкоголя, он проникал в меня насилино. Я перевернулся на другой бок, опять задремал, но тут встал член, да так болезненно, что я начинал тереться о матрас и вроде бы даже стонать. От этого проснулся. Тогда я включил плеер и просто уставился в потолок.

На соседней полке ехала девчонка, моя ровесница, она тоже не спала. У нее на постели валялась новая книга писателя Минаева «The Телки». Я боковым зрением рассматривал девчонку. Вдруг она помахала мне рукой. Я вытащил наушник.

— Куришь? — спросила она шепотом.

— Иногда. Но сигарет нет.

— У меня есть.

Мы пару часов проболтали в тамбуре. Она тоже была студенткой, не сказать, чтобы особенно красивой, но живой и приятной. Я дал ей плеер, а сам читал ее книгу, подсвечивая себе фонариком с телефона. Прочитал страниц тридцать и протянул ей обратно. Книга оказалась не очень интересной.

— Зря, — сказала она. — Потом окажется, что у него ВИЧ.

— Ладно, ты уже все равно рассказала.

Когда поезд приехал, мы обошли вместе Казанский вокзал, перешли дорогу до метро и по ее инициативе обменялись номерами телефонов, чтобы не позвонить и не написать друг другу.

— Ты идешь?

— Нет, меня сейчас парень встретит.

Странно спускаться в метро, когда ночь не спал. Шум подземной дороги, эхо чужих проблем и безумия, шлейф

поездов затягивает упасть на рельсы. По-моему, площадь трех вокзалов — место, в котором торжествует нечистая сила, я больше таких нехороших мест не знаю.

Когда я перешел на оранжевую ветку, там почти никого не было. В этой пустоте стряхнуть с себя наваждение — вспыхнувшее желание к незнакомке. Сигита должна встретить меня, и мы проведем вместе несколько дней, пока еще Михаил Енотов остался в Казани. Может быть, даже сходим в кино. Ведь я уже столько времени торчу в институте кинематографа, но еще ни разу не ходил в кинотеатр. Каждый раз собираюсь, но что-то мешает. Только в видеосалон ходил в детстве.

Ехал в лифте, и у меня началось нехорошее предчувствие. Я знал: что-то будет не так, совершенно точно знал. Прошел до своего блока, открыл дверь. Уже в коридоре несло табаком и прокисшим пивом. В комнате никого не было. Только окурки, пустые бутылки, пролитое на пол бухло. Я упал на кровать и сказал:

— Хватит.

Она прекрасно знала, когда приеду, но подготовила мне такой подарок. Я чувствовал обиду и усталость. Конечно, и сам я не подарок, но это все было чересчур. Чтобы отвлечься, я взял ручку и бумагу и стал выписывать слева свои недостатки, а справа Сигитины: «Агрессивный, зануда, заносчивый, закомплексованный, озабоченный, грубый, глупый, необразованный, неверный / ленивая, необязательная, легкомысленная, врунья». У меня как будто было гораздо больше недостатков, но это не успокаивало. Хотелось упасть и прижаться каждым сантиметром лица к линолеуму. Хотелось, чтобы она почувствовала, какую боль мне причиняет.

Оставалось немного денег, как раз, чтобы купить билет домой в Кемерово. Мне очень захотелось провести время с родными и друзьями. Я поехал на Рижский (ближайший

к общаге) вокзал и купил билет на поезд, чтобы уехать сегодня же. Прямых до Кемерова не было, они ходили через день, но была возможность купить билет до Новокузнецка. Вернулся в общагу: Сигита так и не появилась, но втайне от себя я на это надеялся. Она извинится: немного не рассчитала, вечеринка вышла из-под контроля, прости меня, любимый,— и мы вместе пойдем прогуляться до вокзала, чтобы сдать билет, заодно выветрится ее похмелье. Два часа я убирался. Похоже, она не застанет меня за мытьем пола от липкой пивной слизи, за вытряхиванием окурков из чашек.

Я остервенело отмыл пол, протер столы, собрал и помыл грязные кружки, собрал разбросанные вещи в шкаф. Никогда еще тут не было так чисто. Вот она, моя комната, нужно было бежать отсюда.

Есть особо не хотелось. Я купил в дорогу только сигарет, два банана и два литра воды. Со мной ехали нормальные пассажиры, спокойные, никто не пьянировал, дети не визжали. Лежал на верхней боковой полке спиной к проходу. Просто думал много часов, какие-то образы мелькали, как при отравлении. Потом сходил покурить в тамбур, но меня сразу затошило, выпил воды и через силу съел эти два банана. У меня оставалось сто рублей, не считая денег на две маршрутки, чтобы добраться до дома. Поезд остановился на какой-то станции, стоянка двадцать минут. Можно было купить четыре пирожка, но я положил денег на телефон и позвонил Сигите.

— Почему ты так поступила? — спросил я без приветствия.

— Ты чего, кисонька? — спросила она. Было понятно, что она сейчас спала.— Ты где? Ты вернулся?

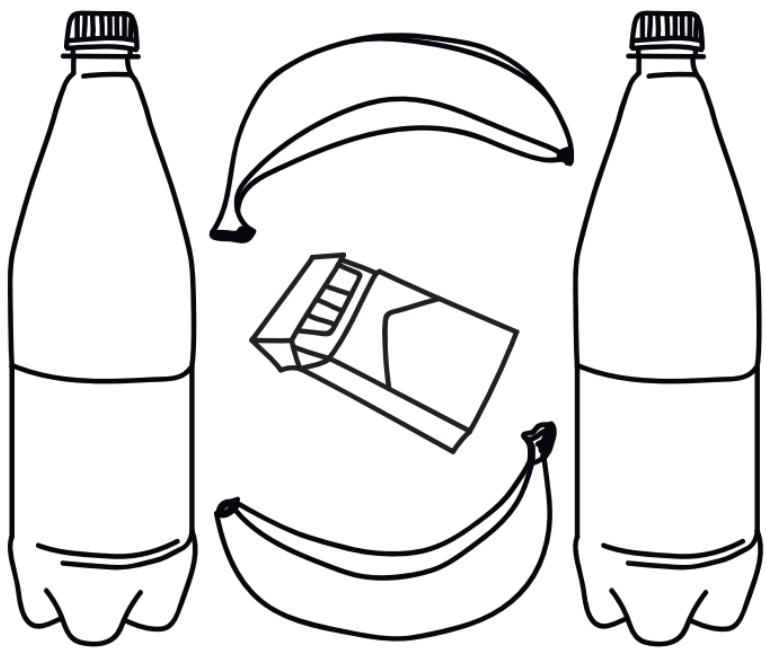
Я нажал «отбой» и решил использовать только смс для дальнейшего общения. Писал ей, что мне это надоело и что я уехал. Она делала вид, что ничего не понимает.

На какое-то время я выключил телефон. Путь от Москвы до станции «Промышленная», где мне надо было выходить, занимал пятьдесят четыре часа, и проехал я пока только четверть пути. Я не хотел ни спать, ни есть, находился на границе миров — внешнего и мира моих грез.

Наверное, любые отношения сложны. Ничего не изменить, ты вызреваешь где-то на полузаубитой богом Металлплощадке, гопник, мечтающий писать книги и реп. Параллельно во Владивостоке растет девчонка. Оба вы имеете психологические травмы, зажимы, обиды на взрослых, внутренние противоречия и, возможно, какие-то таланты. Оба вы хотите противоположных вещей одновременно. С одной стороны, жить в комфорте и растиль детей. С другой стороны, избавиться от его признаков и изучать мир иначе, голышом ходить по нему, и чтобы произведения искусства осипались во все стороны, и плевать, что скопишь, наживешь, и на здоровье плевать. Она вкусно пахнет, в ней тесно, но она убегает, когда ты делаешь все, чтобы вам было хорошо. Когда она становится ласковой и податливой и готова сделать все для тебя, сам начинаешь воротить нос и засматриваться на других. Неужели я увижу Мишу и Тимофея, моих друзей. Увижу своего отца. Нужно отвлечься. Нужно остаться одному на время. Все само разрешится.

На станцию «Промышленная» поезд приехал в четыре утра. Было минус тридцать, а на мне не было подштанников. О главном я и забыл. Ноги сразу начали зудеть, кожа покрывалась аллергическими коростами, джинсы стали дубовыми. Я добежал до здания маленького вокзала, стараясь не вдыхать холодный воздух, обжигающий зубы.

В помещении никого не было, присесть было негде. Зато было тепло. Коридорное помещение, окошко нерабочей кассы, дверь в дежурку, тусклый свет. Проход в зал ожидания был оклеен лентой, как место преступления, так

что торчать предстояло здесь, в коридоре. Присел на корточки и настроился ждать два часа до отправления моей маршрутки. Какой-то бомж вошел с улицы и направился через коридор в зал ожидания. Спокойно перешагнул через ленту и скрылся во тьме. Оттуда скоро раздался его храп. Открылась дверь дежурки, вышел мент, равнодушно взглянул на меня и прошел в зал ожидания.

— Вставай, сука!

Мент пинками выгнал бомжа в коридор. Теперь мы сидели здесь вместе: я и бомж. Я дал бомжу сигарету, но он не спешил курить. Оттаивал, вонял. Кряхтел.

— Ты откуда сам? — спросил бомж у меня.

— Неважно. Из мелодрамы выпал.

— Из мелодрамы? Любопытно.

— Подремать хочу.

— Все. Не трогаю. Не мешаю.

Так мы и досидели рядом с ним. Он еще поглядывал на меня, но больше не решался заговорить.

До кемеровского автовокзала доехал нормально, было сидячее место, и мне даже удалось крепко уснуть на полчаса. На улице стало немного теплее, была возможность прямо здесь сесть на рейсовый автобус, но его нужно было ждать минут двадцать. Я решил пройти пешком до маршрутки. Это было ошибкой. Я попал в самое пиковое время. Со мной в салон набилось очень много людей, и маршрутку сильно тряслось, особенно сзади. Голова немедленно вспотела, пот катился по лицу, я снял шапку и вытянул руку вверх, за jakiy между людьми. Второй рукой вцепился в свою сумку, которую держал у туловища. Если на улице был мороз, то здесь была настоящая сауна. Сам салон пропах бензином, а от людей, их курток и шуб исходило душное тепло. В глазах темнело, и я начал задыхаться. Дверь была в метре от меня, но я не мог пошевелиться, так сдавило со всех сторон. Вдруг какая-то женщина влепила мне пощечину.

— Откройте. Выпустите его. Парню плохо,— дала она несколько резких и громких команд.

Странные и слаженные усилия пассажиров (как гово-
но из кишк) вытолкнули меня на улицу через заднюю
дверь. Только шапка осталась в маршрутке. Я почти ничего
не видел перед собой, кроме смутных контуров остановки.
Мне хватило сил дойти до лавочки, резким движением
я забрался на нее, положил сумку под голову и потерял
сознание. Какая хорошая шапка была, синяя, полосатая,
купил ее в магазине «Сток» всего за тридцать шесть ру-
блей, и ведь даже голова от нее не чесалась.

* * *

Раз в день мы созывались с Сигитой, говорили всего по паре минут. Звонки тогда были слишком дорогие в роуминге, а я уже начал залезать на шею к папе, так что выяснить отношения особо не успевали. Например, она была трезвая и одна, и разговор получался хороший, теплый. Я соскучился — я тоже — все странно — приедешь — по-говорим. А раз, она явно была пьяна, и я услышал, что она курит (хотя мы договорились, что она бросила), и я сказал: зря ты куришь, зря ты пьешь, пока, не могу сейчас говорить — и быстро повесил трубку. Я писал роман, здесь, в отцовском доме, на отцовском компьютере, он хорошо продвигался. Бывало, по два-три часа по утрам чеканил почти без перерывов, а потом выпадал из текста, смотрел на комнату, в которой нахожусь, и становилось невыносимо. Писал я такой же, как и эта книга, отчет о своей жизни, и это, конечно, ладно, это терапия, но зачем-то заменил там несколько унылых подробностей такими же, но чуть-чуть другими унылыми подробностями, добавил какой-то тусклой выдумки, и не мог написать иначе. Если твоя книга не очень интересная, так сделай ее хотя бы честной — это правило не удалось не нарушить. Но и дописать надо было.

Как я мог ворваться на книжный рынок с этим текстом, было непонятно. Надеялся, что благодаря этому роману всем станет ясно, что я мощный писатель, а мою историю может примерить на себя каждый. Представление о книгоиздании у меня было размытое.

Вечерами встречался с друзьями.

Пошел гулять с поэтом Игорем Кузнецбергом. Он повел меня в гости к своей девушке, совсем молодой Алисе. Пока я пил чай, они выпили по паре рюмок водки, и Алиса спросила:

— А че Женя такой грустный?

— Че надо, то и грустный. Видишь, трезвый какой.

— С девушкой,— ответил я,— похоже, расстаюсь.

Вот так впервые произнес это, но не ожидал, что наш роман будет заканчиваться и заканчиваться еще много месяцев. Игорь и Алиса выпили еще и как-то странно оживились. Игорь, как из пистолета, выстрелил в Алису из пальца и сказал:

— Повели его к Наташке.

— А она пьет? — спросил я вместо того чтобы спросить, зачем меня к ней ведут.

— Она тоже не пьет! — обрадовалась Алиса.

Мы пошли пешком в странную общагу, где у этой Наташи была своя комната. Обе они (она и Алиса) были студентками какого-то местного ПТУ, но общага была не от учебного заведения, а какая-то блатная. Там жили и взрослые люди с семьями, и вообще комнаты были немаленькие, хорошие. Только туалеты общие.

— Жених твой приехал,— сказал Игорь.

Мне понравилась Наташа. Совсем юная, немного неуклюжая. Красивенькая, глупышка. Лет восемнадцать, внешность деревенская, что хочется потискать.

— Проходите, заходите,— сказала Наташа.

— Спасибо, ребята. У меня сердце прямо оттаяло,— сказал я, разглядывая ее.

Игорь с Алисой занялись друг другом, переругивались, потом страстно целовались, пили водку. Наташа пила какой-то слабоалкогольный напиток, а я пил чай. У нее на стене висела мишень для игры в дартс. Пока мы вдвоем кидали дротики, я попросил ее рассказать о себе, но не стал вслушиваться. Никогда прежде я не кидал дротики, но новичкам везет. Я каждый раз попадал в центр. У меня как будто открылась суперспособность.

— Ты врешь, ты умеешь! — сказала Наташа.

— Клянусь, первый раз.

Потом мы вчетвером сыграли, и я опять всех обыграл. Даже написал смс Михаилу Енотову: «U menya otkrylsya odin talant! Ya neploho igrayu v dartz = ya ne obez'yana». Потом мы целовались с Наташой, я стал ее называть «молодой женой», а она меня «дорогой супруг». Игорь и Алиса нам aplодировали и радовались, что образовалась пара. Назавтра Наташе нужно было уезжать к родителям в Междуреченск, и я скорее обрадовался этому факту. Решил, что подумаю эти два дня, а по ее возвращении, возможно, поставлю пистон. Скоро мы разошлись.

Разговоры с Сигитой совсем не получались. Она пила с Пьяницей, я знал это.

Позвонил мой друг и одноклассник Вова и сказал, что он в Москве.

Много раз я пытался писать об этом человеке — наивное, самом первом и важном своем друге из детства. У меня всего два друга, отношения с которыми прервались: Вова и Илья Авербах. Возможно, с обоими из-за Сигиты, но про Илью Авербаха — это, скорее всего, мои домыслы.

Вернемся к Вове. Один раз он чуть не убил меня, когда нам было по восемнадцать. Причина была совсем ерундовая: я напился и хотел поплакать в его комнате, заняв целый диван, а Вова хотел спать. Мы подрались у него дома и у него в огороде, а потом опять дома, и он разбил тяжеленный дисковый телефон о мою голову. Я, кажется, крушил все вокруг, и иначе остановить меня было невозможно. Помню, кругом были следы крови и соплей. Несколько дней я пролежал в больнице, и мы быстро помирились. Позже он вытаскивал меня из вытрезвителя, приходил на помощь, психовал, обижался, что мне чаще перепадает потрахаться (я просто талантливо преувеличивал), признавался в любви и дружбе. Теперь он уехал

на Север и должен был там начать работать ментом. Сейчас у него случилась учебная командировка.

— Я в Москве,— сказал Вова.— Еду к тебе в общагу.

— Ты, конечно, молодец. Но я приехал в Кемерово.

— А учеба что? Забил?

— Сейчас еще каникулы. Ну и немного забил, да. Пропущу несколько дней.

— А можно мне вписаться в общаге?

Я прикинул и сказал, что сейчас скину ему номер Сигиты.

— Только мы сейчас в ссоре. Но она тебя пустит переночевать. Заодно присмотри за ней, вроде они там много пьют.

— И что я сделаю? — спросил он.

— Как что? Если увидишь, что какой-нибудь мужик расчехляется, достает свой прибор, сразу бей ему и ей в лицо и звони мне.

Вова засмеялся и сказал:

— Ладно. Так и сделаю.

Накануне приезда Наташи мне приснился странный сон. Я захожу в комнату в общежитие и застаю Сигиту и Пьяницу в постели. Я сажусь на стул и смотрю, как они целуются. Сигита поднимает на меня взгляд, ее лицо заплакано. Пытаюсь сказать: пожалуйста, не надо. В этом сне не могу говорить. Она перестает видеть меня, возвращается к Пьянице, целует ее от шеи, все ниже, грудь, живот. Я не могу шевелиться, вынужден наблюдать. Попытки отвернуть голову отзываются болью в позвоночнике, но я продолжаю сопротивляться, и кажется, что голова сейчас отвалится, хрустнет, и у меня вырывается с визгом:

— Да перестань!

Сказал это уже в комнате, здесь, в родительском доме. Было совсем темно. Так я лежал и говорил себе: «Я все решил, нам нужно разорвать отношения. Слишком тяжело нам вместе». Стояло раннее утро, я вышел на кухню, даже

папа еще не встал на работу. Сидел там один, разглядывал часы, висящие на стене. Секунда за секундой, и вот мне уже двадцать два с половиной года, но разве есть время, разве оно существует? Ничем я не отличался от себя в детстве. И если начать упорно вспоминать любой момент прошлого, снова попадешь в него. И никакой разницы между сейчас и тогда, и тем, что я воображаю себе в будущем. Все это какой-то пустой и скучный туман.

Я встретил Наташу на автовокзале, при ней была тяжелая спортивная сумка с вещами и банками солений, варенья и пакетиками маминых блинов. До ее общаги мы шли пешком, было недалеко. Погода на этот раз была хорошая, около нуля. Я совсем не знал, о чем с ней говорить.

— Ну, и как съездила?

— Все хорошо.

— Чем занимаются твои родители?

— Работают.

В общаге мы сели на диван, оба зажатые. Она дала мне фотоальбом. Я увидел ее где-то на море, в купальнике. Два года назад. На фото ей было шестнадцать.

— Ого,— сказал я.— Это где?

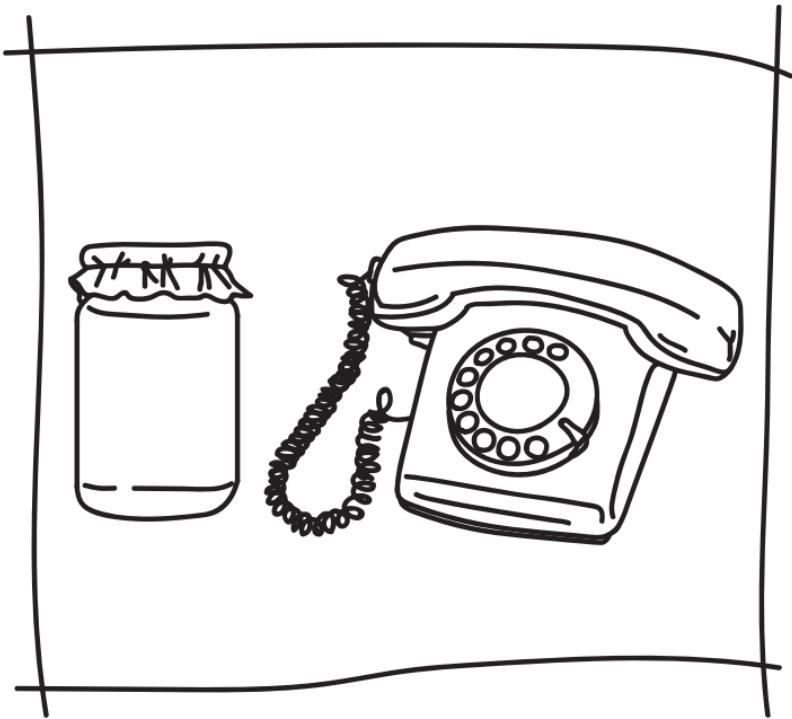
— Севастополь.

— Ты еще девственница тут?

Она ткнула меня локтем:

— Ты чего это спрашиваешь?

У нее зазвонил телефон. Она встала у окна, стала разговаривать со своей мамой. Да, все хорошо, доехала хорошо. Я подлез под нее на корточках и стянул юбку с колготками. Она вертела попой, уворачивалась — я смущал ее и мешал разговаривать. Но я все равно стянул трусы. Ладно, она вышла из своей одежды, и, все еще говоря по телефону, повернулась ко мне лицом, стояла передо мной, надо мной, и ее вагина была на уровне моих глаз. Я припал

туда ртом и сразу же отпрянул. Мне не нравился этот вкус и этот запах. Я не то что не возбудился — член даже съежился, будто я окунул его в снег. Чтобы она не заметила моего смущения, я целовал ее ноги рядом с промежностью, а пальцем ковырялся в дырочке, прикидывая, что делать дальше. Она положила трубку на подоконник и легла на диван. Пухленькая, с одетым туловищем, голыми ногами и бритой наголо толстенькой писькой. Будь я пьяна, это зрелище меня бы сразу раззадорило. Теперь мой телефон издал звук: я услышал, что пришло смс-сообщение. Автоматически потянулся ответить, но решил, что это будет невежливо. Снял с Наташи оставшиеся вещи, разделся сам и лег рядом.

Мы целовались, но толку не было. Этот вкус и запах не привлекали меня, я не мог от них отделаться.

- Что такое? — спросила она.
- Ты не могла бы взять в рот?
- Что?
- Мой член, конечно.

Она размякла и обиделась.

Мы накрылись пледом и лежали, голые, под ним, но не соприкасаясь телами.

— Извини, — сказал я. — Не знаю, как делать это с новым человеком.

Наташа уже не обижалась и сказала:

- Да ты чего. Это же не главное.

Она обняла и потыкалась губами в мое плечо. Мы оба задремали, несмотря на то, что еще был полдень. Я даже вырубился ненадолго, так мне стало спокойно.

Когда я проснулся, мой член уже стоял. Наташа все еще полуспала, посапывала и слегка потела, как покушавшая свинья. Я пристроился боком, потыкал, смочил пальцы слюной, раскрыл ее, и дело пошло. Без воодушевления, но все равно — получалось. Она начала постанывать,

очнулась, поняла, что происходит. Обезьяна, я это тоже умею, подумал я.

— Дорогой супруг, ты не хочешь надеть презерватив? — спросила она.

Я поднял джинсы, достал специально заготовленный гондон. Протянул ей, но она лишь помотала головой — на-девай сам. Что ж, развернул и надел его самостоятельно. Поставил раком. Мы продолжили, все происходило как-то механически, как будто у меня был робот, Жука, а я просто управлял им с пульта. Когда мне надоело, я сосредоточился и кончил. Не было кайфа, но испытал некоторое облегчение. Датчики «лишняя сперма» перестали мигать. Можно ведь было просто передернуть и не испытывать всей этой неловкости.

Гондон и ее ляжки были в крови.

— У тебя начались месячные, — сказал я.

Она с недоумением уставилась на меня.

— Нет. Они не могли начаться.

— А что это?

— Не знаю.

Она стала собираться в душ, поцеловала меня, накинула халат. Не сказать, чтобы она сильно переживала.

— Я слышал, что бывает такое. Остаток девственной плевы.

— Глупость какая-то, — она скривилась и дернула плечами.

Наташа вышла. Я стянул гондон, выкинул его в мусорное ведро. Вытерся какой-то салфеткой и вспомнил про смс. Это было сообщение от Сигиты: «Ya perespala s tvoim drugom Vovoj».

* * *

Сейчас утро понедельника, 19 ноября 2018 года. Есть все условия, чтобы писать, я их каким-то непостижимым образом создал. Такого удобного положения у меня еще не было в жизни. Это и радует, и пугает. Я писатель, это — моя сбывающаяся мечта. Работаю над новой книгой, первой частью большого романа, написав который, смогу (если вызреет такое твердое, как смерть, решение) поставить точку для себя в жанре «автобиографическая проза». У меня, к счастью, нет титолов, но есть читатели, которые ждут эту книгу.

Мы поселились в маленькой квартире в Сиолиме. Заработанных мной денег хватит на еду и аренду до марта. Ради этой книги я здесь, а также для того, чтобы немного восстановить психическое и физическое здоровье после очередного тяжелого года.

Последний психиатр, с которым я имел дело, рекомендовал мне пить нейролептики ближайшие два года, потому что у меня якобы развивается параноидальная шизофrenия. Бессонницы будут учащаться, если не принять меры, я перестану понимать, где заканчивается реальность и начинается бред. Но я решил, что от нейролептиков будет только хуже. Моя цель — быть независимым от лекарств и научиться самому отсеивать лишние фантазии и страхи.

Еще был врач в хорошей дурке Кащенко, сразу завоевавший мое расположение, потому что внешне походил на рэпера Басту, но и он дал неверные указания. Выпивать алкоголь можно и нужно, сказал он, чтобы успокаивать работу мысли, но в ограниченных количествах, а вот курить гашиш категорически запрещено, потому что это раскрепощает воображение. Сам я считаю наоборот: выпивать нельзя даже в небольших количествах, нельзя! Нельзя использовать алкоголь как расслабляющее, как средство

снять напряжение мозга, для этого больше подходит спорт, чтение, музыка, прогулки, физический труд — что угодно, но не алкоголь.

Смысл алкоголя для меня в следующем: открыть портал в мир хаоса, путаницы и страданий. Пить есть смысл только запоем или до пищевого отравления. Траву же, напротив, я прописал себе в редких случаях, чтобы давать волю воображению, чтобы напоминать: объективной реальности нет, чтобы видеть одновременно разные ее ответвления, правильно понимать время, быстро отправляться в воспоминания, чувствовать связь с миром природы и испытывать животный страх перед физической смертью. Трава идеально подходит, чтобы натренировать себя. Даже если диагноз «шизофрения» правильный, это не повод отключать зоны мозга препаратами и лишать себя уникального видения мира. Нужно просто научиться работать с телом, приучить его спать. Нужно приучить мозг выбирать одну из реальностей как основную.

Дни мои проходят так: просыпаюсь примерно в шесть и пишу тысячу слов «Рутины», используя Google Документы. Потом еду за овощами для салата, и как раз встает моя жена Даша. Я съедаю салат, потом мы на двоих съедаем кокос по дороге на пляж. Там делаем зарядку, купаемся, она топчется по моей спине — это целебно действует на позвоночник. Весь оставшийся день посвящен мелким делам, обсуждению в чатике работы над альбомом группы «макулатура», который сейчас доделяваем с командой, безделью, мечтаниям, бытовым спорам. И правкам книги или дописыванию нормы, если не успел с утра.

Даша не может водить скутер, поэтому, можно сказать, мы — как два узника, прикованные друг к другу. Ей приходится быть свидетелем моих творческих терзаний. То я говорю, что это потрясная книга и что, наконец, я свалю с себя этот груз — мою неотрефлексированную молодость.

То, напротив, говорю, что нам надо придумать, как стать нормальными людьми, устроиться на нормальную работу, и что невозможно больше водить людей за нос и прикидываться писателем и реп-исполнителем. Мое творчество слишком поверхностное и глупое.

Даша говорит:

— Ладно, бросай. Не пиши книгу. Деньги найдутся. Играй в кино или иди в офис.

Проблема не в деньгах и не в том, чтобы продать или не продать книгу. Она в том, что писать — единственный способ для меня не впадать в тоску, но когда пишешь, разочаровываешься ограниченностью своих приемов и таланта. Сколько бы другой работы у меня ни было: редакторской, актерской, издательской — писать книги кажется необходимым. От этого не убежать, даже если книги кажутся недостаточно хорошими. Писать, издавать, открывать их, любить их и стыдиться. Это ведь единственное, что я делаю один, где есть только моя голова (бесполезный ящик) и мой опыт (бесконечный поток однотипной, но всегда немного разной, информации). И пока я играю с этими кубиками, переставляю их, пытаюсь придать очертания ненапрасности проживаемой жизни, я и живу. Но мне не хватает красок.

— Ты же сказал,— говорит Даша,— главное, чтобы я заставляла тебя писать. Каким бы результат ни был. Забыл?

От этих слов деваться некуда.

У нас тут есть друзья, Маша и Игорь, мы живем в одном доме, только они на первом этаже, а мы на втором. Вечером мы курим с ними косяк, после чего я предаюсь воспоминаниям, пытаясь приблизить эпизоды прошлого, снова стать собой десяти-двенадцатилетней давности. Это погружение активирует меня на пару часов внутренней работы, а потом глубоко вырубает, и я сплю как труп, пока Даша продолжает читать «Воскресенье» Толстого

и заниматься своими делами. Сегодня пошел дождь, впервые, как мы здесь, и, видимо, последний в этом сезоне. Дождь — это хороший знак, что надо сделать лирическое отступление и рассказать, наконец, про Бову.

Я уже много лет хочу про него рассказать, с того самого смс, которое я получил от Сигиты. Измена меня не так обидела, как озадачила: «Зачем ты это сделал, друг?» Помню, как я ехал в маршрутке от Наташи, все пытаясь примириться с этим новым знанием: Вова меня предал, и, хотя я продолжаю его любить, я не могу считать его своим другом. Потому что твой друг может сделать правильный выбор, нажать стрелки «влево-вправо», а не будет идти напролом за своим половым членом.

Это был рок, мое предчувствие сбылось: этот дурной сон про Сигиту и Пьяницу, Наташу, которую я зачем-то использовал, и эта смс пришла как раз в тот момент, когда надо было отказаться от секса с ней. А если вселенная устроена таким образом, что откажись я, то текст сообщения бы изменился? Эта навязчивая идея долго жила во мне. Я постоянно прокручивал в голове правильный сценарий: Наташа ложится на постель, и я говорю «нет, все-таки давай обойдемся без этого, зачем тебе, я завтра улетаю в Москву, а ты мне нужна, лишь чтобы я убедился, что привязан к другой бабе». И вот я открываю смс, а там совсем другой текст: *«Tvoj drug Vova napilšja i trahnul Pjanitsu»*.

Тогда и возникло тревожащее меня словосочетание «Прекрасное уходящее» (потаенное название книги, которую вы сейчас держите в руках). Так изначально должен был называться большой рассказ про Бову.

Я разглядывал нашу странную дружбу и не мог писать про Бову. Про то, как он чуть не проломил мне череп в 2003. Про то, как он один раз обиделся на меня, а избил Тимофея. Про то, как он вытаскивал меня из передряг.

Про то, как они ненавидели друг друга с моей первой девушкой Элеонорой (она даже хотела его убить), хотя Вова приютил нас, когда отец не позволил мне оставить ее ночевать у меня дома. Про то, как он был влюблён в одну нашу знакомую и как не решился сделать ей предложение, и она родила от другого. Приходилось откладывать и откладывать.

Теперь все это скопилось, и я рассказываю про всех друзей сразу, в том числе и про Вову — моего конопатого жилистого друга, в чем-то глупого, в чем-то хитрого, отзывчивого, но заносчивого. На него я смотрю сквозь замутненную другими событиями жизнь. Очень долго всматриваюсь, фокусируясь на других вещах, и как только нашупываю главное в наших с Вовой отношениях, остальное пропадает, и вот он — мой первый в жизни близкий друг.

Мне было девять лет, когда я попал в школу поселка Металлплощадка Кемеровского района. И мое первое воспоминание, посвященное Вове — как тот дерется с нашим одноклассником Кучей. Это была игровая комната в здании начальной школы. Мы были огорожены от мира старшеклассников, почти все занятия проходили в одном просторном классе, а перемены — в этой самой игровой. Кажется, что их драка состоялась после уроков. Вова и Куча борются, и я — единственный зритель. Здоровый Куча в какой-то момент забарывает маленького Вову, залезает на него и делает трахательное победное движение со словами:

— О, да. Ну ты и кайфуйчик!

Это выглядит очень непристойно, и мне становится стыдно. Я уже вовсю трахал подушку в те поры, испытывал холостой оргазм без выделений, лазая по канату, мне снились все знакомые девчонки и родственницы голыми, но вот так показывать «это самое» на людях, еще и об другого человека — мальчика! — кажется мне

животной дикостью. Тема секса тогда еще вызывала у нас смущение, а тем более страшно было проявить себя как «гомосек». Я вижу лицо Вовы, оно красное от ярости. Этот голубоглазый малыш орет, скидывает с себя тушу и начинает беспощадно бить Кучу ногами и кулаками, так что тот забивается под лавочку:

— Ах ты псих! Сексуальный псих! Гомосексуалист! — орет Вова.

Куча сдается, Куча плачет. Он повержен.

А мы идем после этого гулять с Вовой, мы подружились. Вместе ходим на борьбу, на легкую атлетику, он часто приходит ко мне в гости поиграть в компьютер. Я прихожу к нему посмотреть фильмы на видеокассетах. Временами я думаю, что он лучший человек — потому что он меня искренне любит.

Мне было восемнадцать, и я переживал разрыв со своей первой любовью, Элеонорой (о ней я писал позже в маленькой повести «Третья штанина» — просто «моя девушка», и рассказе «Ядерная весна» — персонаж Элина). Несколько месяцев я мучился из-за нее, с другими я иногда сосался и даже изредка был секс, но становилось только больнее. Элеонора зависала с одним торчком, я писал много стихов и рассказов, некоторые удавались, но одиночество часто было физически невыносимо. Я сравнивал себя с этим наркоманом, который ей засовывал, неудачливым басистом, одетым как бомж-неформал, с проколами на лице, из которых торчала леска за неимением сережек, и не мог понять, как мне вернуть ее. Очень часто хотелось плакать, иногда я напивался один и, чтобы друзья меня не видели в таком состоянии, ходил и ревел где-то за домами на поселке или уезжал для этого в город. После такого пьяного плача на время легчало. Но один раз меня просто прорвало, и уже плакал даже не из-за самой Элеоноры, она

отошла на задний план. Вместо того чтобы поехать на учебу (я тогда учился на филфаке в Кемеровском университете), я проторчал где-то в гаражах, выпил бутылку водки, спал на крыше одного из гаражей и проснулся, совершив ничего не понимая, кроме того, что мне хочется пойти к друзьям и поплакаться им.

Меня осенила нелепая идея: мне нужна какая-то легенда. Сперва я направился к своему самому чуткому другу Тимофею. Он материализовался даже не на пороге квартиры, а раньше. Он стоял у собственного подъезда и рубил топориком куски мяса. Никогда, до и после, я не заставлял его за таким занятием, но уверен, что это не моя галлюцинация. Он замахивался топориком, по пояс голый, как настоящий мясник, отрубал кусок и кидал его в тазик. Я, зavorоженный, встал рядом, он даже не сразу меня заметил.

— Тимофей, привет.

— О, Жук. Ты че плачешь?

И я начал рассказывать ему вымышленную историю про то, что у моей вымышленной девушки сегодня случился выкидыш. Тимофей внимательно меня слушал, не забывая орудовать топориком. Когда я выговорился (не прекращая рыдать), Тимофей сказал мне:

— Зайди к Мише. Там Миша и Вова, у них есть водка.

Я еще немного понаблюдал за ним и пошел к Мише. Там уже я плакал и рассказывал эту дурацкую историю при двух зрителях, Мише и Вове. Когда я закончил, Миша сказал:

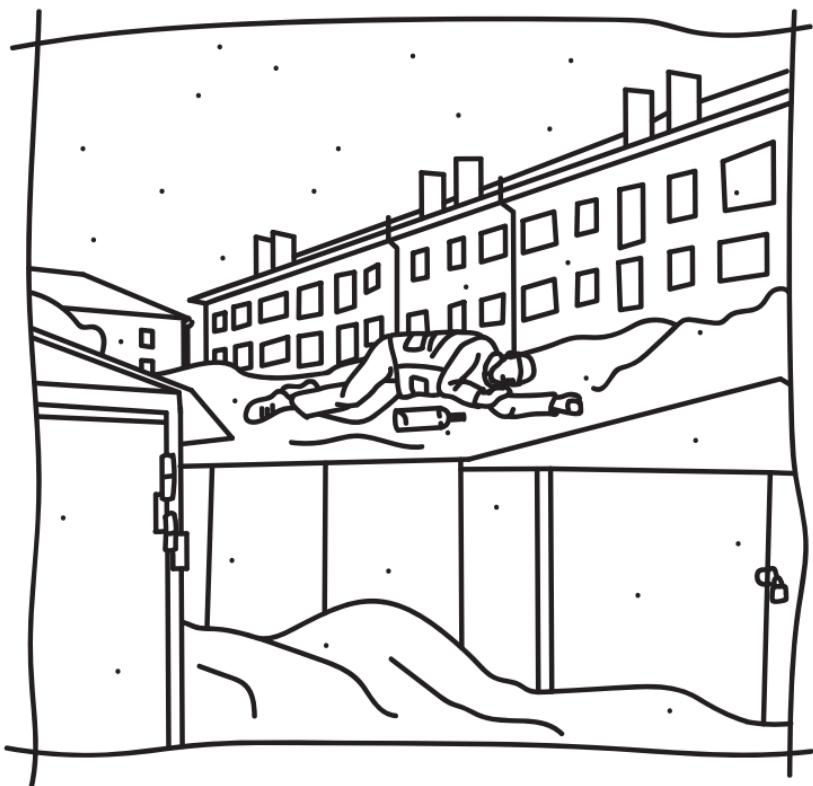
— Проспись и подумай обо всем. Пить тебе сейчас нельзя.

Мне больше всего на свете хотелось выпить, но вместо того, чтобы попросить рюмку, я сказал:

— Хорошо.

— Пойдем, я тебя провожу, — сказал Вова.

Он даже не стал выпивать на посошок, просто вывел меня и повел на речку. Там мы сели, глядя на воду,

и разговаривали о какой-то ерунде. Вова говорил, что у него секс был в жизни всего-то два раза. Я тоже что-то говорил, а потом начинал плакать. Потом Вова сказал:

— Не знаю, зачем ты выдумал эту туфту, Жука. Видимо, тебе надо было проплакаться.

А потом отвел меня домой, крепко обнял, и больше мы никогда не вспоминали об этом этюде.

* * *

Я отправил Вове смс: «Nahuya?» От него ответа не было. Пока я ехал домой в маршрутке, пришло сообщение от Сигиты: «Ту 4to-nibud otvetiw?» Я написал: «U menya net takogo druga, ne ponimayu, o chem rech».

Это был мой последний вечер дома. Мы сидели в Мишиной синей «шестерке» у них во дворе, он тепло нагрел печку, за окнами падал снег. Тимофей и Миша подбухивали, я пил безалкогольное пиво. Я бы им обоим рассказал о своей проблеме, но не хотелось грузить Мишу — у него уже была беременная жена.

Поэтому я решил, что чуть позже выложусь Тимофею один на один.

— Жук,— сказал Миша.— Вот чего хорошего в Москве? Ты отучишься и вернешься?

— Не знаю. Мне не очень нравится Москва. Я думаю переехать в Петербург.

— А там ты что будешь делать?

— Сейчас думал поработать на стройке или еще как-то руками.

Миша покачал головой, нахмурился.

— И зачем было поступать в несколько институтов? Ты сколько раз уже учился?

— Получается, четыре. Два раза здесь, в КемГУ, один раз в «Культуре» и один раз во ВГИКе.

— Четыре раза на первом и один раз на втором,— подытожил Тимофей.— Теперь можно и на стройку.

— А баба твоя? — спросил Миша.— Тоже переедет в Питер?

— С бабой пока все сложно.

Ну вот, подумал я, мы поставим «вконтакте» статус «все сложно» вместо «встречается с». И будем понемногучинить отношения. Неужели я готов простить эту измену?

Дверь машины распахнулась. В салон заглянул парень по прозвищу Кузьма. Мой бывший одноклассник. Сейчас он досиживал срок, но его уже отпускали домой ночевать.

— О, какие люди!

Я вылез, чтобы обняться с ним. Он немного потусил с нами. Рассказал, как у него дела. Осталась пара месяцев, и будет свободным человеком. Тут еще мимо проходил Пуджик, он же Ушастый, он же толстяк Паша. Парень, с которым у меня была первая рэп-группа, когда нам было по пятнадцать лет. Он тоже сел в машину. Теперь нас было пятеро, мы сидели, шутили, разговаривали. Странно. Вроде бы все уже взрослые, но такие же, как в школе.

Пуджик сказал:

— Коня только не хватает. Где теперь Конь?

— На север уехал,— ответил Миша.

Конь — это прозвище Вовы. Пуджик стал расспрашивать про него. Про девчонку, в которую Вова был здесь влюблен и с которой у них так ничего и не вышло. Вова настоящий мастер в этом. Он влюблялся всегда только в тех девчонок, с которыми ему ничего не светит. Вдруг слово «переспал» приобрело некоторую прозрачность, сквозь него я увидел, что, скорее всего, Вова влюбился в Сигиту, а не просто переспал с ней. Я оказался прав: в этот самый момент он уговаривал мою девчонку быть с ним. В ее пересказе она трезво отвечала, что не поедет с ним ни на какой Север, и чтобы он катился подальше.

— Упустил момент,— сказал Тимофей.— С Вовой Конем всегда так. Не сидится ему спокойно.

Как же мне о нем не думать, как же мне о нем не слушать, думал я, смотрел в окно на снег и пил безалкогольное.

— О, дай попробовать,— сказал Пуджик.— Никогда не пробовал нулевку.

— На,— я протянул ему банку.— Только я бабе сегодня лизал.

Пуджик усмехнулся, я покосился на Кузьму, это было мое прощупывание, отрицание пацанской Буквы. Пуджик взял банку и принюхался к пиву, затем глотнул:

— Ну, нормально. Почти похоже.

— Ага, только у тебя теперь волосина в зубах,— сказал Кузьма, и все засмеялись. Я тоже. Все-таки уважение к отсидевшим в крови даже у меня, хоть моя семья всегда как будто жила в интеллигентском мирке.

Мы вышли с Тимофеем поссать за домом, и я ему все рассказал. Моча текла в снег и дымилась, и меня прорвало. Как он мог, вопрошал я. Почему Вова Конь это сделал?

— Ну, что я могу сказать тебе? Соболезную, Жук.

— И что бы ты сделал на моем месте? — спросил я.

— Сдай билет. Объясни отцу, что тебе нужно еще неделю побывать дома, с друзьями.

Когда мы сидели в машине, Тимофея незаметно от остальных протянул мне телефон. Там была такая переписка: Тимофея «Privet, Vova. Kak dela?» — Вова «Трахнул Сигиту. Потерял друга».

Сомнений не осталось: это не сон, это произошло.

Конечно, я не послушался Тимофея и утром сел в самолет. Я всегда очень любил есть в самолете, но на этот раз отказался от еды. Безалкогольное пиво было единственной моей пищей за последние сутки. Мы приземлились в аэропорту Шереметьево. Получил смс от Сигиты: «Pozvonи, kogda syadesh», но перезванивать не стал. Время поджимало, я побежал на аэроэкспресс. Тогда еще не нужно было платить за него, если был билет на самолет. Но правила менялись от полета к полету. На входе в тоннель показал билет на самолет, но человек мне ответил:

— Вам надо вернуться и распечатать билет на аэроэкспресс.

— Я только что прилетел. Могу по авиабилету пройти?

В прошлый раз можно было.

Он сказал, что нет. Я сказал, пожалуйста, поезд же сейчас уедет. Ладно, сказал человек и пропустил меня.

— Но там будет еще один контролер.

Я бежал вниз по эскалатору и успел в вагон. В нем ждала, да, женщина-контролер. На каждом входе было по контролеру, и мне досталась худшая. Никогда не видел такого озлобленного лица у человека этой профессии. Я показал ей авиабилет:

— Не успел обменять, — попытался оправдаться.

— А меня не колышет!

Она двумя руками стала выталкивать меня из вагона. Телефон звонил в кармане. Мне вдруг очень захотелось остаться внутри, снаружи надо было искать новый транспорт, куда-то идти, смотреть на указатели, а здесь лишь пробиться через эту тетку.

— Спокойно! — взвизгнул я, как испуганный поросеночек.

Женщина-контролер оказалась такой сильной, что мне не удалось сохранить свое место. Спустя миг я стоял на перроне, и двери тут же захлопнулись, чуть не отрубив кусок от меня. Мне нужно было продержаться всего секунду, чтобы остаться в вагоне. Женщина-контролер злобно и победно смотрела на меня через стекло. Я не выдержал и приложил к стеклу средний палец, говоря этой суке: «Отсоси!» Ее лицо расплылось в самой омерзительной улыбке, которую я видел в своей жизни. Это чистая правда. Она была счастлива от того, что ей удалось обидеть другого человека. Неважно, что им оказался я. Она была са-
мим злом, и от этой улыбки мне стало страшно, как во сне.

Телефон все еще звонил, поезд ехал, голова кружилась, тошнота поднималась по пищеводу. Я пялился на экранчик телефона, пытаясь очнуться, но просыпаться было некуда. Каждая секунда дробилась на тысячи еще более коротких, но и каждый отрезок был огромным, тяжелым и страшным.

Меня сковала боль, я видел все подробно, как накуренный человек видит движение минутной стрелки на настенных часах, процесс превращения меня в *stari kashku*, происходящий в каждой клетке, и я понимал, что этот процесс будет фоном моего пути, он будет длиться всегда.

Я сбросил звонок и написал: «*Da zaebala ty zvonit'*».

На перроне кроме меня никого не было. Я поднялся на эскалаторе, вышел на улицу и принялся искать, откуда отходит рейсовый автобус до метро.

* * *

Михаил Енотов где-то раздобыл круг для дартса и дротики, чтобы проверить, насколько я хорош в этом деле.

— Мы с Лемом были уверены, что на этом ваши отношения закончатся,— сказал он.

Мой дротик воткнулся в самый край круга:

— Я тоже на какое-то время в это поверил.

Его дротик прилетел почти в яблочко. Мы еще немногого поиграли — у меня больше не получалось.

— Не понимаю,— сказал я.— Все было идеально, а теперь нет.

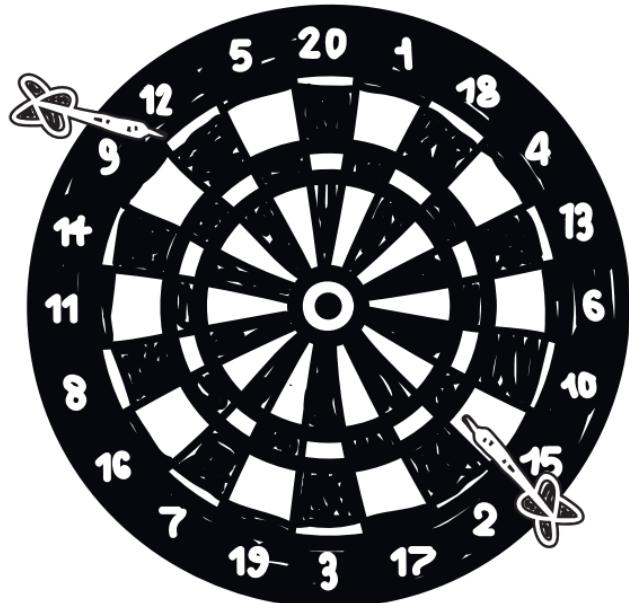
— Нет,— сказал он.— Ты не умеешь ничего — только писать. А писать умеет любая мартышка.

Я попросил его поменяться со мной кроватями. Не мог спать на своей, более широкой, на которой это случилось. Двойное предательство против меня. С другой стороны, на его кровати я трахал Пьяницу.

Подбиралась весна, Сигита жила у мамы, уже где-то месяц мы не спали вместе. Даже не целовались взасос, как будто заново примерялись друг к другу. Я и не думал попробовать сунуть кому-то на стороне, онанизм тоже вызывал тоску. Зато мой первый роман понемногу прибавлял в объеме. Еще у меня получилось сделать отличный рассказ, лучший. Он созревал несколько дней, и написал я его, почти не отрываясь, испытывая головокружение от ощущения своей силы. На следующий день захотелось повторить и закрепить этот успех, но новые рассказы не рождались так быстро. Пусть так. Я продолжил ковыряться в романе, но было много сомнений. Два шага вперед, полтора назад.

Сигитина мама теперь переехала на Ботанический сад, в однокомнатную, так что, даже если бы я захотел, я бы

не смог там ночевать. Поэтому пару раз в неделю приезжал, выгуливал Оскара, пил чай, тихо общался с Сигитой на кухне, целовал в щеку и шел пешком в общагу. На занятия она почти не ходила, а если ходила, то я провожал ее от института до дома и потом шел к себе. Все было рядом, на районе. Снег таял, обнажая грязь, я шел и думал, что потеряю и Сигиту, и Вову, и Илью Авербаха. С последним из них было наименее понятно: вот он был близкий и важный, а теперь пытается скрыться в черном ничто.

— 2 —

Не так уж плохо — я продержался четыре месяца без алкоголя. За это время у Михаила Енотова появилась девушка, и он довольно буднично потерял свою невинность. Я раз ночевал не в общаге, а в Кузьминках у кемеровского товарища, и получил смс-сообщение, в котором Михаил Енотов назвал меня обезьяной и сообщил, что тоже умеет трахаться. Уже через несколько дней они расстались, в памяти у меня сохранились только оттопыренные уши и круглое лицо первой девушки одного из главных друзей. Ему и этого было мало: Михаил Енотов перестал есть мясо и в ближайшее время планировал перейти на строгую растительную диету.

Я гордился другом и ругал себя, что до сих пор сам не стал хотя бы лактовегетарианцем. С детства я был уверен, что убийство животных не меньшее (а может быть, и большее) зло, чем убийство человека, и что если я умру раньше, чем переборю омерзительную привычку поедать мясные блюда и воспринимать их как необходимость, то попаду в ад или на предыдущую ступень развития.

Даже если Богу не было дела до моих грехов, даже если его самого не было, и выбор «рай или ад» — добровольный для нашего духа, я понимал, что из тела, отравленного страхами и физическими мучениями животных, дорога может быть только одна — в ад. Но запах готовящейся трупчатины всегда действовал как сильнейший наркотик, заставляя забыть всю этику, откинуть понятия милосердия и сострадания, измазаться в этом говне, получить

невероятный отупляющий кайф, чтобы потом гладить свою перекормленную тушку и хлопать глазками похабного прогнившего ребеночка, испытывая чувство вины. Но спасибо Михаилу Енотову — он стал первым отказавшимся от мяса человеком среди моих друзей. Для начала, хотя бы за компанию с ним, я питался так, как, по-моему, в идеале и должен питаться человек.

Стоило моим отношениям вроде бы наладиться, как Сигита напилась с Пьяницей и не пришла ночевать. Мы опять поругались. Я не мог спать, ворочался и прикидывал, как бы мне свалить отсюда, что делать с жизнью вне учебы и вне этого общежития. Утром я вскакивал от каждого шороха, выглядывал в коридор, ожидая Сигиту, но при этом говорил себе: «Пожалуйста, пусть она не придет».

Ко мне в гости тогда заехал молодой писатель и врач из Киева Василий Нагибин. Мы сдружились в гостиничном номере московского отеля, куда нас, финалистов премии «Дебют», как-то поселили ее организаторы. Сейчас он ехал в Петербург по своим делам со своими студентками, и длинную остановку в Москве решил перебухать со мной.

Мы выпили водки, и я сказал:

— Мой друг работает под Питером на стройке. Там может и для меня место найдется. Я хочу поехать с тобой.

— Так в чем проблема? Нас трое едет в купе. Мы просто возьмем тебя с собой и спрячем, — сразу же ответил Василий Нагибин.

— И твои студентки не против?

— Конечно, нет, они будут только за!

Я посмотрел на студенток. Одна из них обняла меня и сказала, что да, конечно, они спрячут меня. Не помню ни ее лица, ни имени, только это ободряющее объятие, благодаря которому я осмелился поменять жизнь. В животе

моем плескалась водка, спустя четыре месяца я снова был пьян, и это было здорово, странно и празднично.

— Допустим, вы все не против. Но там же будет еще пассажир?

Василий Нагибин махнул рукой:

— Придумаем что-нибудь. Главное, чтобы ты решился.

Тогда я сказал:

— Ладно. Если мы допиваем водку, а Сигита не возвращается в комнату, я еду с вами. Если она вернется, я беру деньги в долг и бегу покупать обручальное кольцо.

Мы выпили, время подошло. Я быстро накидал самое необходимое в сумку, попрощался с Михаилом Енотовым и Лемом, взглянул в окно на лимузины, осмотрел стены конуры и поехал на вокзал с Василием Нагибиным и его студентками. Зашел в вагон как провожающий, прошел с ними в купе.

— И что же теперь, а? — спросил я.

— Не знаю.

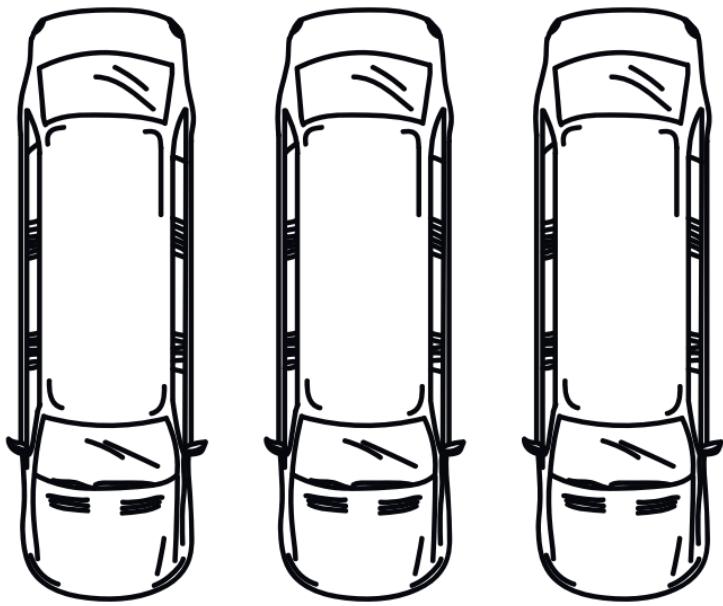
До этого я никогда не был в купейном вагоне. Тут, прямо над входом, был отсек для матрасов и одеял, и, если вытащить их оттуда, он идеально подходил для одного безбилетника. Я залез туда. Василий Нагибин и студентки расселись. Вошла женщина средних лет — тот самый четвертый пассажир.

— Простите, — сказал Василий Нагибин. — Не пугайтесь, пожалуйста, это наш друг, ему надо в Петербург, и мы везем его зайдем.

Женщина подняла на меня взгляд. Мы пару секунд смотрели друг на друга. Я попробовал дружелюбно улыбнуться:

— С девушкой расстался.

— Хорошо, — сказала женщина, кивнула и стала смотреть в окно. Скоро поезд тронулся, зашла проводница, проверила у них билеты, а я все лежал на верхней полке,

в этом тесном закутке. Женщина не сдала меня, проводница вышла. Я тихонько посмеивался, тихонько поскуливал. Потом мы пошли пить пиво в тамбур, а потом Василий Нагибин сказал мне лечь на постель, поскольку я — гость в его купе.

Сам он залез в этот закуточек и вырубился там.

* * *

Я добрался до Петербурга и остановился в гостях у Валерия Айрапетяна и его семьи. Он был начинающим писателем и состоявшимся массажистом, а теперь он мне кажется создателем всего мира, каким я его познаю и вижу. Через два дня можно было приступать к работе.

Рано утром я был на железнодорожной станции «Удельная». Денег у меня почти не было, поэтому я пошел не через кассы, а выждал, когда охранник отойдет к другому концу платформы, и перелез через забор. Так я доехал до станции «Зеленогорск», потом нашел нужный автобус и заплатил за проезд последние монеты. Я проехал по красивому и маленькому, как будто курортному, городку, и все воспринималось приятно-болезненно, от ранней весны и почек на деревьях, все было выпукло: каждый предмет, дерево, автомобиль, дом или светофор — все проникало в меня после трехдневной пьянки и расставания с девчонкой, все было настоящим и физически ощутимым, с меня снова содрали кожу. Я вышел на нужной остановке, где уже ждал автомобиль моего будущего прораба, небольшая синяя машинка «Сузуки».

— Привет, я Женя,— сказал я небольшому мужичку за сорок. Он пожал мне руку и сказал, немного заикаясь:

— П-привет. И я Женя.

Мы поехали вдоль коттеджных поселков, пока не заехали на участок, где мне предстояло работать. Это был ухоженный квадрат земли, соток сорок, небольшой дом стоял в глубине, рядом были вагончики для рабочих. Я вылез из машины и увидел своего друга, писателя Марата Басырова. Он в это время нарезал арматуру болгаркой.

— Синок, тащи мешок! — заорал Марат и подошел обнять меня.

До этого я видел Марата всего один раз, но уже считал своим близким другом — мы очень много переписывались по ай-си-кью. В Петербурге жили он и еще один писатель, Кирилл Рябов по прозвищу «Сжигатель трупов». С ними у нас образовался кружок (еще в него был вхож Валера Айрапетян, который, собственно, всех нас перезнакомил, но тогда он еще только начинал писать прозу, и мы не знали, раскроется ли его талант) под условным названием «Мужики не лягут».

Благодаря кружку я знал рассказы и повести Марата и Сжигателя, как будто это были мои собственные.

— Ну, и как ты провел эти дни? Бухал? — спросил Марат.

— Все пропил, отец. Почти до копейки.

Сам Марат в это время находился в завязке. Его отношения с алкоголем уже несколько лет был такими: держаться месяцев одиннадцать чистым, потом срываться на месяц и опять на год кодироваться.

— С Валерой?

— И с Валерой, и со Сжигателем повидался, и с Костей Сперанским, — ответил я.

Мы стояли и болтали, обсудили мое расставание с Сигитой, как дела у Валеры и Сжигателя, и чуть ли не начали придумывать роман в нескольких томах.

— А че ты такой довольный, если расстался с любимой?

— Это только снаружи. Внутри я — гноящаяся рана.

Тут Женя, все это время стоящий рядом, кашлянул.

— Прораб, я думаю, хочет тебя запрячь, — сказал Марат.

— Да-да, я готов.

— Иди тогда, потихоньку переодевайся. Можно в доме, можно в вагончике, — сказал Женя. — И п-приходи ко мне.

Небольшой домик хозяева планировали увеличить до большого красивого коттеджа. Женя был опытный строитель, он разработал план, руководил и делал всю тонкую работу, а Марат был великий подсобник. Он много

работал с Женей на разных объектах, долго был установщиком дверей — с ним и без него. Но у Марата не было никакого желания держаться за деньги и хлебные места, поэтому как только он зарабатывал немного денег на семью, видел, что жене и детям есть чем питаться, бросал работу. Больше он любил писать прозу и стихи, но еще больше он любил сочинять романы и сюжеты для сценариев, которые никогда не напишет. Выглядел Марат моложаво, фигура у него была как у подростка. Сначала он говорил, что ему сорок лет, потом поправился — тридцать четыре. Второе больше походило на правду, хотя правдой не было ни то, ни другое. Только после смерти Марата, больше чем через восемь лет, я узнаю, что ему был сорок один год, когда мы познакомились. Просто он слегка завидовал моей молодости и стеснялся своего горького опыта, и в шутку скинул себе семь лет, потом все привыкли к мифу, да и Марат уже не захотел ничего объяснять. Женя взял его на ставку две тысячи рублей в день, я должен был получать тысячу. Для меня этого было более чем достаточно. Договорились, что еду буду готовить я, и, так как у меня самый маленький заработка, не буду скидываться на продукты. Эти условия превосходили мои самые смелые мечты — готовку я воспринимал скорее как медитацию, чем как труд.

Первый день я орудовал лопатой. С нами на участке были два узбека, которых наняли хозяева. Узбеки работали так хаотично и плохо, что я долго не мог понять, зачем они здесь нужны. С моей работой было все просто: максимально качественно выполнять поручения, для которых Марат был слишком хорош, пока он будет занят чем-то квалифицированным. Для начала мне нужно было выкопать траншеи правильной формы и глубины под фундамент.

Я так увлекся, что копал почти без перерыва до самого обеда. Врубил плеер на полную. Под завывание эмо и скрипко я вышвыривал землю, лопатой, приближаясь

к ядру земли. Привыкший к праздному времяпрепровождению в общаге, я совсем забыл, какое отупляющее удовольствие приносит работа руками: ты отдаляешься от мыслей, их течение успокаивается и замедляется, твой обезьяний ум больше не властвует. Я отгородился от наших отношений с Сигитой и от замыслов книжек и альбомов. Все фильмы и роли, которые я мечтал поставить и сыграть, сейчас стали тем, чем и являлись — игрушечными чудовищами разума. Тело и лопата, земля, тело и лопата.

Марат махал мне, и я вытащил наушник.

— Сынок, ты не увлекся? — спросил Марат.

— А что такое?

— Давно замерял?

Он сходил за сантиметром, и мы замерили глубину первой ямы.

— Вот же сумасшедший, — сказал Марат и рассмеялся.— Сынок, ты псих.

— Ничего, закопаем обратно.

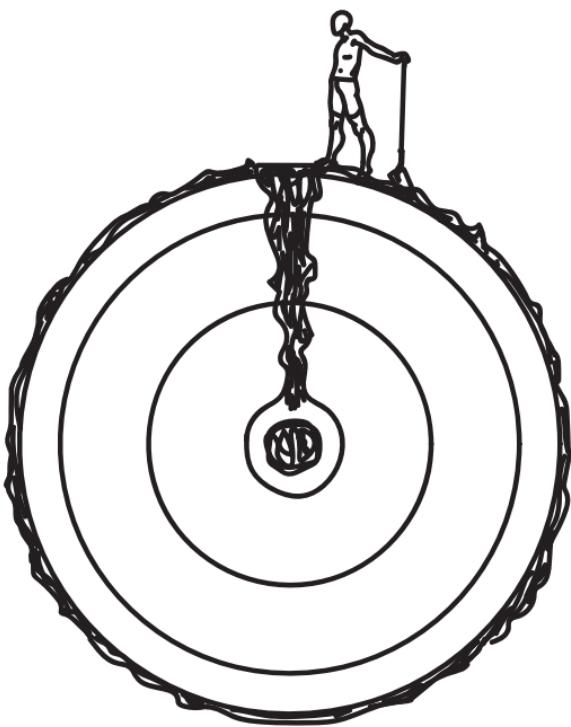
Таким образом я потерял пару часов, проработав их вхолостую. Пришлось присыпать и утрамбовать то, что я уже раскопал. На закате Марат предложил прогуляться. Мы накинули куртки, вышли за ограду и попали в лесок, а через пять минут уже вышли к Финскому заливу. Я разгулся и пошел намочить ноги по камням. Марат остался на сухой части берега. Вода была ледяная, но все равно было очень приятно.

— Благодать здесь! Давай сюда! — заорал я Марату.

Искупаться не получилось — слишком неудобные камни и непредсказуемые волны, а то я полез бы, несмотря на холодную еще погоду. Когда мы шли обратно, ужинать, я, дрожа, спросил:

— Отец, как думаешь, я же два часа потратил впустую?
Да?

— Ну и что?

— Может, стоит сказать Жене, чтобы вычел это из моей зарплаты?

— Ты че, сынок?! Да Женя тебе жопу скоро лизать будет. Ты один работаешь лучше, чем два узбека вместе взятые. Не бери в голову. Приноровившись, это же только первый день.

Отработав три дня и получив свои три косаря, я не выдержал: в выходные поехал мириться с Сигитой на ночном сидячем поезде. В субботу я успел даже сходить на занятие по мастерству, потом мы пошли погулять в павильоны на ВДНХ. Там в одном из модных, как я их тогда оценивал, магазинов я купил ей кроссовочки. Она сразу их надела, а старую обувь убрала в рюкзак. Я не мог налюбоваться ею: странным азиатским разрезом глаз, длинной темной косой, красивым легким пальто и этой новой обувью. Сигита сказала, что будет часто ездить ко мне в Петербург, что это отличный город, и что если я решу там остаться, то она будет готова перевестись на заочное и переехать ко мне. Я понимал, что она просто соскучилась и боялась потерять меня, поэтому сейчас говорит то, что я хочу услышать (бабы умеют читать мои мысли, тем более Сигита), но мне хотелось верить ей.

— Да,— отвечал я.— Петербург, пожалуй, лучший город. Думаю, что просто брошу учебу и найду там жилье.

Настал вечер воскресенья, и за пару часов до поезда к нам пришло чувство острой влюбленности и даже страсти. Мы обнимались, слегка пьяные, складывали друг на друга ноги и руки, прижимались туловищами. Потом я поехал на вокзал. Я не жалел, что пришлось провести две ночи в поезде — у меня появлялись наброски к текстам новых песен и приятные мысли. Почему-то в сидячем положении я довольно неплохо засыпал, так что мне это нравилось. Ездить сидя.

* * *

Вторая неделя была как сон, в котором я увидел идеальный сценарий для своей жизни. Во время работы мы с Маратом все время говорили о книгах, прочитанных и тех, которые сами когда-нибудь напишем.

В один вечер Марат объяснял мне свой взгляд на Достоевского, которого я не очень понимал. Ты должен, говорил Марат, читать его дальше, не ограничиваясь книгами «Записки из подполья», «Преступление и наказание» и «Идиот» — иначе не считаешь код. Только распутав его, ты получишь доступ к настоящей силе, которую унаследовали западные писатели двадцатого века, вплоть до Стивена Кинга, и почему-то просрали мы, русские. Нужно прочитать все пять главных книг Достоевского, а потом уже переходить к авторам посовременнее.

За следующим обедом я рассказывал о Тургеневе. Я говорил, что сам он был трус и подлец, писал серо и подчеркнуто современно, но, возможно, это в конце пути и привело его к великим стихотворениям в прозе. Он глушил свой талант подлостью, мелочностью, хитростью, осторожностью, так и дожил до старости, где увидел кровавый закат. Он всю жизнь занимался литературой, работал с такой сильной магической материей — со словом. Поэтому, как бы ты ни осторожничал, в конце концов столкнешься с самим собой, с фундаментальной пустотой. Тогда ты либо выстрелишь себе в голову, либо сочинишь что-то великое, без усилий, без привязки к структуре или эпохе.

Переходили к двадцатому веку, где были любимые имена от Кафки до Буковски, и мусолили их, как две бабушки у подъезда мусолят любимые сплетни. Женя поглядывал на нас, завидовал нашей радости, и, если мы слишком увлекались, делал так, чтобы мы с Маратом работали в разных точках участка. Я привез Марату «Элементарные

частицы» Уэльбека — книга была моим самым сильным литературным впечатлением года (я еще не добрался до «Расширения пространства борьбы» и «Возможности острова»). Марат еще не дочитал книгу, но уже горячо соглашался, что Уэльбек — один из мощнейших современных писателей, хотя сначала был настроен скептически. Потом мы прочтем и будем перечитывать все выходившие на русском языке его книги.

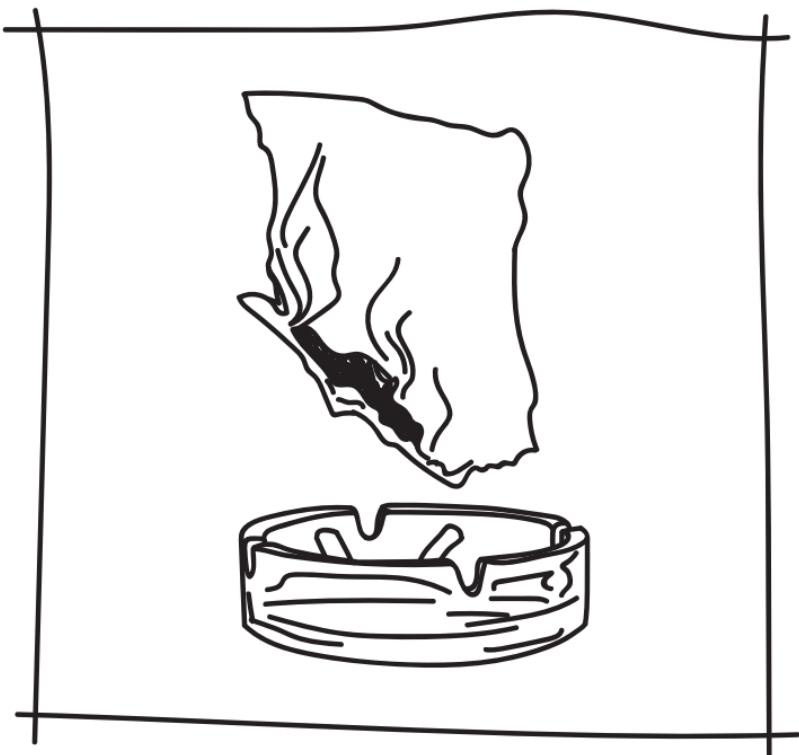
Женя каждый вечер выпивал несколько банок пива под какой-нибудь фильм на DVD или под интернет, который он подключал через внешний модем «йота». Мне он тоже взял четыре штуки, по одной на каждый вечер, не считая пятницы, потому что в пятницу мы уезжали в город. Но я выпил все четыре сразу. Так я освободил себе оставшиеся вечера, чтобы обдумать творческие планы.

Марат читал, Женя смотрел фильмы, а я сидел на кухне с листком бумаги, играясь в волшебство. Мне показалось, что момент жизни сейчас настолько счастливый, что можно попробовать написать программу на ближайшее будущее, что-то вроде молитвы к самому себе, но не выращивая благ, просто планируя работу, и все исполнится. Запустить машину времени и дать аванс себе из будущего. Я, пытаясь вложить всю уверенность, на которую только был способен, написал на клочке бумаги:

*Ко дню своего рождения я
— доделаю второй альбом «ночных грузчиков»
— допишу свой первый роман.*

Марат пошел курить, и я на крыльце стрельнул у него сигарету. Он дал мне прикурить, но я остановил его руку.
— Дай зажигалку, — сказал я.

Он протянул мне зажигалку, и я достал из кармана и сжег волшебный листок над пепельницей.

— Ты чего, сынок, колдуешь?

— Да, написал стих, который надо сжечь, потому что он только для меня.

— Ага, понятно все с тобой.

Я затянулся и спросил:

— Какой роман ты точно напишешь? Вот прямо знаешь, что он у тебя будет, несмотря на то, что девяносто девять процентов идей уплывают от нас в никуда?

Марат на несколько секунд задумался и ответил:

— Точно. Понял, что это будет за роман. Он будет называться «Трудовая книжка»...

— Типа, как «Фактотум» или «Собачья жизнь в Париже и Лондоне»? — перебил я его.

Я уже доставал из кармана плеер, чтобы найти одну свою песню.

— Ну да, типа «Фактотума», только в наших реалиях.

— Приколи, отец. У меня была такая же идея — начать с самой первой своей работы, и просто сделать толстую книгу, которая будет вмещать лет 20 моей жизни, но вырезать все, что не касается работы. Но это надо сперва дожить. И потрудиться еще придется.

— Че ты ищешь?

Я нашел песню номер один на первом нашем с Михаилом Енотовым альбоме. Она называлась так же — «трудовая книжка».

— Вот, — ответил я. — У меня даже есть песня про самую первую свою работу. Мне еще пятнадцать было, в школе учился. Об этом написал песню. Угадай, как она называется?

Марат прочитал название трека и уставился на меня, как на привидение.

— Обалдеть, сынок. Шустрый какой. Я сразу понял, что на тебя можно большую часть работы свалить, — Марат засмеялся. — Как только ты лопату схватил и начал тут

бегать как ужаленный и тележки с землей катать. Мне можно не писать, выходит.

Потом Марат стал серьезным и сказал:

— Так, сынок. Шутки в сторону. Знай, что все это не-просто. Я — шаман. У меня было шесть пальцев,— он показал какие-то маленькие отростки по бокам кулаков рядом с мизинцами.

Я потрогал: на ощупь походило на старую мозоль или удаленную бородавку.

— Сейчас происходит важнейший обмен опытом,— сказал он.— Когда я умру, все мои знания будут переданы тебе и Сжигателю. Поэтому я позвал тебя работать на этот объект.

— Не волнуйся, отец. Рыть траншею я уже научился.

Мы выкинули бычки и зашли в дом.

* * *

Ночевать в пятницу я поехал в Петергоф к своему другу Косте Сперанскому. Там было одно из общежитий СПБГУ.

Мы подружились с Костей еще в Кемерове, когда я только закончил школу и поступил на филфак, у нас даже была группа «макулатура» и записанные несколько лет назад песни.

Наверное, сделай мы такую группу тогда в Москве или Петербурге, опередили бы в какой-то степени время и популярность «Кровостока», если бы нашли хорошего менеджера. Позже появился исполнитель «Треш-Шапито Кач», делавший что-то отдаленно похожее, но бесталанный. Еще была группа 2h Company, которую я, при всем к ней уважении, слушать не мог. Был и первый альбом коллектива «Самое большое простое число», который по подаче больше походил на «ночных грузчиков» (и даже появился в один год с «грузчиками»), а по настроению и чувству был сравним с нашей «макулатурой». Сейчас я говорю без любви к тому, что они начнут вытворять дальше, это совершенно мертвая музыка, не вызывающая никакого волнения внутри, но первый их (или его, Кирилла Иванова) альбом попал в меня потрясающе метко — я заслушивался им, глядя на лимузины из окна своей комнаты. В общем, тогда подобной музыки было мало, альтернативный речитатив по-русски (а тем более то, что мы позже вслед за группой «Ленина пакет» станем называть словом «реп») оказался диковинкой.

В общем, Костя был (и остается) для меня важным человеком, соавтором и читателем. Мы обменивались рассказами, стихами, часто переписывались, созванивались, делились новыми литературными открытиями. Я очень хотел снова делать с ним песни, потому что в «ночных грузчиках» работал своей глупой головой, погруженной

в философские вопросы, пытался зафиксировать страдания ума, его мышиный бег по лабиринту отражающегося в нем же бытия. «Макулатура», чувствовал я, была моим сердцем, которое билось в настоящем моменте, моим телом, двигающимся в густой городской среде среди этих витрин, этикеток, признаков каждого дня и месяца, эмблем, шифры которых я пытался разгадать.

Меня будут постоянно спрашивать, в чем различие этих проектов, и, если различий нет, за каким хреном мне понадобилось две группы, в которых я делаю одно и то же. Так вот вам ответ: разница была изначально, мой подход был разным, но со временем она стала неважна. А две группы или десять — кому какое дело, если они мне нравятся? Никого волновать не должно, сколько у меня написанных книг или музыкальных альбомов. Все это деление между одним циклом и другим, между одним текстом и другим — условность. Просто приходит время что-то выложить или опубликовать, или приходит редактор, которому нужно что-то отдать. Иногда надо это делать, чтобы опять открывать чистую страницу и продолжать писать.

Потому что писать — это все равно что пить воду с похмелья, смотреть любимый сон после тяжелого дня. Это делает тебя живее, это превращает твою боль в смех, открывает новые двери восприятия и позволяет выйти за пределы тесного и болезненного «я». А писать в соавторстве — это вообще лучшее, что может с тобой произойти. Это все равно что любовь, только ты смотришь общий сон со своим товарищем и братом, и при этом вы не запихиваете органы друг в друга, не вторгаетесь своей грубой физикой в сон, не насилиуете и не манипулируете, а просто даете неизведанному миру вырасти по мере своих скромных возможностей. Хотя, конечно, иногда в этот процесс вторгается и насилие.

Да, нас с Костей связывало творчество, даже в те годы, что мы почти не виделись. И за это время он много раз

сбрасывал шкуру: когда мы познакомились, он был обычный подросток, лох дальних дворов, который любил Ву Танг и ГТА и пошел в университет, чтобы его мама могла рассказывать соседкам, что у сына есть образование. Потом он съездил в Москву на летних каникулах, где вступил в национал-большевистскую партию, и, вернувшись в Кемерово, получил условный срок за публикацию какого-то текста в интернете. На третьем курсе стал ходить в качалку, пока не вырастил мышцы до каких-то сумасшедших размеров, и тогда он выглядел реально ту-порылым качком с бычьей шеей. Потом стал заниматься тайским боксом и опять скинул вес, выезжал драться с хулиганами и на пару месяцев поставил у себя в «интересах» на «вконтактике» «околофутбол». Сейчас он заканчивал первый год аспирантуры СПБГУ, с грехом пополам работал в газете «Мой район», тратил все деньги на шмотки «Фред Перри», «Лакост» и «Мерк», носил кепку в клеточку и серьги в обоих ушах, но ел лапшу «Ролтон» и гречку или вообще ничего не ел. На работе он писал обо всяких проблемах пенсионеров, сбоях работы ЖКХ, обновлении телефонных линий и прочем повседневном копошении жизни. Работать Костя не любил, будни ненавидел, ему больше всего было по душе спать до обеда и переставлять будильник еще на десять минут. Потом он делал долгую зарядку, не забывая ни об одной мышце, ни об одном сухожилии, и, если удавалось оттянуть завтрак ближе к закату, день был прожит не зря. Еще недавно у него появилось хобби: брать бутылочку дешевого вина и писать прозу.

— Ненавижу писать трезвым, — говорил он. — По мне, только для этого и существует литература — чтобы со-вмещать ее с вином.

Так он и написал околоавтобиографический полный страсти и нежности рассказ «Проводите меня обратно» — о том, как ездил домой на каникулы и влюбился в девушку

своего близкого друга. Друг и девушка прочитали и не знали, как реагировать. Костя тоже не знал, зачем подкинул им эту бомбу в пакетике. Он сейчас готовил следующий ход:

— В июле приеду к ним опять, а там посмотрим.

В субботу мы проснулись, чем-то перекусили, и он повел меня смотреть Петергоф. Это был первый теплый день, солнце грело, мы сняли куртки и впитывали кайф. Сходили на залив, посмотрели на Петрродворец, потом прошлись по самому городу. Взяли пива и сели на лавочке.

Девушки оголяли ноги, надевали каблуки, отчего зады выпячивались. Мы терли себя за ширинки, как двое молодых животных, очень хотелосьекса. В таком городе, где есть залив и дворец и фигура Самсона, разрывающего пасть Льва, в такую погоду, под первым теплым весенним солнцем, было чрезвычайно приятно ощущать молодую нашу жизнь, трогать себя за половые шляпы и обсуждать творческие планы. Я изложил идеи нескольких песен, у меня уже были мысли, которые позже станут треками с названиями «милиционер будущего» и «владимир познер».

— Только нужно имя для альбома, — сказал я. — Марат все время говорит про «образ» в художественном произведении. Есть у тебя название, которое вмещало бы образ альбома, чтобы я держал его в голове, пока буду писать свои первые куплеты?

— А что такое образ? — спросил Костя. — Пока не очень понятно.

— Я сам понимаю довольно приблизительно. Но кажется так: это — инстинкт. Это то, что связывает любые куски текста. Вот я посмотрел на фрагмент из начала, увидел там пару реплик на социальную тематику, вот я посмотрел на фрагмент из середины, увидел там фразу «дрочить хорошо, Костя!», и вот я посмотрел на название, и вспомнил про образ, почувствовал связь между всеми этими кусочками.

Костя задумался на секунду и тут же сгенерировал название:

— Конечно. «Детский психиатр».

Это был его талант — особый угол зрения. Рассказ, стих, резюме, аннотация — все, кроме крупной формы, все, что не требует ежедневной работы и творческого режима, будет всегда даваться Косте лучше, чем другим.

— Гениально! О таком названии я и мечтать не смел!

— А как будет называться альбом «ночных грузчиков»? — спросил Костя. Он подскочил и начал боксировать с воздухом — одна из новых его привычек. — Надо, чтобы название были максимально разными.

— О, тут будь спокоен! Он будет называться «в два раза больше боли, в два раза больше любви».

— Ну да, не очень похожи.

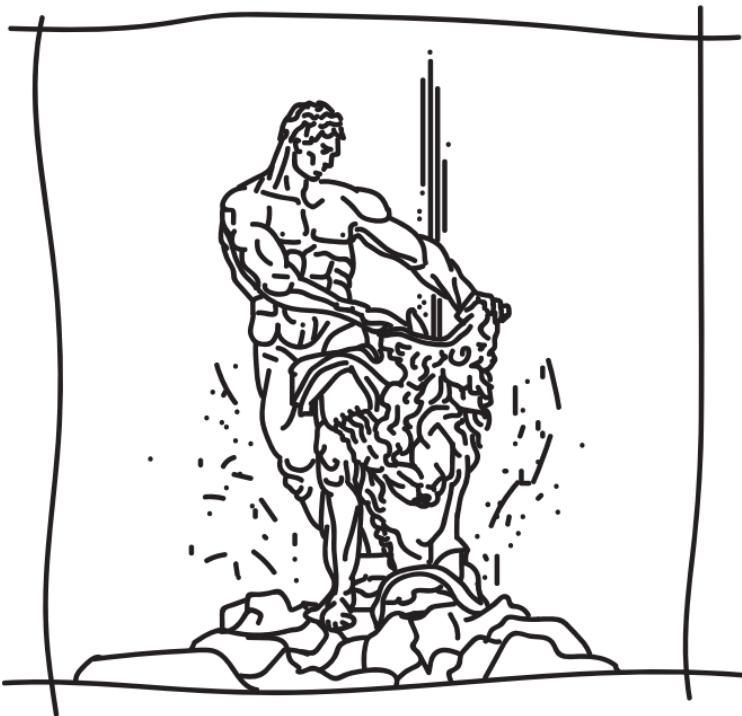
Я сказал ему, что «детский психиатр» удачное название, он попал пальцем в небо. Потому что я как раз хотел сфотографировать это странное чувство, перед взрослением, как будто снимаешь пленку с мебели — так предстает перед тобой эта жизнь, к которой ты готовился в детстве. И наш альбом будет тем самым психиатром, который познакомит слушателя с этой странной серой тоской, висящей в воздухе.

— Вот именно сегодня, в две тысячи восьмом году, я ощущаю это гудение, как никогда, — я пожал плечами, не зная, понятно ли я пересказываю творческий замысел.

Костя кивнул и сказал:

— Ну да, я тебя понимаю. И, кажется, это тренд не на один сезон.

Чтобы отпраздновать начало совместной работы, обвесить новогодними игрушками вход в лабиринт творчества, мы поехали в ТЦ «Мега». Я насмотрелся на Костю и решил, что мне тоже необходимо одеться получше. Раз я теперь начал зарабатывать, нужно прикупить себе модные шмотки.

— Я стар, как Мишель из «Платформы», — говорил я. — Но член мой еще работает. Мне нужна Валери и хорошая вечеринка со старыми добрыми свингерами! Если я буду выглядеть лучше, может быть, кто-нибудь согласится меня пососаааать!

Люди в бесплатном автобусе обворачивались. Но настроение было настолько хорошее, что я не переживал по этому поводу. Мы обошли несколько магазинов, и я купил себе толстовку, очень крутую, темно-синюю, почти черную с молнией и капюшоном, на спине одним цветом, зеленым, резиновый рисунок — обезьяна, держащая пистолет у виска. Вещи, настолько близкой мне по духу, у меня еще не было. Не терпелось показаться в таком виде Михаилу Енотову: он, доставший меня из окна и давший мне прозвище «обезьяна», единственный, кто оценил бы шутку на все сто процентов.

* * *

В воскресенье Марат позвонил и сказал, что не выйдет на работу. У него недавно была операция, паховая грыжа, и теперь шов снова начал болеть. Еще он признался мне, что быстро устает от Жени, от тяжелого ритма работы, но больше всего — от привычки Жени говорить «тихонько» и «маленько», при этом чуть ли не трахая тебя в задницу и заставляя работать по девять с лишним часов в день.

— Отец, как же я буду без тебя? Кто же мне расскажет про двойников Достоевского и про подлинный путь к «Замку»?

— Сынок, ты быстро учишься, — сказал тепло Марат. — Все, что я знаю, ты уже знаешь. Главное, сперва прикинься, что готов работать сверхурочно, и, когда Женя поднимет тебе зарплату, научись пинать хер.

— Да я могу и не пинать. Мне же нравится работать, как ты уже заметил, — ответил я.

— Не, сынок. Так можно перегореть. Не забывай отдохнуть. Как физически, так и умственно. Поработал, пописал. Не забывай носить блокнотик и иногда бросай лопату и пиши любую ахинею, лишь бы Женя не почувствовал власть. Он должен всегда сомневаться, он должен всегда ревновать.

— Спасибо, выздоравливай. Пиши пока.

— Уже пишу. Ничего, дети жрать захотят, вернусь к вам на участок. Синок, тащи мешок!

В понедельник поехал один с сильного похмелья на работу. Вставать пришлось ранним утром, путь был очень долгий: маршрутка от Петергофа до метро Автово, потом на метро от Автово до Удельной, потом электричка до Зеленогорска. В Зеленогорске Женя должен был подобрать меня. У него был дом в деревне Агалатово, там он проводил выходные, и удобнее всего было пересечься

в Зелике. Но его все не было, пришлось ждать чуть больше получаса у станции. Всю воду, которая была с собой, я уже выпил, денег оставил ровно столько, чтобы доехать досюда, поэтому время тянулось долго в сущняке и головокружении. Но я, чтобы преодолеть это состояние, делал наброски в блокнот. Иногда из похмелья рождаются лучшие стихи. Первый текст для «детского психиатра» был закончен к приезду Жени.

Как только я сел в машину, Женя принялся жаловаться:

— Вот Марат, так всегда! П-поработает пару недель, а как только все наладится, как только понимаем фронт работ, он не выходит. Хорошо, что ты быстро втянулся.

— Да ладно,— ответил я.— Несколько дней отдохнет, грыжа болеть перестанет — вернется.

— На следующий неделе нам фундамент заливать. Ни хрена не г-готово. Надеюсь, правда, вернется.

— Ничего, я могу работать лишний час, и узбеков подключим.

Работы действительно стало больше, обед мы на время упростили. Вместо супа и второго питались гречкой или рисом с тушенкой, что тоже было неплохо. Вместо салата ели овощи вприкуску. В этом был свой шик. Первый день я почти целиком орудовал бензопилой — распиливал доски на колышки для деревянной опалубки. Это был психodelический опыт. Идешь вдоль длинной доски, распиливая ее, вчерашняя водка льется с тебя рекой, перед глазами плавают какие-то белые фигуры, руки ходят ходуном. Потеряешь бдительность, поддашься своей слабости — лишишься конечности. Сон мой с понедельника на вторник был тревожным, руки сводило судорогой, я и во сне все еще пилил: сначала доски, потом дом, пристройку к которому мы делаем, потом вагончик с узбеками, потом собачью будку и саму собаку — ее я распилил вдоль туловища, она с визгом разлетелась на две

симметричные части, а кишки обмотались вокруг бензопилы. С этим я проснулся на рассвете и заварил себе чай. Марат, Сигита, Михаил Енотов — по ним я сейчас скучал больше всего.

Второй день тоже был не сахар. То, что я распиливал вчера, сегодня мне нужно обтачивать топором. Каждая доска должна была превратиться в острый колышек — его мы вонзим в землю, чтобы поддерживать опалубку, в которую, как тесто в формочку, будем заливать бетон. Колышков нужно очень много. На третий час такой работы моя правая кисть гудела. Каждую минуту я вспоминал Ваню Храпунова, который сломал мне руку в средней школе. Но ничего, к боли можно привыкнуть, от нее можно отстраниться. Я представлял людей на каторге, работающих крестьян или американских черных рабов, в какой-то мере вся человеческая память есть и в моих генах, и то, что они терпели мучения гораздо сильнее моих, должно было помочь мне сейчас. Я представлял штуки, которые я скоро смогу купить, сначала рисовал в воображении только очертания, но с каждым ударом топора, с каждой щепкой они заполнялись содержанием и пропускали: новый плерер, ноутбук (вернее «нетбук», в этом году появились маленькие лэптопчики, я очень хотел себе такой для путешествий), обувь, джинсы. Но самым главным были не эти покупки, а то, что каждая трудность, которую я преодолею, может стать строкой, личной метафорой, даже рассказом. Это будет не искусственная крепость, не воздушный замок, неважно, поэзия это будет или проза. Тогда я смеялся над собой, своим прошлым и будущим и над Храпуновым, над тем, как я крикнул ему «Лох!» в девяносто восьмом году. Он замахнулся для пинка, а я прикрылся и словил его ногу сорок пятого размера своей правой кистью, и кость с тыльной стороны ладони, движущая указательный палец, сломалась и не совсем правильно срослась, чтобы всю

жизнь болеть. Теперь я орудовал топором, колышков становилось все больше, и после каждого третьего колышка я на две минуты брал в руки блокнотик и писал туда первое, что приходило в голову.

Пару недель я потом просыпался со сжатым кулаком. Мне удавалось разжать правую руку только при помощи левой, осторожно отгибая палец за пальцем, потом массируя их. Каждый раз я пугался, что так будет всегда, но пальцы понемногу начинали шевелиться.

На третий день стало проще. Я вязал арматуру, делал будущий скелет фундамента. Мне очень нравилось это занятие, делая это, было хорошо мечтать, грязясь на солнце. Женя каждый вечер звонил Марату, спрашивал, не созрел ли он вернуться. Но я чувствовал, что Женя уже пересчитывает деньги в уме и понимает, что напрячь меня по полной будет гораздо выгоднее, и можно даже обойтись без Марата.

Как-то Женя поговорил с ним и протянул мне трубку:

— Как ты, сынок? Тащишь мешок?

— Да, тащу. Выполняю сложную работу, более квалифицированную. — Я покосился на Женю: понял ли он намек? — Вязал вот арматуру, например, и у меня получилось. Не хуже, чем у тебя, не поверишь.

— Ахахаха, ты быстро схватываешь. Если он тебе будет платить меньше, чем полторы в день, обоссы его.

— Обязательно обоссу его. Да, отец!

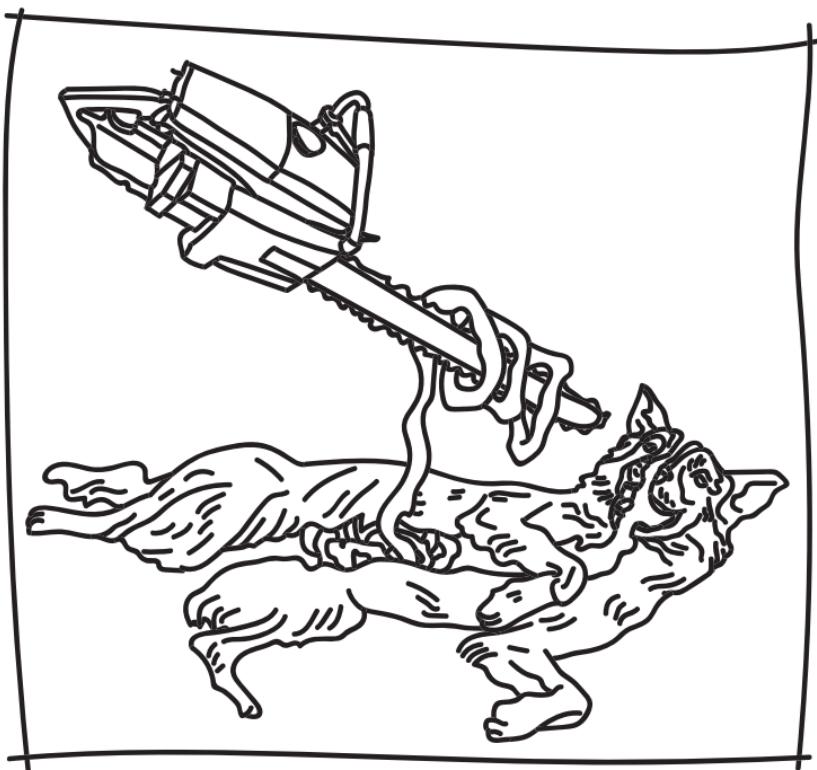
Мы попрощались, я протянул Жене трубку.

— Кого ты обоссышь? — полюбопытствовал он.

— Да никого, у нас свои писательские разговоры.

В итоге Женя поднял мне зарплату до семи тысяч в неделю. Марат плевался, ругался и говорил, что вот поэтому он недолюбливает Женю.

— Тысяча четыреста в день, да как так можно считать? Вот не отпилил бы у тебя лишнюю сотку, все были бы довольны. Не вернусь я к вам! Сынка не ценит!

— Но подожди, отец. Я теперь получаю как два узбека. По-моему, все правильно.

В эту неделю я сильно соскучился по общаге. В поезд я взял пиво и пил его, уставившись в спинку кресла перед собой. У меня созрело желание с кем-нибудь познакомиться. Целую неделю я почти не разговаривал, только несколько ничего не значащих фраз с Женей по вечерам. В общаге я не привык к такому.

В итоге я пил в тамбуре с двумя парнями: каким-то молодым дураком и взрослым строителем. Я обрадовался и говорил, что я тоже строитель, а еще пишу книгу.

— Все мы, строители, — так или иначе прозаики! — говорил этот мужик-строитель, посмеиваясь. — У меня что ни объект, то рассказ или повесть. Работаю, пишу.

Я на всякий случай даже не стал сомневаться в правдивости его слов и на радостях стал угощать обоих пивом.

У Михаила Енотова начался первый полный страсти роман. Он стал встречаться с девушкой на четыре года старше его, Альбиной, приятельницей Лема из Беларуси. Она переехала в Москву и пыталась стать тут театральной актрисой или что-то в этом роде, и случайно запала на молодого поэта. Я никогда не думал, как он мог бы себя вести, когда впервые ознакомится с миром секса. Оказалось, примерно так же, как и все, как и я. Он постоянно хватал Альбину, целовал, намекал, дразнился стояком.

— Тебя не узнать, — сказал я. — Не думал, что ты такая же обезьяна. Думал, будешь спокойнее.

— Просто я изучил столько моделей поведения людей со своими девушками. Все модели, кроме твоей, не показались мне искренними. А вообще, сходи за пивом, а мы пока делом займемся.

— Уже? — спросила Альбина, похотливо глядя на парнишку.

Я пошел за пивом. Потом приехала Сигита от мамы, и это был хороший день. Мы с Михаилом Енотовым репетировали и правили тексты, доводили до ума минусовки, подгоняли аранжировки по размеру. А наши девчонки были рядом, болтали про свои женские дела.

Потом я поехал забирать свой новый нетбук. Он обошелся мне в семь тысяч, но я договорился разбить сумму на два платежа. Он выглядел прекрасно, вдохновляюще, черный маленький «Асус», ничего лишнего. Я раскрыл его в метро и сразу начал печатать. Клавиатура была не очень удобная, кнопки маленькие, но к этому можно будет привориться. Главное, что теперь у меня был инструмент для творчества, который ничего не весил, и его всегда можно было возить с собой. В общаге я перекинул все разрозненные куски своего романа на нетбук. У меня было целых два месяца до дня рождения, я должен был справиться, заполнить пустоты, расписать несколько глав. Я вспоминал фрагмент письма другу одного из любимых писателей ранней юности Джона Фанте: «У меня есть четыреста пятьдесят долларов и четыре месяца, за которые я должен дописать роман! По-моему, это шикарно».

То, что моя первая книга сейчас быстро воплощалась в реальности, делало вкуснее еду и усиливало ощущения.

* * *

В четверг приехали два специальных человека, мастера по заливке фундамента. Один был Женин ровесник, похожий на рыжего из компьютерной игры «Потерянные викинги», в которую я много играл в детстве. Второй — его помощник, Денис, лет тридцати, мудрый подсобник. У Дениса была только цепная электропила, у Викинга же был полный багажник инструмента. Викинг и Женя целый четверг прыгали по опалубке, пока мы с Денисом выполняли их мелкие поручения. Опалубку надо было выставить так, чтобы фундамент лег идеально.

— Дом будет расти вверх со следующей недели, — говорил мечтательно Женя. — Это ни с чем не сравнить! Все, что до этого мы делали, просто цветочки. Вот дальше будет по-настоящему интересно и красиво.

Один раз я не удержался, глядя на Женю в синей толстовке, синих рабочих штанах и синей же длинной жилетке с множеством карманов, по которым были рассованы разнообразные гаджеты: карандаши, фломастеры, саморезы, гвоздики, рулетка, сверла, — и начал смеяться, как накуренный.

— Ш... ш... Что с тобой?

— Не знаю! Просто очень весело. Кажется, когда я вырасту, тоже стану строителем. Уж больно завидная судьба.

Женя махнул на меня рукой. Он сказал Викингу:

— П-писатель, что с них взять.

В пятницу мы встали позже и сразу совместили завтрак с обедом. Около тринадцати часов должна была приехать бетономешалка. Однако Женя получил звонок: водитель задерживался. Женя понемногу начинал нервничать, а я сел под деревом с нетбуком и написал текст для «ночных грузчиков».

Приехала бетономешалка, вылез здоровый пузатый дядя. Они поговорили с Женей, определились, с какой стороны

подъехать, и дело пошло. Направили рукав, бетон потек в опалубку. У Жени глаза горели: он, правда, очень любил свою работу и деньги, которые за нее получал. Мне тоже было интересно.

Но вдруг все начали переживать и кричать. Это сломался рукав с бетоном, начал протекать. Женя бегал кругами. Здоровенный пузатый дядя говорил «щас, щас все починим». Мы с Денисом взяли ведра и лопаты, стали собирать бетон с земли и выливать его ведрами обратно в опалубку. Узбек Эдик бессмысленно шатался рядом, наблюдал. Викинг не терял самообладания.

Тогда я сел под дерево и написал еще один текст. Время шло, приближался вечер, люди спорили, ругались, куда-то звонили. Бетон вращался в бетономешалке, иногда я подливал туда воду.

— Мы застряли,— разочарованно сказал Женя.— Готовь на всех ужин.

Михаил Енотов уже перешел на веганство, поэтому я заставлял себя сконцентрироваться на особом, новом чувстве вины, когда готовил мясо на всех этих голодных мужиков, занимающихся физическим трудом. Вот кусок убитой свиньи, проговаривал я. Ее мясо имеет вкус боли и страха, ножом я отрезаю плоть, которая недавно была частью живого существа. Свинья близка человеку, свиней даже обучаают простейшей математике. Вот оно, сырое мясо, не вызывает ни малейшего аппетита без специй и жарки. Если съесть этот кусок, тебя скорее всего вырвет, следовательно, ты, Женя — не хищник. Твой кишечник не предназначен для переваривания сырого мяса, тебе бы больше подошла растительная пища. Те, кто придерживается такой диеты, меньше болеют и дольше живут, они спокойнее, добре, чище. Приготовь на всех, но не ешь это сам.

Но стоило мясу начать жариться, я не удержался и тут же попробовал кусок. Ничего я не знал вкуснее мяса, пропитанного чесноком, луком, перцем и солью.

Рабочий день растянулся до раннего утра. Мы с Денисом изготавлили несколько весел, и все взяли по одному в руки. Бетон получалось выливать только в один угол опалубки, нам удалось зафиксировать рукав, и стоило бы водителю поменять положение, он бы доломался. Веслами мы быстро размазывали тяжелую жижу по всему периметру, не давая ей затвердеть. Стояли белые ночи, рядом был залив, вокруг наших потных тел вились миллиарды комаров.

Я вспоминал рассказ Льва Толстого о том, как приятно работать руками, когда тело твое терзают тучи комаров — текст, по которому мы писали изложение, когда я поступал во ВГИК. На мне было настоящее месиво из комариных трупов, просто серая грязь, все настолько сильно зудело от укусов, что даже не имело смысла чесаться. Руки и ноги мои были на пределе, веки закрывались от усталости, а я воображал себе секс. Как когда умираешь от похмелья, начинаешь грезить о вагине, и она предстает перед тобой: более реальная, чем когда видишь ее вблизи.

Я думал о том, как сделать так, чтобы кончить хотя бы три раза с моей любимой девушкой, когда буду в Москве. Проблема, думал я, орудуя в этой ночи, смотря на опалубку через пот, заливающий глаза, в том, что ей легкодается оргазм, и она слишком расслабляется. Мне же одного оргазма мало — я хочу получить три оргазма после такой работы. Я лечу через галактику, мне нужен приз. Надо обмануть ее, превратить в игру, заставить делать мне минет, потом сделать ей куни, передохнуть, как раз за эти минуты набраться сил. Она получит клиторальный оргазм, а это для нее как половинка вагинального, и еще не совсем расслабится, и я тут же пристроюсь сбоку и кину хорошую медленную палку, как настоящий мастер медленной ебли, если использовать терминологию Лимонова, прочистив все свое застывшееся за будни нутро. Потом мы немного полежим, она

уже захочет спать или идти к друзьям пить пиво, но я еще раз подрошу ей на грудь или на лицо. Да, пожалуйста, дорогой бог, на лицо, на глаза и губы, на нос, но все же не на волосы — вот это, да, будет идеальный вариант. Контрольный выстрел в лицо. Бетон дымился, весла гнали эту густую жижу, ноги подкашивались, но у меня был полустояк в полусне.

Толстый дядя ходил и ныл:

— Я шестьдесят пятого года, у меня уже нет столько сил. Давайте побыстрее, мужики.

— А я шестьдесят третьего! — бодро заорал Женя, орудуя веслом.

— Дядя, с ума сойти, — сказал я. — Бери палку и гоняй бетон, если хочешь быстрее!

Все посмотрели на меня, но никто ничего не сказал. Я ведь был прав, по вине толстого дяди мы тут застряли.

— Малой какой у вас горластый, — сказал он.

Закончили в пять утра. Я пошел собирать инструмент, затем мусор, остатки досок, куски бетона и прочее. Толстый дядя получил деньги и уехал на своей бетономешалке. Викинг заорал мне:

— Ты чего убираться вздумал?! Нельзя! Пошли пиво пить!

Даже Женя сказал:

— Завязывай. П-пошли отдыхать.

— Не, я хочу, чтобы мы проснулись и сразу поехали. Не хочу днем этим заниматься.

Но потом я все-таки оглядел участок и сказал: хватит. Все это позже. Мы расселись на кухне коттеджа, и состоялся разговор о семейных ценностях. Викинг ругался на то, что узбеки размножаются, а мы, русские, даем мало потомства. Много бездетных пар или часто всего один ребенок. Тогда как пара должна давать двух-трех детей.

— У тебя есть девушка? — спросил он у меня. — Жениться будешь на ней?

— Да, собираюсь. Только я, вроде как, бесплоден,— я ответил совершенно не думая, и даже отыграл, сделал скорбную физиономию, но тут же понял, что это интересная идея — всем вешать такую лапшу. Быстренько сам поверил в легенду и решил придерживаться ее ближайшие несколько лет. «Зачем тебе это? — спросил я у себя и ответил. — Не знаю, просто интересно. Это моя новая мифология. К тому же я ведь кончал внутрь целых три раза, и, как видишь, детей нет. — Нет? Три раза за три года? И разве это было в овуляцию? Ты ведь кончал в нее сразу после месячных, скотина, ты же все рассчитал, сам от себя это скрывая, ты не хочешь никаких детей, просто показывал ей, что готов их заиметь, прикидывался, подлец».

— То есть как? Стоит-то нормально?

— Да стоит, просто живчиков нет, так? — влез подсобник Денис.

— Так ч-чего тянешь? Лечись, — сказал Женя.

— Собираюсь пролечиться, отчего нет. Сам-то я хочу ребенка. Уже скоро пора. Просто я инфекцию в юности подхватил, и с тех пор не получается.

— А сколько тебе лет? — спросил Викинг.

— Скоро будет двадцать три.

— Да, самое время. У Дениса вон уже здоровые. Мои тоже взрослые совсем. Лечи письку и заводи детей.

Встали мы в районе часа дня, выехали лишь через пару часов, и мне пришлось ехать к Жене в Оголатово за деньгами. Хозяева на эти выходные не приехали, деньги перевели на карту Жениной жене, которая работала с нашим клиентом в одной kontоре, была его бухгалтершей. Чтобы суббота не была потеряна, в машине я достал нетбук и написал еще один текст, поглядывая на проносящиеся за окном лес, пляж, Зеленогорск, пригородаы Питера.

Мой куплет заканчивался так:

*и хорошо бы сейчас
когда в кармане зарплата
в мыслях поза, которую никогда не использовал
к своему удивлению
планы на выходные
приблизительные затраты
чтобы вот кто-то врывается, нарушает и я вдруг
теряю управление*

Жена была моложе Жени лет на десять-двенадцать, но не красавица, тоже маленькая, как и он, и суровая. Она в тот момент была беременна вторым ребенком. Жена только посмотрела на меня несколько секунд, и я сразу почувствовал железную волю. Женя ходил у нее по струнке.

Я получил небольшую премию — за эту тяжелую неделю заработал восемь косарей. Что ж, надо было поехать в Москву и записать голос. Все мои тексты были готовы, у нас скоро будет второй альбом.

* * *

На вокзале я встретился с моим и Марата близким другом Кириллом «Сжигателем трупов» Рябовым. Он собирался выпить несколько кружек и посадить меня на поезд. Билетов на этот раз не было, поэтому мы решили пить до ночи, а потом я собрался доехать на последнем поезде метро до станции «Московская» и идти на трассу, идти вдоль трассы, чтобы там ночью или на рассвете ловить попутку. Автостопом я никогда до этого не ездил, даже считал автостопщиков сумасшедшими грязнулями и сектантами, но мне не хотелось откладывать запись новых песен, и я решил преодолеть себя.

— Я никогда не писал стихов, но вот решил тебе посвятить! — сказал Сжигатель. В вонючей вокзальной забегаловке он прочитал мне сентиментальные стихи про то, что пиво, которое мы пьем, пахнет подмышкой, про то, что дружба делает тебя бессмертным, и про то, что он, Сжигатель, писатель не хуже Уэльбека.

«Сжигатель трупов» — таков был его псевдоним на «Прозе.ру». Он был из нас самым мощным писателем, очень глубоким и разным. Не так хорошо ему давались автобиографические истории от первого лица, как Марату или мне, они не были такими характерными и энергичными, но когда надо было сделать что-нибудь жанровое, вроде триллера, который вообще мало кто умеет делать хорошо, трагикомическое, абсурдное — тут ему не было равных. Он был мастером старой школы, мог сделать тексты о войне (будто сразу о всех войнах), словно сам ее пережил. Но лучше всего ему давались вещи в жанре «трэш». Он мог придумывать любую анекдотическую муть, но читалась она как нечто бессмертное. «Ты как Пелевин, только наоборот,— говорил я.— Когда читаю его лучшие книги, например, "Чапаев и Пустота", я вижу подделку, несмотря

на все ништяки и навороты, всегда лишь почти как в настоящей литературе, а у тебя вижу настоящее, несмотря на все признаки подделки».

Я читал прозу Сжигателя задолго до личного знакомства, это единственный автор, живший со мной в одно время, еще совсем молодой, с которым я мечтал подружиться, лишь взглянув на один его рассказ. И теперь я радовался, что могу проводить с ним время. Сжигатель был старше меня на два года, но тоже еще не имел ни одной опубликованной книги, даже журнальных публикаций у него почти не было, только какие-то местные альманахи.

Писал он с детства, спокойно делал свое дело, не пытаясь завоевать мир вокруг, но знал себе цену, понимал свой талант и умел с ним работать — в этом проявлялся его внутренний стержень. Сжигатель окончил только среднюю школу, сменил много работ в юности, от сотрудника ВОХРа до массажиста в борделе, а сейчас же уже пару лет работал сторожем в детском доме.

— Когда-нибудь я стану для тебя Джоном Мартином, — говорил я, захмелев. — Потому что ты лучший. Тебе нужен хороший издатель, и я освою это ремесло, может, в этом мое предназначение.

— Нет, это вы с Маратом мои любимые писатели, — отвечал Сжигатель. — Никто не умеет так описывать быт. А быт — материал, из которого сделана сама жизнь. Так что лучше пиши книги, а издатель найдется. Или не найдется, какая разница.

— Ты ведь даже родился с Кириллом Толмацким в один день! Два великих гения дала эта дата России! — и я начинал ржать, сбивая пафос беседы.

— Так, не трогай за больное, — сказал Сжигатель. — Я специально родился так, в этот день, чтобы замаскироваться. Выставил певца Дэцла пешкой. Работаю под прикрытием.

— Да вы, походу, близнецы — гениальный поэт и гениальный прозаик!

— Завязывай.

Мы чокнулись, выпили и взяли еще.

Я шел по трассе часа два и пытался заставить себя начать голосовать. Рука меня не слушалась, я не мог ее вскинуть. Каждый раз я говорил: нет, пройду еще полкилометра, найду удобное место и там вытяну руку. Но не мог. Непонятно, отчего меня так сковало. Робость от гордыни, говорил я себе. Считаешь себя принцессой, ждешь, пока мир сам протянет тебе руку. Шел, и ничего не происходило. Была хорошая теплая и светлая ночь. Наконец, рядом затормозила «Нива», человек оттуда спросил:

— Ты далеко собрался?

— В Москву.

Человек открыл дверь, и я сел.

— И давно так идешь?

— Да я что-то стеснялся руку поднять. Ждал, когда наступит утро... Неловко как-то в ночи голосовать.

Он подумал, посмотрел на дорогу.

— Мир не без добрых людей,— сказал человек. Он, видимо, ждал ответа. Я сказал:

— Золотые слова.

Два часа я ехал с ним, и он за это время рассказал всю свою жизнь, которая складывалась правильно, потому что этот человек старался поступать по совести. Потом ему нужно было сворачивать в одну из деревень, и я снова пошел вдоль дороги. Опять то же самое — не мог поднять руку. Уже было утро, но смелости это мне не придало. Я же плохо выгляжу, думал. После тяжелейшей трудовой недели, еще вечерняя пьянка и бессонная ночь. Наверняка я бледный и глаза бешеные. Начну голосовать и всех перепугаю. Так я себя накручивал.

Остановился хачик на «шестерке» и сказал:

— Братан, садись, подвезу.

С ним я проехал еще пару часов. Он сказал, что ему надоела музыка, которая у него есть, и спросил, есть ли у меня плеер.

— Если у тебя есть миниджек на миниджек,— ответил я.— Можно включить мое музло.

В этой «шестерке» была на удивление хорошая магнитола, и даже возможность подключить внешний источник звука. Скоро мы гнали под «Фугази» и «Гад из эн астронавт». Я приходил в себя.

— Нормальная музыка! — сказал хачик.

— Рад, что ты оценил.

Он высадил меня на заправке, я спросил, нужно ли наливнуть ему на бензин, но он отказался, поблагодарил меня за музыку и разговор и свернулся с трассы. Я зашел в кафе, съесть пирожок и выпить чай. За соседним столиком сидел парень на вид моего возраста или чуть старше. Из его телефонного разговора я понял, что он едет в Москву. Он отложил трубку и допивал кофе.

Все, давай, сказал я себе. Попроси его подвезти тебя, Женя. Ничего страшного в этом нет. Если у него есть причина отказать, он откажет, но скорее всего согласится. Я встал и сразу вспотел. Голова у меня кружилась. С детства испытываю эту проблему: тяжело даже в очереди место занять, тяжело спросить что-то в окончке «Справка».

— Простите. Я услышал, что вы едете в Москву. Можете меня подбросить?

Парень оглядел меня с ног до головы и сказал:

— Щас я сделаю звонок и скажу.

Он вышел из кафе, а я сел обратно. Прошло минут десять. Я доел и допил. Меня так расслабило после этого преодоления собственной робости, что я не думал ни о чем. Решил, что он уехал, а сам тупил, смотрел полусон. Но он

не забыл обо мне, нет. Парень заглянул обратно в кафе, нашел меня взглядом и свистнул:

— Ты где, салага?! Поехали.

Мы ехали в новеньком «Лексусе». Парень специально ехал в Петербург за ним, где купил новенький в какой-то особой американской сборке и теперь перегонял в Новокузнецк.

— Там живешь, что ли? — спросил я.

— Да, знаешь такой город?

— Я из Кемерова.

— Ничего себе! Зема.

Я зиганул и сказал:

— Кузбасс! Кузбасс! — хлопнул четыре раза и через паузу еще два.

Он сказал, что ему надо заехать в Тверь на несколько часов, но он забросит меня на вокзал, оттуда я быстро додеду на электричке до Москвы или, если захочу, на автобусе. А если вдруг возникнет желание сорваться домой, в родную Сибирь, через полстраны, то он может оставить свой номер и назавтра подобрать меня в Москве. Конечно, я испытал романтический трепет, но все-таки отказался. Работа, музыка, книга, Сигита, мир, который я выстраивал в Петербурге и на заливе, — все это не стоило бросать ради порыва прокатиться домой и свалиться папе на голову без денег и определенной цели.

— Нет, к сожалению, есть другие дела. Но спасибо за приглашение.

— Правильно. Скоро опять кризис накроет, работай пока работается.

Михаил Енотов сильно заболел. Я застал его лежащим под одеялом в полуబреду. Альбина, как могла, ухаживала за ним. Сам я тоже был обессилен и решил, что в понедельник пропущу работу, чтобы успеть записать голос.

Я созвонился с Женей и объяснил ему, что приеду во вторник. Сейчас, остаток воскресенья, я подумал просто выпить с Лемом и уже собирался пойти к нему, но Михаил Енотов сказал:

— Лучше позвои его сюда.

Альбина спросила, уверен ли он, что это правильно. Ему же нужен покой.

— Пусть лучше Женя прочитает мне «ночных грузчиков».

Пришел Лем, посмотрел на Михаила Енотова и сказал со знанием дела:

— Ему надо молока с маслом! Куриного бульона ему надо. Но он же теперь отказывается — веганом стал.

— Прауд ту би виган! — сказал Михаил Енотов из своего угла.

Приехала Сигита от мамы, и я устроил выставку достижений: начал зачитывать им тексты каждого нового трека под музыку, делая пометки «это мой куплет», «это куплет Михаила Енотова».

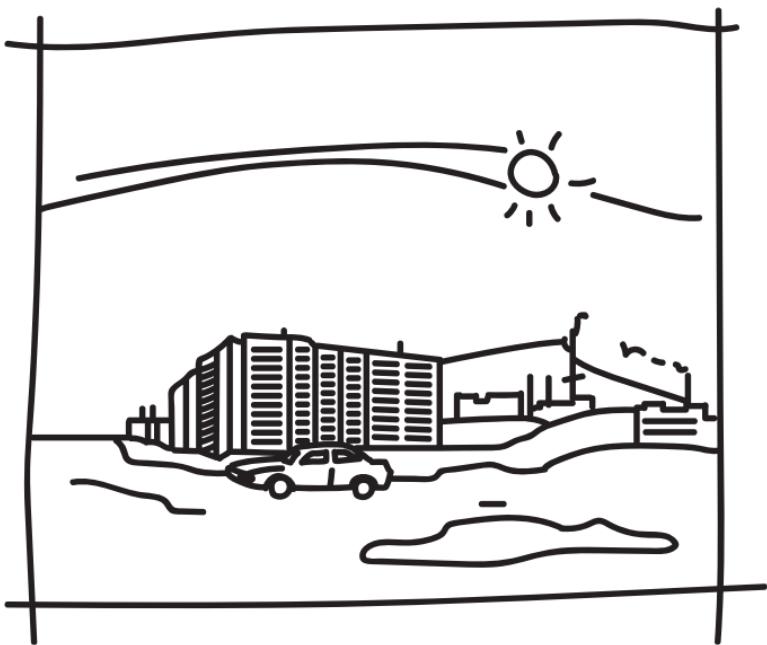
— Уже лучше,— сказал Лем.— Если на прошлом альбоме я думал, что где-то Стасик недотягивает до Жени, здесь же — оба молодцы, и где-то мне нравится больше один, а где-то другой.

— Великий будет альбом,— сказал Михаил Енотов.

Мы вышли покурить с Лемом.

— Вот Альбина расстраивается,— пожаловался Лем.— Она тут с ним бегает уже три дня, пытается заботиться о нем, чуть ли не горшок носит. А ты приехал, стихи прочитал, и у него сразу настроение поднялось, оклемался. Она ревнует.

Поздним вечером Михаилу Енотову стало хуже, температура еще подскочила, и ему вызвали скорую. Оказалось, что у него какая-то инфекция в горле, и надо было оперировать. Его увезли в инфекционную больницу, а у меня случилась самая дурная и глупая скора с Сигитой. Мы

уже оба были пьяные, хотя она почти не пила — наверное, мое опьянение передалось ей. Не знаю, как все началось. Наверное, я просто устал и начал капризничать, а ей не удалось сменить вектор. Я обвинял ее в том, что она больше не испытывает ко мне страсти, в том, что она ничего не хочет делать, чтобы быть со мной, в том, что она ни разу не приехала в Петербург, хотя собиралась. Ох, я даже мелочно вспомнил ей один сценарный этюд, который она у меня забрала — идею, которую она выдала в учебе за свою. Даже ведь не спросила разрешения! Понесла показать мой этюд в таком виде, недоработанный, недозревший показала учителям, тем самым загубив.

— Да я уверен, что как только появится мужик получше, мужик поудобнее, мужик, с которым тебе комфортнее, ты даже глазом не моргнешь, как изменишь мне! Вот и вся твоя любовь.

Она заплакала и убежала в комнату к Лему. Потом вернулась в еще большей истерике, потому что Лем с Альбиной сказали ей разбираться самой.

— Они там, видите ли, ужинают!

Она все грозилась уехать к маме, но не уезжала. Потом помню, как лежал с ножом возле входа в комнату — Сигита закрылась там и не пускала меня. Я грозился прирезать ее, а потом себя. Потом ей надоело там сидеть одной, она впустила меня, мы занялись любовью, и она уснула. Обнимая Сигиту, я подумал о том, как мне повезло. У меня есть любовь, есть книга, которую я скоро напишу, есть друзья, и завтра я буду записывать голос (на этот раз не на микрофон-палочку, а на нормальный микрофон у приятеля студента-звукорежиссера), и что, если прямо сейчас на землю упадет огромный метеорит, ничего страшного. Я счастлив, я готов к смерти, так я думал. Потом вспомнил и поправлялся: нет, я же все еще мясоед — значит, еще не готов.

* * *

На следующие выходные Сигита приехала в Петербург. Она заработала денег на диалогах к какому-то сериалу и вышла из дорогого и быстрого сидячего поезда в новой одежде. До последнего мне не верилось, что это случится, я думал, что она не приедет. Но это была она, с небольшой сумкой, немного припухшая от сна и растерянная от обилия незнакомых людей и предвкушения прогулки по малознакомому городу. Я поцеловал ее, потом немного отошел — разглядывал ее пестрые камуфляжные штаны с накладными карманами.

— Что? — спросила она.

— Странный выбор.— Я поправился.— То есть интересный выбор.

— Это же «Пинко»! Очень хорошие джинсы.

День мы провели, гуляя. Сначала Валера Айрапетян, у которого мы с Сигитой остановились на ночь, сводил нас в Эрмитаж и провел небольшую экскурсию. Его жена работала в туристической компании и, как я понял, ему иногда приходилось занимать приезжих. У Валеры ловко получалось, он мог где-то блеснуть знаниями, а там где их не хватало, грамотно уходил от темы, пускал пыль в глаза. Он был очень обаятельный и общительный. Мне тяжело было сконцентрироваться и что-то запомнить, я чесался и отвлекался, как гиперактивный ребенок.

— Что с тобой? Ты все время себя за член трогаешь,— сказал Валера.

— Да надел неудобные трусы.

— Он все время так делает,— сказала Сигита.— Да-да. Стоит ему попытаться на чем-то сосредоточиться, так он начинает чесаться и трогать себя за пах, как обезьяна.

— Не в этом дело! Просто у меня член большой. В смысле так он не очень большой, но когда вялый, такой же длинный.

— Конечно, кисонька,— сказала Сигита.— Слишком большой. И вялый, и невялый.

— Это называется член-хвастун,— сказал Валера.— Бывает хвастун, а бывает член-выскочка. Выскочка, наоборот, маленький, когда вялый, а встанет — и неожиданно здоровый.

Только это знание я и вынес из похода в Эрмитаж.

Валера поехал делать клиенту массаж, а мы встретились на Крестовском острове с Маратом и Сжигателем. Марат был нашим гидом, показал самые красивые места. У Сжигателя был фотоаппарат. Дошли до центра, там встретились с Костей. Сжигатель фотографировал нас в разных вариациях и снимал видосы, и Сигита заметила, что Костя всегда надувает губы, как фотомодель. Он пытался не надувать губы, но ничего не мог с собой поделать. Мы решили завершить вечер в одном бистро недалеко от Сенной площади.

Марат немного посмотрел, как мы пьем, а потом сказал, что пойдет к своей девушке, которая живет поблизости.

— Как это, девушка? — сказала Сигита.— Я думала, у него жена и дети.

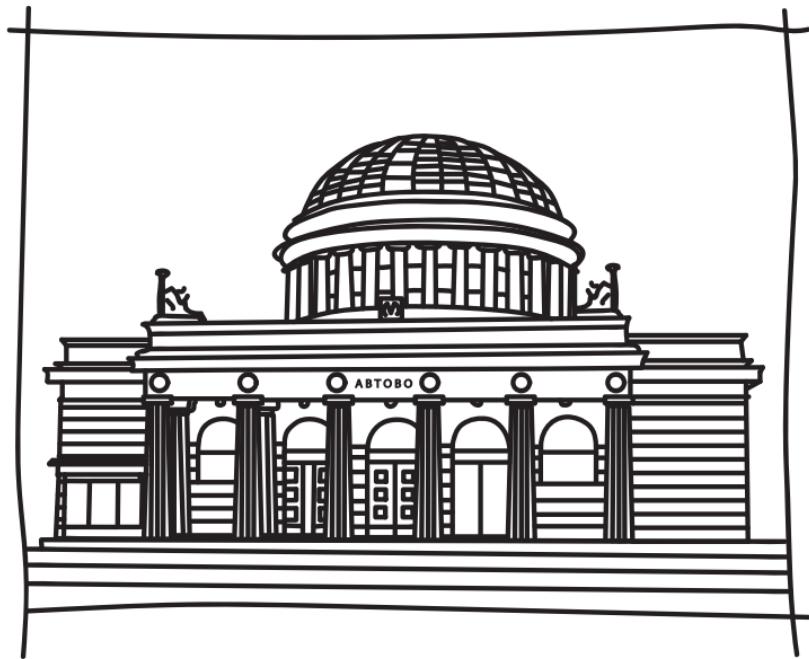
— У него есть жена и дети, и есть девушка. Они с женой друг о друге знают. Великий человек, удалось продавить,— сказал я.

— Тебе такое не удастся, каким бы великим ты ни был,— ответила она и погрозила мне кулаком.

— Ты не так поняла! Жена, она детей растит. А с девушкой можно книги обсудить, можно быть с ней соавтором. Можно использовать как редактора, а можно даже как литературного негра! Ну, и спать с обеими же лучше, чем с одной?

Сигита медленно-медленно, изображая гневное лицо, поднесла кулак к моей скуле.

— Вышибу жопу,— ответила она цитатой из одного моего сценария.

Дом, который мы строили, рос на глазах. Залили фундамент и начали ставить каркас. Стало гораздо интересней, каждый день скелет дома был все внушительнее. Роман тоже продвигался, я писал хоть и понемногу, но каждый вечер обязательно, не давал себе поблажек, как бы ни хотелось расслабиться, но и экономил силы, не перегорал. Я вспоминал правила письма, вычитанные еще в отрочестве у Хемингуэя: перечитывать весь текст или хотя бы то, что написал вчера, чтобы войти в ритм, всегда оставлять себе ниточку на завтра, не испытываться целиком. После того, как сценка или эпизод были дописаны, я делал скучный набросок того, что напишу завтра, брал пиво и садился смотреть кино с Женей.

Костя нашел квартиру в двадцати минутах езды на трамвае от метро Автово и пятнадцати минутах на троллейбусе от Проспекта ветеранов. Ему надоело ездить из Петергофа на работу. Учебу же он решил бросить. Он предложил мне снимать жилье вместе.

Квартира была убитой однушкой, но я согласился. Платить за нее надо было всего десять тысяч плюс коммуналка, выходило меньше шести косарей на брата. Мы договорились с Сигитой, что целый месяц меня не будет в Москве: сейчас мы хорошо поработаем, а после моего дня рождения я возьму два лишних выходных, и мы проведем с ней четыре дня в Петербурге. Потом будем думать, как ей переводиться на заочное и переезжать ко мне.

* * *

Мой хороший знакомый Илья Леутин (он же Лео), писатель и студент режиссерского факультета, предложил сняться у него в короткометражке. Он ставил этот фильм в Петербурге в соавторстве со своим одногруппником Ваней (его я почти не знал), тучным большим парнем, который в свои девятнадцать имел купленную родителями тачку и выглядел на тридцать. Самого Лео я ценил и думал, что из него выйдет хороший режиссер или писатель со временем. Он тоже родился в Кемерове, но там нам не случилось познакомиться — в тринадцать лет он переехал в город Волжский. В Волгограде поступил на философский факультет, потом учился в Литературном институте на заочке, потом поступил во ВГИК. Сначала он год проучился на сценарном, потом бросил его и поступил в мастерскую режиссера Сергея Соловьева, автора легендарной «Ассы» и других гораздо менее великих киноработ. С ними же, с Лео и Ваней, учился Дэц, который собирался снимать короткометражку по моему сценарию.

Правда, рассказы Лео были немного легковесны и носили названия типа «Последняя танга в Константинополе» и «Полпорции Пол Пота», но он обещал, что раскачается годам к сорока.

— Козероги вызревают долго,— говорил он.— Не торопи меня, и я удивлю тебя хорошей книгой.

Я был рад поработать с Лео, от его природной звериной красоты и легкого обаяния все были без ума, и я тоже. К тому же у нас уже была экспериментальная короткометражка «Перечитывая Жака Лакана», снятая два года назад. Хорошая была команда: Илья Авербах, Лео и я. Работа не сказать, что выдающаяся — я десять минут говорю о старом добром sunn-vunn, и все это разбавляется антисюжетными странностями: автокадром из холодильника, как Илья Авербах лезет туда за колой, или Лео,

читающим философию на фоне полотенца с рекламой пива «Балтика», или видом салюта с закадровым голосом «красное небо — кусок минета».

Лео умел играть на куче музыкальных инструментов, прочитал невероятное количество всего, вообще разносторонне развивался, никуда особо как будто не погружаясь и не торопясь. Насколько мне было известно, он еще и недавно расстался с девчонкой, с которой встречался несколько лет, и это тоже настраивало в его пользу.

— А кто оператор? — спросил я.

— Оператор опять наш любимый Авербах, — сказал Лео. Он, видимо, не знал, что Илья Авербах перестал со мной общаться, не объяснив причины. Ладно, я воспринял это как хороший повод, наконец, уже вывести его на чистую воду, докопаться до причин нашей разлуки и попробовать сойтись опять.

Возможно, все началось с того, что у него появилась девушка. Сначала Илья Авербах как-то несерьезно к ней относился, говорил, что хочет ее бросить, но не бросает, потому что боится, что она прирежет его или себя. Всем своим видом он показывал, что этот роман продлится недолго. Даже совал прочитать мне ее любовные смски, посмеиваясь. Девушка (она тоже училась во ВГИКе, на актерском) использовала для описания своих чувств слова «бабочки в моем животе», а мы считали такое верхом пошлости. Но она была заботлива, приносила нам «Липтон Айс Ти Зеленый», когда мы болели с похмелья, или еду, если сам Илья Авербах или я, который жил в его комнате, пока мне не дали свою, были голодны.

— Ты целеустремленная, — замечал я. — Решила взять Илюшу в оборот.

Ох, я! Насмехался над ней, подсирая Илье Авербаху, пожирая же пиццу или слойки, которые приносила нам его девушка! Вот и настигла расплата! Сейчас же я понимаю,

что она просто была нормальной. Но нормальность начинаяешь ценить в человеке только с годами. В юности это кажется преступлением.

Мне кажется, я как-то задел ее таким отношением, и она понемногу начала копать под меня. Когда Илья Авербах ей доверился, она подкрутила нужные настройки и сумела стереть меня из его жизни.

Иногда мне казалось, что у Ильи Авербаха были какие-то виды на меня как на близкого друга, которым нельзя делиться с другими. Я прикидывал, что, может быть, он просто заревновал меня к Михаилу Енотову. Дело не в бабе, а в нем. Еще, возможно, я как-то больно задел его, сам того не заметив. Я часто шутил по поводу его «высокого» происхождения или обеспеченности. Он мог случайно сломать ноутбук, разбить экран, резко закрывая его крышку, и родители ему покупали новый. А в те годы ноутбуки были далеко не у всех студентов. Или он захотел себе барабаны, как легкомысленное хобби, даже не для серьезной игры — и у него в комнате появились барабаны. Не говоря уже о том, что первые два года он платил за учебу, а на операторском это была очень серьезная по моим меркам сумма. Все это я высмеивал, но не понимал, что с великой властью приходит великая ответственность. Когда вся твоя семья — выдающиеся киношники, ты должен работать до кровавых мозолей, чтобы оправдать возложенные на тебя надежды.

Последние несколько месяцев Илья Авербах жил с девушкой на съемной квартире в Москве, и с тех пор мы совсем не общались. Один раз я расстроился и даже удалил его из друзей «вконтакте». Потом опять добавился, и тогда он сказал, что надо бы встретиться, но в итоге, конечно, сам и слился.

Лео прислал мне сценарий в субботу, а в воскресенье была смена. Роль совсем небольшая — три коротких сценки. Мой персонаж был гопником, который

должен был зарядить в морду главному герою. Я приехал на Ленфильм, где меня одели в дурацкие штанишки, фуражку и футболку с надписью «Красава». У фильма был хороший бюджет, снимали на пленку, в первой сцене я ехал с другими актерами в машине, использовали передвижную площадку. Илья Авербах снимал нас через лобовое стекло. Мы уже обменялись короткими приветствиями, и я готовился в перерыве прижать его к стенке и поговорить.

Когда представился момент, я спросил:

— Ты почему меня избегаешь, Илюша?

Он даже бровью не повел:

— Почему избегаю? Все нормально.

— Я тебя чем-то обидел? Почему мы больше не дружим?

Илья Авербах пожал плечами. Я подумал, что надо сделать так: сказать ему, что я не пойду в кадр, пока он не выложит все свои карты и не скажет, в чем дело. Но вместо этого я продолжил толочь воду в ступе:

— Ну, мы с Михаилом Енотовым собирались к тебе в гости. Ты сам позвал, а потом не брал трубку. Не помнишь?

— Не помню. Может быть, занят был, съемки.

Я уставился ему в глаза и спросил:

— Сегодня ты готов после смены выпить пива и погулять?

— Давай, — ответил он. — Почему нет.

Настал мой бенефис. Я догонял главного героя на улице в парке, хватал его за плечо, он поворачивался, и начинался диалог.

— Что у тебя за терки с его сестрой? — спрашивал я.

— Что? — уточнял главный герой.

— Ты суп любишь? — спрашивал я.

— Да, — в недоумении отвечал главный герой.

— На тебе в борщ! — говорил я и замахивался в камеру.

Удар летел в Илью Авербаха, который снимал этот кадр.

Лео и Ваня долго были недовольны мной. А я переживал, предвижая равнодушие в Илье Авербахе, предвижая, что он опять сольется. Так и оказалось. Приехал кинокран, они снимали видение главного героя, когда он потерял сознание после удара, и душа его как бы пролетала над парком и смотрела с высокого ракурса, как дамы с колясками начинают плясать балет. Я попивал пиво и ждал. Снимали еще какие-то кадры, проезды. Со мной выпил кто-то из актеров. Смена подходила к концу, я сказал Илье Авербаху — я жду тебя там. Он кивнул, сказал, что скоро будет, и исчез. Уехал домой на такси.

Бывает и такое, не получилось. Я заработал символические деньги за роль — тысячу рублей. Вечером и ночью мы гуляли с режиссером Ваней, Лео куда-то тоже пропал. Ваня говорил, что читал мои рассказы и сценарии Сигиты, и что, по его мнению, мы чуть ли не самые талантливые студенты нашей шараги и вообще отличная пара.

— Не понимаю, что ты делаешь здесь, — заметил он.

— Работаю, — сказал я. — Скоро и Сигита должна ко мне переехать. Надеюсь, что не найдет для себя отговорки.

— Не потеряй свою девушку, — сказал этот добродушный толстяк.

Где-то я уже это слышал, и почему-то меня насторожило, что он так сказал.

— Подлизываешься, что ли? Или хочешь увести мою бабу?

Он развел руками, показывая, что его слова искренние, чистые и не имеют подтекста.

* * *

Мне пришло волнительное письмо. Некто Михаил Йоссель, писатель, сообщал, что меня хотят включить в антологию современных русских авторов, которая выйдет в США на английском в следующем году. Предлагалось самому выбрать рассказ или предоставить два-три на выбор для перевода. Еще мне прислали анкету-заявку на участие в международном писательском семинаре. Якобы мои шансы на участие были велики. Чтобы лучше заполнить эту анкету, я позвонил Зоберну для консультации.

— Слушай сюда, — сказал Зоберн. — Этот Йоссель большая шишка, тебе повезло. Заполнять анкету так. Во-первых, вспоминай все свои публикации или выдумывай. Чем их больше, тем лучше. Во-вторых, пиши, что совершенно свободно владеешь английским.

— Но это не так.

— Никого не волнует. Тебе главное пролезть туда. На месте разберешься. Еще обязательно напиши, что ты пишешь критику или детскую литературу. И не забудь указать свою драгоценную «Металлплощадку» в качестве местожительства. Они такое любят, само название может произвести хорошее впечатление. Типа талант, который достали из жопы, отмыли и везут в Штаты.

Был вечер, я гулял по участку.

— Как дела вообще? — вдруг нежно спросил Зоберн. Видимо, я застал его в лирическом, мягким настроении. Так-то он всегда разговаривал со мной несколько свысока, но я его прощал, связывая это с его большим самолюбием. Всегда я думал, что живется ему тяжело, ведь он себя со всеми сравнивал, где искола способ стать первым.

— Ничего, работаю. Поднимаем стены пристройки, скоро будем красить, потом крыть крышу. Потом утеплять изнутри. И в конце уже внутренняя отделка. Думаю, что

пробуду на этом объекте до зимы. Сейчас пойду с прорабом пиво пить.

— Звучит волшебно,— мечтательно протянул Зоберн.— Правильно, мужчина должен работать.

— У тебя как?

— Отлично. Продал в Голландию Дмитрия Данилова и Анатолия Гаврилова. Скоро выйдут их книги.

— Типа ты литературным агентом заделался?

— Скорее, я по-дружески.

— И ничего с этого не получаешь?

Тут он неопределенно хмыкнул. Может, хотел, чтобы я решил: получает. А может, наоборот. Этот мудила сам себя когда-нибудь перехитрит.

— Рассказ мой отнес в «Эсквайр»?

Он засмеялся и сказал, что сделал лучше. Вместо моего рассказа, который там в жопу никому не уперся, он сходил на кафедру прозы в Литературном институте и упросил показать ему вступительное сочинение Виктора Пелевина, написанное в восьмидесятых. Отсканировал его и продал в «Эсквайр» за триста долларов. Позже мне попадется этот номер в руки. Всего одна фотография этого сочинения, на самой последней странице в разделе «документ», принесла Зоберну такой барыш.

— Как же ты додумался? Ты делаешь деньги из воздуха.

— Точно! — радостно подтвердил Зоберн.— Ладно. Я покажу твои рассказы переводчице, если ты напишешь еще несколько штук на уровне моего любимого «Боя с саблей». Один хороший рассказ должен быть в начале, один в конце и хотя бы один в середине. Тогда, считай, книга готова.

— Точно покажешь? Опять, наверное, врешь.

Зоберн рассмеялся:

— Конечно, вру. Пиши пока свои истории про святых русских гопников. Когда у тебя накопится несколько книг про них, думаю, году в двадцатом, мы встретимся, и можно

будет сделать выжимку на один красивый томик. Развитие у тебя заторможенное, что поделать.

— Плохой ты. Злой. Завидуешь моему гению.

— Ты спасибо мне скажешь, Алексин,— сказал Зоберн.— И я тебя очень прошу. Не умри до две тысячи двадцатого года от пьянства и венерических болезней. Иначе нам твою книгу не продать и не перевести.

Ближайший год я не буду общаться с Зоберном, так он меня обидел. Но он был прав. Я ему скажу свое «спасибо».

Благодаря Марату и Сжигателю Зоберн и его проекты понемногу утрачивали для меня авторитет, уходили из моего поля зрения. Я видел, что хороший писатель может почти не публиковаться, не получать литературных премий, не стремиться к широкому признанию, не разбираться в литературном процессе и даже презирать его. Даже рассказ Зоберна «Плавский чай», который я всем показывал и считал вышкой, особо не произвел на них впечатления. Он пускает пыль в глаза, осваивает приемы, пишет для критиков, говорили Марат и Сжигатель про его творчество. Если копнуть, там ничего нет.

В общем, я заполнил анкету, воспользовавшись советами Зоберна, выбрал для перевода рассказ «Ядерная весна» (хотя Сигита настаивала на другом тексте, свежайшем «Добровольцев нет») и продолжал работать, писать книги. Выходные проводил с Валерой, Сжигателем или Костей. Мы немного убрали квартиру, поделили комнату на две части, отмыли кухню. Было нормально. Созванивались с Сигитой, она в основном тусила в общаге. Я переживал и ревновал. Как я уехал, все время там отмечали какие-то праздники. Шел чемпионат мира по футболу, и они раз в несколько дней отмечали победы России или пили, когда смотрели матчи других стран. Недавно все были

равнодушны к футболу, сейчас же их охватила страсть истинных болельщиков. Один раз я позвонил, и Сигита, пьяная, начала мне лепетать про победу Димы Билана на Евровидении.

— Чего?! Ты совсем разум потеряла?! — взмолился я.— Я хотел твой приезд обсудить, узнать, купила ли ты билеты. А ты набухалась от счастья, потому что какой-то заднеприводный прыгунок опозорил страну на ссаном клоунском мероприятии?

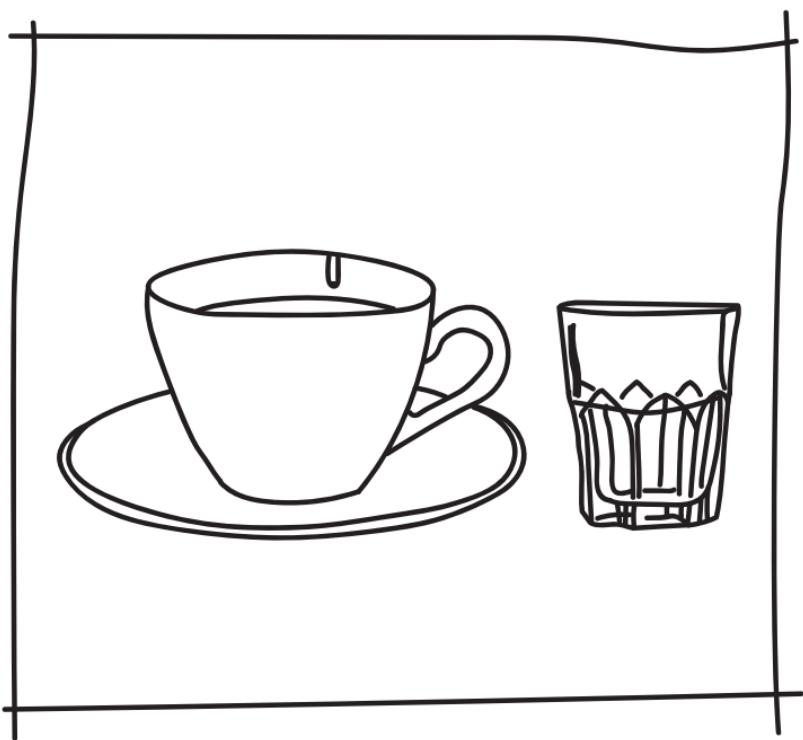
Сигита, видимо, не зная, как оправдаться, передала трубку Лему. Пьяный Лем орал:

— Женя! Ура, мы взяли Евровидение!

— Лем, ты же белорус! Кто — «мы»?! Зайдите на ласт фм, посмотрите, какие теги прописаны под его именем. Потом испытывайте патриотическое чувство победы!

Альбом «ночных грузчиков» был готов, потом я дописал роман. Успел все доделать за несколько дней до двадцати трехлетия, как и планировал. Я рассчитывал на огромный кайф, но чувство не сильно отличалось от того, что испытывал, дописав любой рассказ. Это был четверг, поздний вечер, я вышел на крыльцо и позвонил Марату, затем Сжигателю, потом Валере. Все они меня поздравили. В субботу я пригласил их в гости на двойной день рождения: меня и романа. Костя, к сожалению, уже уехал в Кемерово. Я стоял рядом с недостроенным домом и пытался испытать нечто большее, бесконечное, что-то вне рутины этой жизни, вечное, ведь мечта была частью воплощена. Все же чего-то не хватало. Кайф был близко, но доступен не полностью.

Я подарил себе принтер. Это было очень приятно, у меня есть роман, выпивка, и я жду гостей. Хотя чувствовалось, что время собирается ускориться. Прошедший год жизни от «двадцать два» до «двадцать три» казался

самым длинным и насыщенным событиями, теперь все пойдет быстрее. Сделал несколько распечаток, чтобы друзья прочитали и оставили пометки. В течение пары недель собирался отредактировать и начинать рассылать по издательствам.

* * *

После того как Сигита не приехала в Петербург, я написал целый рассказ, он называется «Естествоиспытатель». Если кратко: она затусила в общаге и не села на поезд. Я решил закончить эти отношения. Вернее, я сказал ей, смухлевав, что между нами все кончено, но сам ждал, что она приедет и надеялся, что все наладится. Она постоянно мне писала, как скучает, я отвечал резко, «Я тебе не верю, я не хочу читать или выслушивать эту чушь». Подсказывать ей: купи билет, сядь на поезд, приезжай и докажи, что любишь меня,— не собирался.

Начались мрачные дни и недели. Если выходные совпадали с выходными Сжигателя, мы напивались вместе, употребляя в основном водку, если не совпадали, я пил один. Начинал в пятницу вечером, ходил по дешевым барам на районе и заканчивал ранним утром понедельника. Там была маленькая река, которую мы со Сжигателем назвали ГовноПлюйкой, в ней плавали бутылки, отходы, дермо, разноцветные жидкости, окурки, стеклянные и пластиковые бутылки. Часто я выходил из дома и садился на бетонный бордюр, припивал, глядя на эту речушку. Обычно в конце этих мини-запоев у меня было несколько бутылок дешевого вина, и я валялся на полу, не в состоянии уже ни опьянеть, ни прозреть, ни уснуть перед работой. Похмельный мозг бредил тысячами идей, я начинал писать какие-то рассказы и бросал их. Строки бессвязных стихов тоже не приводили к целому. Закольцованные фрагменты чужой музыки вызывали сумбурные картинки, вспыхивающие и таявшие в этой пятиэтажке из гнилого конструктора. Я переписывался с кучей разных баб, «вконтакте» и через мэйл агент, но вырубить секс не удавалось. Не то чтобы мне сильно хотелось: я чувствовал, что отходняк после расставания с Сигитой от этого не только не ослабнет, но только усилится.

Перечитывал рассказы друзей, чтобы успокоиться, курил сигареты в комнате, ссал в раковину, стоя на ветхом кухонном столе, дрошил во всех углах, от трех до семи раз за ночь, пытаясь отделиться от ломки. Так приходило утро. Садился в долгую маршрутку от дома до Сенной площади, там включал наши с Михаилом Енотовым песни, и удавалось немного вздремнуть под них. Свой голос усыплял, а голос друга убаюкивал, как будто он сейчас со мной переживал расставание с девчонкой. Если удавалось поспать хотя бы полчаса, уже можно было считать тело готовым к работе. От Сенной доезжал на метро до Старой деревни, потом в маршрутке (там еще немного спал) до Зеленогорска, и затем меня подбирал Женя.

Я открывал окно тачки, чтобы не дышать на него перегаром.

В таком состоянии я рассыпал распечатки романа в журналы и издательства. Мне лень было даже написать аннотацию, краткую биографию, список публикаций — хоть две строки о себе. Вера моя как будто иссякла. Если бы не Валера Айрапетян, я, наверное, плонул бы на эту книгу. Валера настолько верил в меня, что говорил своей семье, писателям, художникам, случайным знакомым и даже просто клиентам, которым делал массаж, что я — лучший писатель современности. Один раз Валера заставил меня распечатать роман, и мы пошли отдать его редактору издательства «Лимбус-пресс» Вадиму Левенталью, который был также правой рукой великого переводчика и поэта Виктора Топорова.

— Не волнуйся, сынок,— Валера перенял у Марата манеру так называть меня.— Я уже так долго тебе насасываю и называю тебя великим, что это стало правдой. Я врач, я умею убеждать — и других, и себя.

Левенталь ждал нас в кафе «Шоколадница» в районе Петроградки. День был пасмурный, я прятал распечатку

под курткой, чтобы она не намокла под мелким дождем. Мы дошли до входа в кафе.

— Стой здесь. Я заговорю ему зубы.

Валера взял мой шедевр и зашел внутрь.

Я наблюдал через витрину, как Валера подошел к очкарику, сидящему за ноутбуком. Он был как будто одновременно рыхлый и тощий, похожий на гимназиста-преростка, который всегда прогуливал физкультуру. Решалась судьба моей первой книги, и я должен был поверить в себя, произнести в уме молитву. Но мне было противно. Эта скользкая улица, кафе, этот человек, редактор за ноутбуком и с чашкой кофе, дымящейся в пепельнице сигаретой. Какого-нибудь шарфа еще не хватало. Левенталь выглядел через стекло как сраный лорд, а крепыш Валера в своих вельветовых брюках — как шофер, который передает пакет документов. Для этого я писал книгу своей кровью? Я мысленно попросил у своего любимого друга Валеры прощения и в тот самый момент, когда он, обменявшиесь рядом реплик, протянул Левенталю мою рукопись, вслух сказал:

— Пошел ты на хуй, Левенталь!

Левенталь повертел мое послание в руках и положил рядом с собой. Он очень чинно пожал Валере руку и слегка наклонил подборок. У меня поднялось настроение. Валера чуть поклонился и сделал шаг назад. Я стоял и смеялся, уверенный что только что отсрочил выход своего романа на несколько лет.

* * *

Один раз у меня все же состоялось свидание. Девушка под тридцать, случайная собеседница из мэйл агента, позвала сходить с ней на концерт. Я выпил пару пива, но этого было недостаточно, я слишком нервничал среди людей. Играли какой-то российский малоизвестный панк. Это, наверное, был первый мой концерт, не считая концерта группы «Кармен», на который я ходил с мамой, будучи семилетним малышом, и единственного концерта «ночных грузчиков». Сейчас в тесном клубе пришлось отстоять сорок минут ожидания и полтора часа самого мероприятия с худощавой высокой Татьяной: вообще не понятно, что она тут забыла в свою бешеную тридцать? Не испытывая никакого интереса, просто закрываясь от прыгающих по танцполу людей, я ждал, к чему приведет этот вечер.

Татьяна сказала, что совсем не пила уже несколько лет. Она приветствовала каких-то знакомых малолеток в клубе, но, к счастью, меня никому не представляла.

Мы вышли на улицу и зашли в бар, где я выпил водки, а она чашку кофе.

— Это ничего, что я пью?

— Да пей, пожалуйста. Люди же пьют, и ты пьешь.

Я думал, мы на этом разойдемся, но на всякий случай предложил:

— Поехали ко мне?

— Да, я так и думала, — спокойно ответила Татьяна.

Когда мы поднимались на эскалаторе, я спросил:

— Могу я тебя поцеловать?

— Я уже решила, что ты не предложишь. Собиралась транспарант повесить.

— Просто от меня пахнет водкой.

— Я нормально отношусь к запаху алкоголя. Но мне самой нельзя.

Мы сосались в трамвае, и у меня встал. Значит, все получится, подумал я. Тело знает дело.

В аптеке у дома я купил большую пачку «Контекс». Беспорядок в квартире ее не смутил. Мы легли на пол, и она ртом надела гондон, что меня приятно удивило — так мне еще не делали.

Вагина у нее была большая, и кости были широкие, и ноги сорокового размера, стремные татуировки на спине (какие-то биомеханические ангелы), и носила она кеды «Конверс», что Костя считал преступлением против стиля. И не нравилась мне внешне, но я барахтался, злой на себя и на гондон, к которым не привык, — оттого, что не могу разрешиться. Когда я устал качаться сверху, она долго и глубоко сосала, и я, наконец, спустил ей на маленькую грудь. Я догонялся вином. Ладно, сказала Татьяна, я немного позволю себе выпить.

Мы пошли в магазин. Она взяла меня под руку по дороге, это было как-то не очень. Мы шли под облезлыми пятиэтажкамиочной улицы Добровольцев. В круглосуточном купила себе (не дала мне заплатить) две банки алкогольного пива и три банки безалкогольного. Она смешивала пропорции в пользу безалкогольного и пила такой коктейль — позже я назову этот коктейль «Поддавки» и буду лечить им похмелье.

Я думал о Сигите, хотелось называть Татьяну ее именем, и, чтобы заглушить эти порывы, я начал вытворять какие-то странности, легкие извращения. Татьяна не была против, она как-то легко относилась к своему телу, доверяла его мне, будто мы были давно знакомы. Я набрал в гондон теплой воды, засунул его в нее и трахал поверх, уже наживую, то есть голым членом. Татьяна, жилистая и гибкая, облокотилась на подоконник, и ее покрытое потом тело блестело в лунном свете. От стен пахло нищетой, от ковра — пролитым бухлом и куревом. Мне хотелось,

чтобы гондон разорвался в ней, и нас бы обдало этой теплой водой. Он не рвался. Я достал его, развязал и вылил воду на нее. Я взял новый гондон, засунул в него свой телефон, завязал узлом и поместил Татьяне во влагалище. Сам я тыкался ей в задний проход, но не сразу удалось проникнуть. Пришлось взять украденное Костей в «Пятерочке» оливковое масло. Татьяна стояла раком посреди комнаты, я налил себе масло на руку, помазал ее тухлую дырочку и втолкнул туда свой гриб. Татьяна очень сладко застонала, проникновенно, из самого нутра, вырвалось грудное «да-а», и тут я впервые испытал сильное возбуждение, даже, кажется, забыв о своих страданиях. Я взял ее телефон и набрал свой номер. Мой мобильник вибрировал у нее в глубине вагины, я чувствовал это через стенку, и понемногу я шевелился в ней сам. Хватило пары минут, со стоном я кончил ей в кишку, и какое-то время мы лежали на ковре. Физически было так хорошо, что я боялся пошевелиться. Я замер и вслушивался в ее тело, которое сокращается. Мне было приятно думать, что у нее случился множественный оргазм благодаря моим стараниям.

Татьяна сходила в душ, оделась, привела себя в порядок, вызвала такси, а я так и остался голый в пустой квартире. У меня скоро опять встал, и тогда я стоял один в центре комнаты и тыкался членом в гондон, наполненный теплой водой. Такой симулятор я изобрел в отрочестве, когда отчаянно пытался найти что-то близкое мягким тканям вагины, какой она мне представлялась, и вот, спустя десять лет, повторял процедуру. Глупенький мальчик с писькой. Совсем еще малыш.

Рассвело, а я сидел на кухне, пил вино и смотрел в стену. Вот и начало свободы, вот ты и остался один спустя почти три года отношений.

Иногда мы переписывались с Татьяной после, но больше не виделись. Я решил, что этого случая достаточно,

и надо немного отойти, ни с кем не спать. Слишком массивные впечатления.

Сигита в общаге переселилась рядом с моей комнатой, прямо в нашем блоке, вместо Доктора Актера. Я говорил ей, что это глупо, потому что сам я не собирался туда возвращаться. Почему она просто не приезжает и не завоевывает меня обратно, я не понимал, психовал.

Один раз она прислала мне какую-то глупую нежную смску, как будто у нас все нормально, а я вместо того, чтобы ответить, положил свой телефон на пень и долго бил молотком по нему.

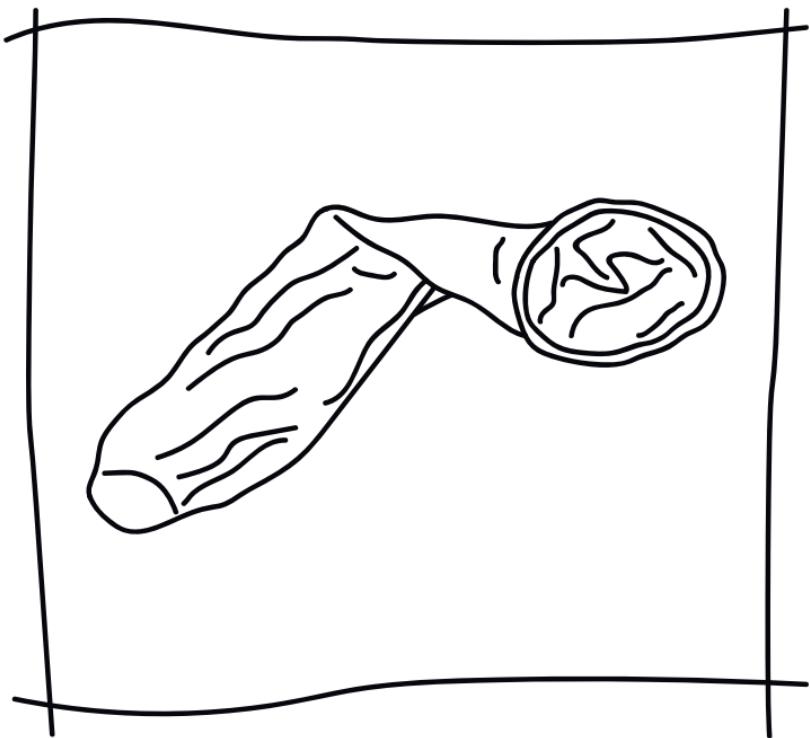
Женя вообще ничего не понял, он молча наблюдал эту картину, потом, когда я ему разъяснил, что случилось, отдал мне свой старый телефон, который валялся у него в бардачке машины. Я случайно прочитал всю его переписку с женой за несколько месяцев, хотя никогда чужих писем не читаю. Но что-то заставляло меня читать, пока я ехал долгой дорогой с пересадками с залива до Автово. Жена его показалась мне настоящей сатаной. Все отношения — это какой-то лютый ужас, думал я, чуть не рыдая над его браком. Лучше быть одному.

До меня доходили слухи, что режиссер Ваня чуть ли не каждый вечер приезжает в общагу и проводит время с Сигитой и Пьяницей. Они вместе куда-то катаются, пьют чай, невинно проводят время.

— Вот у тебя и парень вырисовывается, — написал я как-то Сигите по этому поводу.

— Это абсолютно не то, о чем ты думаешь, — ответила она.

У меня все сошлося. Я вспомнил, как Ваня советовал мне не потерять свою девушку, и я решил, что он влюблен в Сигиту. Вспомнил, как Илья Авербах говорил мне: «Ты теряешь свою девушку». Как-то раз я скакал по стене постройки с шуруповертом, привинчивая стропила, и ясно

представил: они ведь трахнулись в те поры. Я чуть не свалился между неотесанных досок, вниз на эти кучи инструмента и стройматериала. Неужели все так просто? Пока я придумывал свою короткометражку, у меня под носом друг заправил моей девчонке. Не Вова был первый. Неужели из-за нее отвалились два моих друга? Теперь все сходилось. Вот в чем его секрет. Вот почему Илья Авербах сливаются. Не потому, что я что-то не так сделал, не потому, что я нахамил его девушке, а потому, что он присунул моей девчонке и ему неудобно находиться рядом со мной, неудобно чувствовать себя предателем.

Это слишком сильно походило на паранойю, и чтобы не начать обвинять Сигиту в том, что, может, было плодом моего воспаленного мозга, я написал в одну бессонную ночь сообщение Вове: «Ya vspominayu o tebe kazhdyy den'. K tebe vse vernetsya».

Насколько мне известно, все вернулось к нему в полной мере, а мне остается только сожалеть, что я этого желал.

* * *

Уже 22 декабря. Прошло больше месяца с прошлой ре- призы, и я очень ждал этого момента, казалось, что утону в воспоминаниях, не доберусь до островка. Но — ура! — я опять на берегу.

Когда надо было начинать писать о Марате, у меня слу- чился ступор. С Вовой получилось как-то само собой: он начал сниться мне за несколько дней до того, как я напечатал его имя. Выглядел во сне он таким же, каким я его запомнил, только энергия стала тяжелее. Жена, дети, раз- вод, работа, смерть отца, измены, алкоголь, драки — хоть и очень малое доходит до меня, все же его образ стано- вится более громоздким. Мы во снах проводили время вместе, решали какие-то подростковые дела, и действие происходило в начале нулевых, но мы как будто понима- ли, что многое пережили с тех пор. Я даже позволил себе во сне назвать его «мусором» между делом. То есть вро- де бы нам было по восемнадцать лет, но я намекаю, что это только сон, и проснемся мы другими: Вова будет ментом, а я — писателем и репером, который про этого мента напишет. Вова не был ни обижен, ни удивлен. Да, я мусор, говорил его взгляд, и еще я трахал твою девчонку, и тебе надо это либо принять, либо нет. Думаю, что если смерть с кем-то из нас случится раньше, чем мы пообщаемся на- яву, это уже не так страшно, потому что я чувствую воз- можность примирения. Возможность этого и есть прими- рение, как по мне.

С Маратом было тяжелее. На несколько дней я остано- вился. Вроде бы все понятно, я просто рассказываю, как сблизился с человеком, как он стал мне другом, как мы вместе работали, где-то между строк — моя преданность, любовь и слезы после его смерти. Он был для меня кем- то вроде гуру, или, как сказал верстальщик и оформитель

моих книг Вова Седых, «метафизическим отцом». Я думал, что о нем можно рассказывать только особенными, волшебными словами. Нужно было почувствовать его одобрение на использование хотя бы обычных слов, почувствовать, как он меня направляет, его присутствие. Нужно было посетить мир мертвых.

В России любой запой или даже стресс открывают ворота в мир мертвых. Мертвые не отдыхают, они все время с тобой: ходят на работу, ездят в метро, придерживают шариковую ручку и долбят по клавишам, когда долбишь по клавишам ты. Они не знают отдыха. В России есть две полупрозрачные реальности, наложенные друг на друга. Но в Индии не так. Я не разобralся, почему, но здесь я все иначе чувствую. Тут мой запрос был обработан по-другому, и я погрузился полностью.

Я решил напиться дерымовым ромом, чтобы потом уйти в завязку. Никогда я не могу завязать без того, чтоб оттолкнуться от дна. Зачем я это делаю со своим телом, не понимал, действовал по наитию. Но это помогло. Мы смотрели с Дашей «Дикие сердцем», я побухивал, пока не отключился, и, проснувшись, понял, что отравился очень сильно. «Олд монк» действует безотказно: я блевал, потел, галлюцинировал и не верил, что выживу. Как будто вынырнул посреди моря, лег на волнах, и прокрутил несколько раз все то, о чем пытался рассказать — медленно разглядел свое прошлое, пока смерть разглядывала меня, как клопа на ладошке. Когда я пошел на поправку, то уже больше не переживал за эту книгу. Знал, что она есть, и знал, что теперь я долго буду без алкоголя, может быть, дольше всего в жизни, и что смогу много работать, смогу закончить книгу.

Хорошо напишу или плохо, я буду редактировать эту книгу, сколько надо, или брошу редактировать и издаю небрежно, или никак не издаю. Приносят книги деньги или

отнимают — спорный вопрос. Думаю, что издание книги и конвертация затраченного времени в прибыль дает процентов десять кайфа, остальные девяносто — само (мучительное) сожительство с ней.

Но главное, что она есть там, как есть дно, сколько бы метров нас друг от друга не отделяли. Я видел эту книгу и теперь мог отвлечься от нее, чтобы заняться бытом.

Мы с Дашей решили, что нам не очень нравится в Сиолиме. Я так за него сразу схватился, потому что слишком спешил. Я покатал ее по разным деревням и пляжам, мы приценились и переехали жить в другое место — Керим. Сняли жилье ближе к морю, чтобы Даша могла свободно ходить загорать или купаться, оставляя меня одного. Еще один плюс — не было интернета. Когда пишешь онлайн, это всегда помогает тексту. Но я не спешил его писать и теперь. Сначала прочитал несколько толстых книг: «Воскресенье» Толстого и два тома Борхеса (меня даже не удивило, что я бездумно вписал цитату из него в главе про якута, я ее вспомнил и вставил уже после олд-монк-трипа, а на следующий день увидел собрание сочинений Борхеса у Игоря с Машей на полке — такие совпадения всегда случаются после путешествий в себя), Марселя Пруста и Дашины книги о буддизме и йоге. Перезагрузился. Потом я решил снять ограничения, не ставить себе задач писать по тысяче или больше слов в день, откинуть всю эту стивенкинговскую подзалупную муть: нацеленность на продуктивность и злосчастный прогресс. Вместо этого я поставил себе задачу проплывать хотя бы километр в день и вообще перестать переживать и нервничать.

Пляж Керим тем и удобен, что можно долго плыть вдоль берега. Если хотите мое мнение, то это лучший пляж из тех, что зимой может позволить себе небогатый русский человек. Каждое утро я отхожу на левый край пляжа и плыву к правому, но сначала не целый путь. Утром

я ограничиваюсь двумя третями, что составляет метров, наверное, восемьсот. Если прилив, то это особое удовольствие: ты плывешь, возвышаясь над уровнем берега, поскольку вода в это время наслаживается, прибывая. Ты находишься в высшей точке, берег под тобой. Это волнительно и странно. Воздух еще прохладный, отчего море кажется теплым, почти никого нет, только первые работники открывают кафе и приводят в порядок шезлонги. Потом территория кафе заканчивается, и вот он, песчаный пляж под соснами, первая линия — это хвойные деревья, из-за которых выглядывают пальмы. И тогда книга выплывает, я плыву с ней и в ней, и она со мной, поднимается к поверхности, и я могу обсудить ее с воображаемыми Маратом и Ильей Авербахом (каждый раз подбирайся к нему, чувствуя себя вором, пытающимся обмануть систему сигнализации, но это единственный способ пожать руку этому товарищу, пролезть к нему в постель или уборную и застать врасплох, и тогда, откинув все «но», можно поговорить в воображении с ним о тексте, о коварстве литературы, о книге, которая проделает брешь в его броне, вернет его мне или отлетит от кольчуги, рассыпаясь на безобидные буквы), и Вовой, и Сигитой, и Лемом. Не говоря уже обо всех тех, с которыми у нас наложен контакт и до сих пор продолжается хасол — Михаил Енотов, Сжигатель, Костя, Валера, Игорь, Лео, им можно будет просто скинуть текст, и в этом есть радость, писать для них.

Чтобы помахать вам рукой, дорогие ебаные друзья, передать привет из зыбкого прошлого и мирного настоящего. Составить перечень ошибок юности и напомнить о своей дружеской любви.

У меня была проблема, связанная с аранжировкой этих этюдов и маленьких историй: оставить ли звездочки или добавить номера главам, нужен ли какой-то путеводитель, содержание, боязнь неправильно вывести персонажей,

озабоченность недостоверностью диалогов — из-за всего я паниковал. Но больше это не важно, раз мы добрались досюда. На две книги или на три придется разбить этот роман, или вообще закончить на первой части. По какому принципу: по работам или по отношениям с женщинами его делить на книги. Все эти вопросы теперь будут решаться сами собой. Мне остается просто записывать, давая ей расти самостоятельно, писать, пока есть удовольствие, затем закрывать ноутбук и после обеда в одних плавках и босиком идти к пляжу по горячему асфальту, чтобы проплыть где-то километр с лишним от начала территории кафе до места, где пляж заканчивается рекой Терикол, отделяющей штат Гоа от Махараштры.

— 3 —

В конце августа Костя вернулся из Кемерова, но не один, а с каким-то странным приятелем, похожим на персонажа мультфильма, по имени Вовик Негр-Негр. Он все время шутил, по временам не очень смешно, был покрыт татуировками, голос имел скрипучий. Мы все спали на полу по разным углам комнаты. Костя потерял работу, потому что провел в Кемерове на пару недель больше, чем предполагал его отпуск, и теперь спал до вечера, брал у всех в долг и понемногу продавал одежду. Я тоже купил у него красивое бежевое пальто. Еще было слишком тепло для того, чтобы носить его, но я все равно носил — просто не застегивал и не надевал кофты.

— Добро не пропало! — говорил я, поглаживая приятный мягкий ворс.

Еще через две недели с нами начала жить Дарья — девушка, которая приехала к Косте, ее он, собственно, увел у своего друга. Отношения у них были странные. У Кости этой осенью возникла идея возвышенной любви.

— Я слишком ценю ее, чтобы трахать, — говорил он. Костя возненавидел все, что связано сексом. На ближайшие два месяца животно-телесное было немыслимо для его романтического образа. Он перестал обсуждать секс, перестал шутить про дрочку, что-то непонятное забродило в Костиной голове.

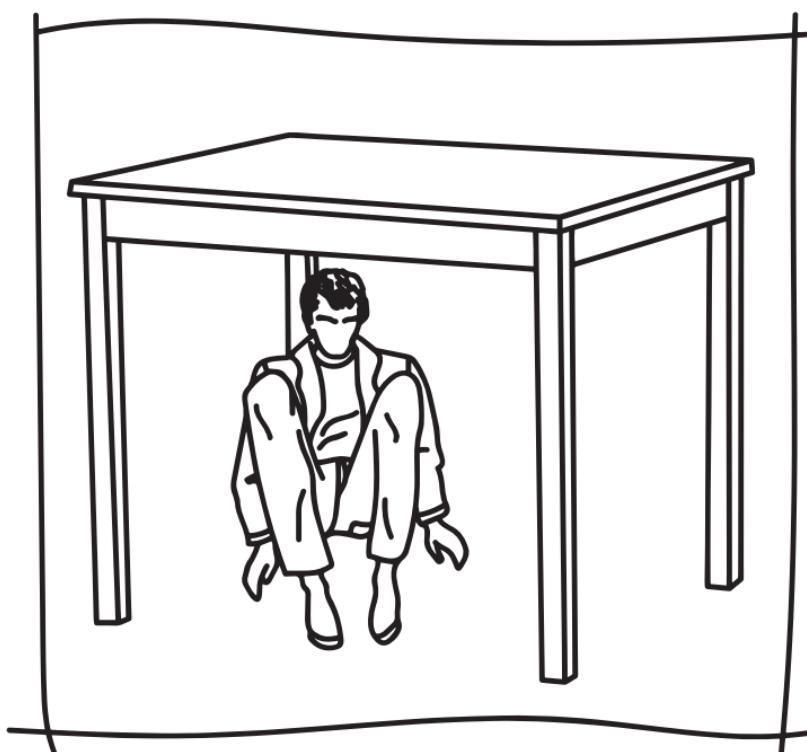
Вовик Негр-Негр нашел какую-то работу, кажется, продавал унитазы, а Костя с Дарьей скоро остались совсем без денег, не считая небольших сумм, которые я давал им, приезжая на выходные с залива. Но они научились ловко

воровать в ближайших магазинах «Пятерочка» и «Семья». Обычно они покупали только крупы, рис и гречку, остальное распихивали по карманам и сумкам: орехи, гель для душа, печеную фасоль, шоколадки, чечевицу. Сначала я пугался этому изобилию бесплатной еды, но скоро и сам втянулся в игру, понемногу меняя пропорции, покупал все меньше, воровал все больше.

Я купил себе ноутбук в кредит, который мы оформили на Сжигателя (потому что у него была питерская прописка и официальная работа), а маленький нетбук отдал ему, чтобы он писал, заступая на ночную смену. На ноутбуке я нарезал сэмплы и сводил минусовки для нового альбома «макулатуры». Я старался теперь за основу брать больше эмо, пост-хардкора, инди-рока — того, что мы слушали с Костей этой порой. Но сам Костя очень долго писал свои партии, дело почти не двигалось. Хоть и делать ему было как будто нечего, но долгий сон, отсутствие режима и переругивание с Дарьей, их странный платонический роман, наша маленькая квартира, превратившаяся в сквот, приготовление ужина, походы в магазин — все это не оставляло ему простора писать рец.

В конце сентября я поехал в Москву на пару дней, чтобы на всякий случай оформить академический отпуск. И Женя, и Марат настаивали на том, что лучше не бросать учебу совсем, оставить себе отходной путь — стройка может мне надоест. Ладно, мне было интересно съездить в общагу (истинную причину — бабу! — я старался не обсуждать даже с самим собой), и я поехал. В поезде познакомился с двумя парнями и напился коньяку. Михаила Енотова в тот день не было в Москве, и я еще немного выпил с Лемом.

Последнее, что я помню, я пришел к Пьянице в комнату (Сигита была там), залез под стол и отказывался вылезать.

Пьяница с Сигитой просили меня пойти к себе, проспаться,протрезветь и прийти поговорить утром. Я не знал, о чем с ними говорить, и не был в состоянии отвечать, мне просто хотелось сидеть под столом. Я уже три месяца не видел Сигиту к тому моменту, мне нравилось снизу вверх смотреть на ее испуганное лицо.

Потом я все-таки ушел к себе в комнату, где полночи слушал песню «Ю олл айnid» группы «Радиохед» и пла-кал. Когда проснулся, все еще был в бежевом пальто, а пес-ня так и играла на повторе. С удивлением я вспомнил вчерашний день и понял, что вообще ни разу не снимал пальто. Я разделся, помылся, побрился, оделся в чистое, немного прибрался и сел за компьютер.

Я закрыл глаза и попробовал послать ей мысленный сигнал: жду.

Сработало: Сигита пришла через несколько минут. Ни слова не говоря, она села на постель в углу. Смотрела на меня, смотрела, а потом слезы, одна за другой, покати-лись по ее щекам. Настоящие кристально-чистые ручей-ки. Я сидел на стуле посреди комнаты и разглядывал ее, прикидывая, что с этим делать.

— Че ты плачешь? — спросил я. — Я не знал, что ты так умеешь.

Мы занялись сексом, а потом я не выдержал и стал це-ловать ее лицо, глаза, уши, волосы, шею, спину, ноги, зад, пятки, ногти, ладони, подошвы, ресницы. Я сказал:

— Я люблю тебя сильно, как в первый день.

* * *

Через неделю Сигита пропала: не выходила в сеть и отключила телефон. Михаил Енотов подтвердил мои опасения. Он использовал слово «спуталась».

— Мы с Лемом не знали, говорить тебе или нет. Но я все-таки думаю, надо сказать. Похоже, она спуталась с Ваней.

Вот что сказал мне Михаил Енотов, когда я позвонил ему из Петербурга в следующее воскресенье.

Я ответил:

— Дай уточнить. Она сняла комнату в нашем блоке. Чтобы быть ближе ко мне и держать меня на крючке, не выпускать из своей тухлой прихватки, так?

— Можно сказать, что так.

— И что случилось? Была какая-то вечеринка, она с Ваней заночевала у нас в блоке, и, судя по всему, покувидалась с ним? Таковы последние сведения?

— Ты не так глуп, как кажешься, Джеки! В целом, ты все угадал. Держись там.

В тот вечер я ни с кем не разговаривал, гулял по барам, ощущая свободное падение и не помня себя. Костя позже рассказал, что я пришел поздно ночью, высунулся в окно, поссал туда, не снимая пальто, а затем свесил туловище наружу и проблевался.

— Сынок, я так одинок или не так?! — спросил я то ли у себя, то ли у Кости, или у Вовика Негра-Негра, который тоже присутствовал в комнате. Не дождавшись ответа, закрыл окно и лег спать в углу, не раздеваясь. С утра встал по будильнику, но не проснулся, и поехал, как зомби, на работу.

В себя я пришел уже на участке. До этого работал автопилот. Тут я вспомнил вчерашний разговор с Михаилом Енотовым, не выдержал, заорал, взбежал на гору щебня и оттуда позвонил режиссеру Ване. Начал я спокойно.

— Что происходит? — спросил я.— Говорят, что ты случайно засунул хер куда не следовало?

— Просто я люблю ее, а она любит меня,— сказал мне Ваня.

— Что за ссаный детский сад, тупорылый жирдяй! — заорал я.

В тот понедельник к нам присоединился Марат — Женя снова вызвал работать, а у Марата скопились долги, и он не смог отказать. Сейчас он с удивлением смотрел на меня снизу, как я ору, стоя на этом щебне. Мы добирались с ним вместе от Старой деревни на маршрутке, потом ехали в машине с Женей. Все это время я был еще бухой настолько, что отвечал однозначно, а тут, оклемавшись немного на свежем воздухе, сразу устроил шоу.

— Интересно у вас тут,— сказал Марат.

— Жирная тупая, жирная-жирная мразь, я скоро приеду и череп тебе вскрою, ты говна моего поешь! — вот что орал я. Режиссер Ваня повесил трубку. Я еще набирал его, но он не отвечал.

Когда я спустился, просто сказал, обессиленный:

— Теперь можно и поработать, отец,— и попробовал улыбнуться.

Марат спросил, что случилось. Я попытался ему вкратце обрисовать ситуацию. Марат спросил, что за парень этот Ваня. Я сказал, что он, похоже, просто какой-то сынок своих родителей, тучный здоровяк, москвич, еще совсем малой, хотя борода растет как у взрослого, учится на платном, катается на родительской машине, вроде обаятельный, но чмошник и ссылка. Ах, да, еще он иногда кушает наркотики, поскольку собственное воображение у него, видимо, слабо работает. И любит приврать, как все сыкливые толстяки.

Но парень хороший, добавил я в конце, это чувствуется.

— Да, сынок,— сказал Марат.— Есть такая грустная поговорка: женщину нельзя завоевать, ее можно только купить.

Наверное, с таким парнем ей будет удобнее. К тому же он — режиссер, она — сценарист.

Мы всю неделю утепляли стены. Разрывали пакетовые упаковки, доставали оттуда куски утеплителя, напоминающие маленькие матрасы, подгоняли по размеру, отрезая лишнее канцелярскими ножами (лезвия быстро тупились о материал, напоминающий стекловату, но чуть более нежный), и впихивали в каркас. Руки мои чесались от утеплителя и нервов, я весь покрывался аллергическими ранками и коростами. Вот мои трехлетние отношения и подошли к концу, я больше не поставлю ни одного пистона бабе, в которую влюблен. Не почувствую ее запаха на своем теле. Нужен был завершающий аккорд. Я все это уже проходил. А потом опять попал в воронку: нужно сделать что-то такое, что точно положит конец этой нелепой истории. Необходимо было скататься в Москву и устроить там неприглядное. Хотя бы разбить лицо режиссеру Ване. Меня трясло. Я старался работать как можно интенсивнее, чтобы забыться. Но все равно, стоило перекурить или прерваться на обед, все возвращалось, голова разрывалась от ярости.

— Зачем, отец, было приходить ко мне и поливать меня слезами, чтобы тут же переспать с другим?!

Марат отвечал:

— Так иногда получается. Две любовных линии развиваются параллельно, и в один момент сходятся. Не руби сгоряча, езжай и разберись.

Я отпросился у Жени на две недели. Устроил себе отпуск: первую неделю я собирался провести в общаге, а потом начинался форум молодых писателей в подмосковном пансионате «Липки».

В 2008 году мы все узнали о нем от Валеры Айрапетяна и подали заявки, и почти все прошли. Нас ожидала дармовая выпивка и семинары, которые устраивали учредители

толстых журналов при финансовой поддержке Фонда некоего Филатова. Можно было пристроить мой роман к публикации, завести знакомства в издательско-редакторской среде. Кроме меня туда прошли Михаил Енотов, Игорь Кузнецберг, Сжигатель, наш с ним знакомый писатель из Ухты Сережа Павловский, старый добрый Зоран Питич и еще несколько знакомых из ВГИКа.

В «Липках» ожидалась безумная пьянка длиной в рабочую неделю. Я подумал так: сначала я поговорю с Сигитой, буду спокоен и тверд, заставлю ее страдать и жалеть, потом встречусь с режиссером Ваней, дам ему по лицу, если технически будет возможно, а потом буду пить неделю и, может быть (я позволял себе мысленно эту мрачную шутку), покончу с собой прямо на форуме, среди молодых писателей.

Когда мы с Маратом ехали в маршрутке от Зеленогорска, он сказал:

— Главное, ты не пори горячку, сынок. Возвращайся скопее. Сигита хорошая девчонка, красивая и умная. Но ей тяжело с тобой, а тебе с ней. Она, как и все, ищет комфорта. К тому же, как я понял, у нее не все дома. Ей нужен кто-то попроще, поскучней. И тебе, кстати, тоже нужен кто-то попроще. Может быть, баба постарше тебе нужна, нет?

— Сигита старше меня.

— В смысле самостоятельная, с которой не надо нянчиться. Ты будешь заниматься своими делами, баба своими. При этом вам хорошо будет вместе. Такие отношения тоже бывают.

— Но наказать-то надо ее нового хахаля?

— Это на твое усмотрение. Ты пойми, что в двадцать три года все еще только начинается. Свою женщину так рано никто не встречает.

Чтобы сменить тему, мы заговорили о наших книгах. Марат сказал не забывать про роман, приглядываться

на форуме, пристроить в какой-нибудь журнал. Таким шансом надо воспользоваться.

— Не знаю, отец. Я еще от «Лимбуса» не получил ответа. Может, туда его примут?

— Да не примет его этот Барменталь. Ты его рожу видел?

Марат настаивал, что следует соваться в разные места. Никогда не знаешь, где получится. И не забывать писать дальше. Это должно стать привычкой.

Вечером, перед тем как сесть на поезд, я созвонился с Сигитой. Она была у мамы и предложила мне с вокзала сразу приехать к ней на Ботанический сад, чтобы мы все обсудили и решили, как быть дальше. Она сказала, что несколько дней не виделась с режиссером Ваней, чтобы я постарался не ревновать.

— Мне хочется, чтобы ты понял меня, и мы с тобой договорились,— сказала она. Наверное, заготовила реплику.

Я поехал с вокзала к ней, но в метро задал себе вопрос: и что дальше, зачем я все это делаю? Сейчас я опять прошу ее? Тогда я отключил телефон, вышел на ВДНХ и пошел в общагу, чтобы пить пиво с Михаилом Енотовым. Он не так давно расстался с Альбиной.

Можно было попробовать отключиться от реальности и устроить старый-добрый общажный запой. Так мы и сделали.

На следующий день я проснулся рано утром в объятиях своей первой девушки Элеоноры. Сперва я даже не понял, где мы и что происходит. Я решил, что последние несколько лет моей жизни — сон. Что я все еще с Элеонорой, я не переезжал в Москву, не учился во ВГИКе, а потом не убегал в Петербург. Я подошел к окну и увидел лимузины, задний двор, и все понемногу сошлося. Я еще раз обернулся — точно, это была она, Элеонора. Первая, кому

я сказал «я люблю тебя», не считая матери, но это было в раннем совсем детстве. Это была комната в нашем блоке, которую раньше занимал Доктор Актер и еще один мой одногруппник, комната, куда потом въехала Сигита, подселив фиктивную соседку, студентку, снимавшую квартиру (мы их называли «мертвые души»), чтобы быть близко ко мне, да еще и по-королевски, в отдельных апартаментах.

Я как-то, будучи пьяным, умудрился позвать Элеонору, которая тоже недавно переехала в Москву, да еще и переспать с ней на той же кровати, на которой неделю назад мне изменила Сигита. Отчасти я отомстил, обтрухав ее простыни. Но не помнил даже, как все это провернул.

— Привет,— сказал я.— Просыпайся.

Погладил ее спину, ее родинки. Она открыла глаза и сказала свое «привет».

Мы пошли позавтракать в пиццерию. Она рассказала о том, как провела последние несколько лет. Сидела на игле со своим парнем, который был после меня, но все нормально, могу не волноваться, ВИЧ она не подхватила. Сейчас вот переехала к матери, хочет попробовать открыть небольшой магазин одежды. Я начал, было, рассказывать про себя и Сигиту, но Элеонора остановила меня: ночью, между любовными упражнениями, я уже все это рассказывал. Еще заставлял ее слушать «ночных грузчиков», рассказал про своих друзей в Петербурге. Времени не терял.

— «Меня больше никто не полюбит» — все время восклицал ты, когда терял нить истории,— сказала Элеонора.— Евген, ты был как ребеночек.

Давно меня так никто не называл.

— А ты что? — спросил я.

— А я тебя успокаивал. Сказал, что еще много раз полюбят, и что ты изменился. Стал взрослее, красивее. Вкус появился. Это, и правда, так. Не переживай из-за телки. У тебя их много будет.

— Спасибо. Но я не знаю, нужно ли мне много или хватит одной.

— Я тебя еще немного люблю. И твоя Сигита, я уверен, тоже будет любить тебя еще долго. Вопрос в том, нужно ли ее возвращать?

— Может, лучше тебя вернуть?

Она скривила гримасу. Я проводил Элеонору до метро. Сказал спасибо, поцеловал, остался один. Это для меня было чудо, немного болезненное. Воспоминания обо мне семнадцатилетнем мешались с шумом города и наваливались со всех сторон. Элеонора мне привиделась, не могла же она правда провести со мной ночь. Совершенно не помнил, как позвал ее в общагу, и был очень рад ее вниманию и словам.

Я запрыгнул в первый попавшийся троллейбус, хотелось сесть на сиденье, смотреть в окно и ничего не предпринимать. Элеонора дала мне противоядие. Только к ней я испытал что-то вроде тех чувств, которые испытывал к Сигите. Только они две обладали такой красотой, которая у меня не вызывала сомнений, хотя ничего общего в них не было. И пахли они по-разному, но обе — были лучшими. Догадывался, что максимум на один день растянется чудо-действие, дальше ломка вернется и придется карабкаться самому.

Вернулся в блок и спросил у Михаила Енотова:

— Ты видел Элеонору? Она же была тут?

— Видел, конечно. Удивлен, но рад, что тебе до сих пор дают, обезьяна Джеки. Даже пьяному в жопу.

— Странно это.

Михаил Енотов сказал, что я гомосек, раз сплю с девушкой, говорящей о себе в мужском роде. Так не всегда, оправдался я, — в электронных письмах она иногда пишет о себе как о женщине. Вот такой у нее прикол: считает, что ее подлинная личность — мужчина. При том, что сама она очень женственная и любит член.

Встреча с режиссером Ваней случилась после обеда. У меня в руках были пакеты с пивными бутылками, я шел с Орловичем из магазина. Там, в магазине, я его случайно встретил и позвал выпить.

У входа в общагу парковалась машина.

— Подожди, Орли, — сказал я. Он остановился на крыльце.

Я подошел к тачке, встал перед ней и смотрел на Ваню, который был за рулем. Ваня смотрел на меня. Рядом с ним на пассажирском сидении был Дэц.

Дэц вылез и поприветствовал меня, несколько смущенно.

— Привет-привет, Дэц. Че-то наш кабанчик не вылезает?

Он, конечно, был в курсе нашего с Ваней конфликта. Ваня рылся в бардачке. Я демонстративно плонул себе под ноги и пошел в общагу. Но на крыльце опять засомневался.

Я сказал Орловичу:

— Что делать? Очень хочется ему дать по морде.

— Ну, если очень хочется, то дай, — сказал Орлович и взял у меня пакеты. — Пиво только оставь.

Я вернулся к машине, Ваня все еще сидел в ней. Он открыл дверь и сказал:

— Подожди, дай мне вылезти.

Несколько раз я ткнул его кулаком в плечо. Ваня вылез и попробовал оттолкнуть меня. Я неуклюже бил его в пузо. Дэц и мой Орлович уже разнимали нас с разных сторон, а я орал:

— Че, сука, че, сука!

— Ребята, не надо, — упрашивал Дэц. — Поговорите мирно.

— Не о чем нам говорить, — сказал я, пытаясь отдышаться.

Драки не получилось. Я резко пошел к крыльцу и взял пакеты, которые Орлович тут оставил. Повернулся к ним. Орлович, чтобы разрядить обстановку смущенно здоровался с ними:

— Привет, Иван. Привет, Паша.

— Ты идешь? — спросил я.

Вечером мы с Михаилом Енотовым опять пошли в магазин, взять уже чего-нибудь покрепче. И опять встретили Ваню в машине, только на этот раз он готовился уезжать. Уже развернулся, выехал на тротуар, и тут мы совершенно случайно проградили ему путь.

Я уставился в кабину.

Рядом с Ваней сидела Сигита, но я старался глядеть Ване в глаза, не отрываясь.

Нужно было заставить их испугаться. Руки мои сами потянулись к ширинке, я достал член и начал ссать.

Ваня сдал назад, но все равно немного попало на машину. Он уехал, я застегнулся, и мы пошли в магазин. Чувства триумфа почему-то не было, мое сердце билось, я слышал удары, чувствовал пульс в ушах. Мне было очень страшно, зло захлестывало меня, и не получалось ему противиться.

На следующее утро Ваня с криком ворвался к нам в комнату.

Я раскачивался на стуле перед компьютером, как раз тянул руку к стакану с дешевым вином. Михаил Енотов в это время сидел на кровати, мы вели праздную беседу. Помню, он рассказывал про своего казанского знакомого, который, прежде чем начать встречаться с девчонкой, несколько месяцев обхаживал ее, прокачивал, заставлял читать разные художественные, научные и документальные книги.

— Основательный подход, — ответил я.

В этот момент дверь распахнулась, и жирным ураганом влетел Ваня. С ним был еще какой-то здоровяк, которого я сразу не успел разглядеть. Ваня начал бить меня по голове, прыгать, атаковать локтями. Он приговаривал при этом:

— Ты что, хотел обоссать мою тачку? Ты не на того наехал!

Но при этом больно мне не было. Через несколько мгновений я понял, что Ваня не хочет причинить мне боль, а хочет запугать. У меня было искаженное представление, я думал, что он сильный пацан, потому что Ваня как-то соврал мне, что одолел Лео на ринге. А Лео я считал сильным противником. Что-то было общее с моим другом детства Пуджиком у Вани: комплекция, любовь приукрасить. Такие люди не могут физически причинить кому-то боль, не могут драться. Несмотря на выгодность положения, он не нанес никакого урона. Мне удалось разогнуться и дать ему в морду. Третий раз в жизни и, надеюсь, последний, я ударил человека по лицу. Ваня сразу осел, сдал назад. В это время Михаил Енотов уже стоял в дверях — он выталкивал в предбанник здоровяка, телохранителя, спутника моего соперника. Я схватил Ваню и всей его тушей повалил на кровать, залез на него и заорал:

— Успокойся, успокойся, дурень!

Ваня уже был совершенно беспомощен, но, видимо, до сих пор это не уразумел. Он ответил мне:

— Смерть твоя пришла!

Я даже начал смеяться от неловкости, при этом дал ему несколько пощечин, продолжая успокаивать. Слышал, как в этот момент Михаил Енотов говорил здоровяку:

— Это моя комната, не заходи сюда.

Здоровяк был совсем юный, как и сам Ваня, хоть и с бородой и похожий на русского богатыря. Еще у него была очень красивая светло-русая коса. Лицо же было невероятно добродушное, и он послушался Михаила Енотова, который был в полтора-два раза меньше.

Ваня был весь мой.

— Ты же хотел драться! — визжал он из своего положения проигравшего.

— А теперь не хочу,— отвечал я.— Успокойся.

Я заметил у него в руке зажигалку. Он сжимал ее в кулаке, когда пришел бить меня.

— Ваня, это что за шняга? — спросил я.

Он был даже обаятелен в своем дилетантизме:

— Это чтобы удар был лучше.

Я отпустил Ваню, сел на стул. Он поднялся. Я протянул ему вина. Он хлебнул и сказал:

— Пожалуйста, отпусти ее.

— У тебя кровь на лице, вытри,— я хотел указать, но случайно пальцем задел ему за губу.

— Пожалуйста, Женя, повторяю. Отпусти ее,— повторил Ваня.

Мне оставалось неопределенно покачать головой. Когда они со здоровяком ушли, я начал понимать, что случилось. Вернее, что должно было случиться и не случилось. Как же это произошло!? Он сам пришел ко мне, я завалил его и мог разбить его лицо в мясо. Мне это было необходимо, так бы я избавился от невыразимой муки, но почему-то я не сделал то, что был должен. Каждый день в течение полутора лет я буду сожалеть о том, что не избил его.

* * *

Потом был самый сильный в жизни отходняк. Мы ехали в плацкарте на боковых сидениях со Сжигателем, пили чай, смотрели друг на друга. Я двумя руками держал чашку, все ходило ходуном, расщеплялось, и нужно было прилагать серьезные усилия, чтобы удерживать фрагменты реальности на местах. От ужаса я покрывался холодным потом. Ставил чашку, судорожно вытирался вафельным ржаным полотенцем.

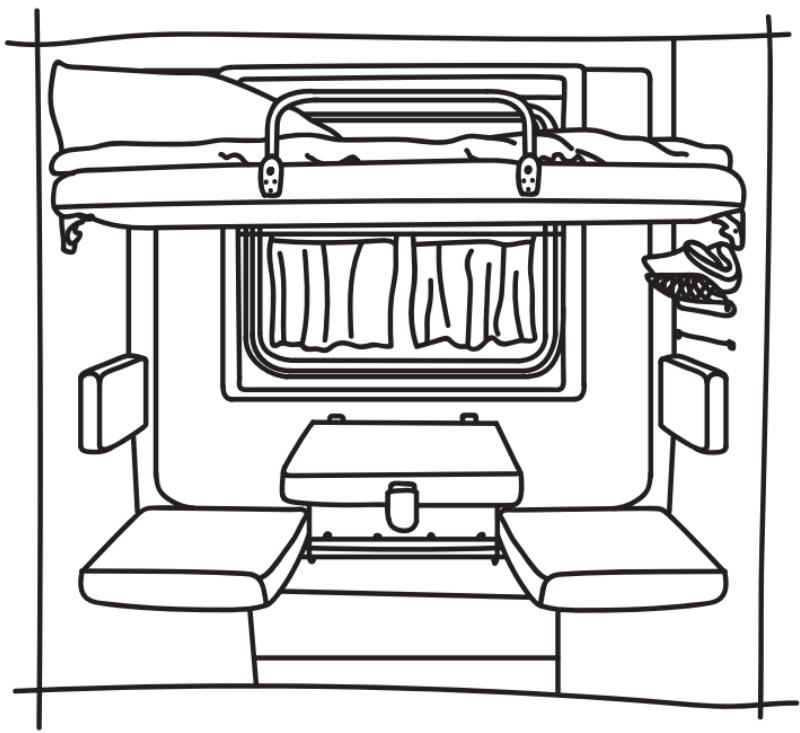
Мелькали флешбеки, этот безумный шалман подмосковного пансионата «Липки». Писательский форум. Я видел вспышки: водку, огромную столовую и шведский стол с котлетами, старенький бассейн, поэтов и поэтесс, прозаиков и критиков, мрачный лесок, воздух которого был пропитан плохими стихами, магазинчик, мои слезы, блевотину на распечатках чужих романов и рассказов, толстые журналы, в которые мы не стали сватать свои тексты, лекции и семинары, которых мы не слушали и не посещали. Вечерами из дурмана я набирал Ваню и Сигиту. Ваня не брал трубку, только играла песня Земфиры, худшая, на мой вкус, там пелось про звезды, которые падали в карманы, и кто-то был счастливый и пьяный, а я ждал ответа. Пьяный — я был, но не счастливый. Телефон Сигиты был стабильно недоступен. Мои друзья в этом запое походили на демонов, я не узнавал их лиц. Раз телефон позвонил, и мне напомнили, что я должен прийти на проходящее в те дни вручение литературной премии имени Белкина, в шорт-лист которой вошла моя повесть «Третья штанина». Но меня больше не интересовала судьба моих текстов, они были как брошенные в море дети. Я не пошел на это мероприятие, равнодушно смотрел, как малыши тонут, даже с некоторым садизмом. Мне нужно было другое. Только достичь дна. Я выпивал столько алкоголя,

сколько позволяло тело и ни каплей меньше. Проживал маленькую жизнь грязного животного, мне хотелось выключить разум.

Теперь я смотрел на Сжигателя, в глазах которого отражался мой собственный ужас.

— Я не могу больше пить, Кирилл,— сказал я.— Я не могу больше есть мясо.

Сжигатель кивнул. Он знал все мои мысли, и сейчас не стоило их проговаривать. Мы несколько секунд смотрели друг на друга, потом Сжигатель мотнул головой вбок, чтобы я смотрел в сторону. Тогда я уставился в окно поезда. За окном белел первый снег.

БЭКСТЕЙДЖ / ВЕРЛИБРЫ

Посмотри на эту комнату
На это все
Все переоценено
Шторы
Солнце
Тачпад
Телефон
Файнал кат
Очки
Замок
Коробка от соевого молока
Не давайте имен предметам
Открытия
Засуньте себе
Коврик для йоги
Обувь жены
Роман, который ты пишешь
Используя гугл док
Или не пишешь
Потому что отравился
Местной едой или плохим ромом
И сам гугл док
Стихи в заметках
И программа заметки
Музыка
Важность даты релиза
Пляж, поселок и город
И море
И ты сам
Каждый ебучий предмет
И тем более прошлое предмета
И уж тем более смысл предмета

* * *

Вчера этот аккаунт чуть не уgnали.
Вот и меня взяли за яйца.
Как владельца комнаты в коммуналке.
Или автомобиля, за которым надо ухаживать и искать
ему место парковки.
Но удалось вовремя спохватиться.
Поймать за руку.
Иначе пришлось бы платить выкуп,
Пару рублей за подписчика.
Собирать обратно своих малышей, как разбредших-
ся овец.
Или менять судьбу. Стать бродягой.
Угнали аккаунт, и заebись, — сказал я.
Скорее пиши в техподдержку, — сказал концертный
директор.
Где твоя российская симкарта, идиот, — сказала жена.
И теперь не прогнать мираж.
Даже море сделано из купюр, из мятой бумаги, гряз-
ной энергии.
Вместо минуты в этой воде мог бы купить еще одно-
го читателя.
Но я присел поболтать с собакой.
Кажется, они тут пока не знают этой войны за власть.
Просто жрут свое говно, жарят тушку под солнцем
и воют в ночи.

* * *

Я переехал пожить в квартиру с хорошим балконом.

На балконе стоит деревянный стол, открывается вид на красивый лес.

И еще есть опасный козырек — если перелезть через перила, встать на него и протянуть руку, появится маленький шанс сорвать кокос.

Маленький, потому что для этого нужно две руки, а второй лучше держаться за перила.

Если использовать обе — упадешь с третьего этажа.

Конечно, я его сорву и не свалюсь под дерево.

Но придут новые навязчивые иллюзии и будут причинять зуд, как крошки под кожей.

* * *

Обезьяна размером с небольшого человека
Выскочила на дорогу
Как с обложки моей будущей книги
Сны выпуклы
Дни меркнут, если поставить их рядом
Только такой маленький шок
Слово выходит из-под пальцев
И озирается по сторонам
Как эта обезьяна
Которую чуть не сбил мотоцикл
Зачем я здесь
Без сил, без цели
Распадаюсь на отдельные буквы

* * *

Дня три кромешного безделья
Чтобы дела сами себя разгребали
А с меня хватит
И так надо многое решать
Сложный выбор каждый час или чаще
Чем пообедать
Куда выкинуть мусор
И вспомнить сон, увиденный вчера
В нем у нас с другом детства
Который трахнул мою девушку
Состоялся разговор
Я не видел его почти одиннадцать лет
И вот он приснился мне взрослый
Тридцатичетырехлетний пацан
Мне известно, что от него ушла жена
И детей забрала с собой
Он пытался мне сказать что-то важное
Прокричать из прошлого
Но я думал о своих делах
Не смог удержать этот сон
Надеюсь, не придется ждать еще одиннадцать лет
Чтобы понять его место в моей жизни
Давай дружочек
Не стесняйся
Я уже забыл кого ты там трахнул
Уже забыл совершенно
Что ты уговаривал мою девушку
Уехать с тобой на Север, так что
Говори, что хотел сказать

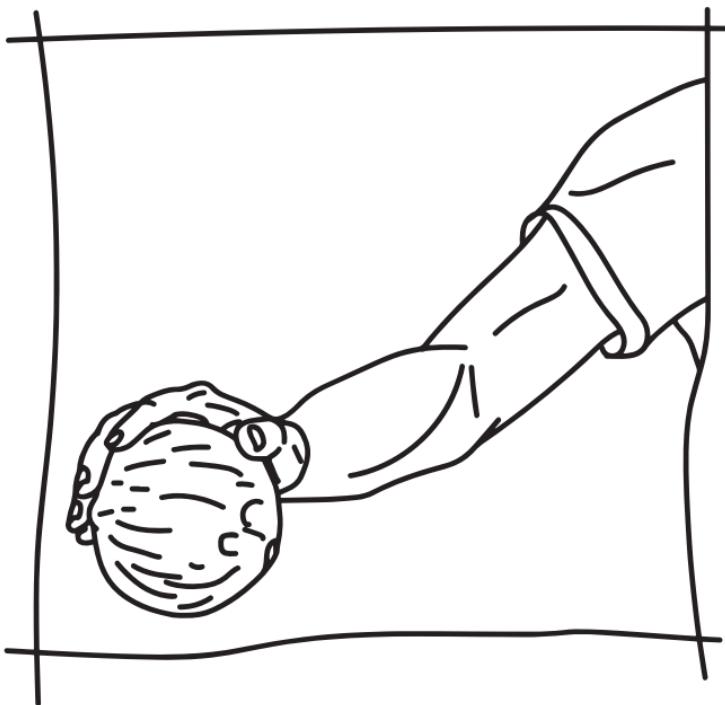
* * *

Он, глядя в глаза, протянул мне сдачу.
Сзади уже кто-то подъехал.
Я тронулся, чтобы не мешать.
И через метров пятьсот остановился,
Достал деньги и пересчитал.
Все верно: не хватает сотни.
Я рассмеялся и поехал домой,
Все думал и думал об этом.
И через десять минут это перестало смешить.
Чертова заправка.
Чертовы расисты.
Обокрасть белого — святое дело.
Чуть было не поехал обратно
Ругаться и качать права.
Но потом думаю, ладно.
Я вернусь к нему, гниде, завтра.
Улыбаясь, буду делать с ним селфи,
А потом подпишу «мелкий воришко».
И покажу ему, и буду смотреть
В эти подлые глаза, пока не достигну dna.
Жена сказала мне дома
Да плюнь ты,
Не связывайся.
Никто еще не стал счастливее,
Своровав чужие деньги.
Столько фильмов и книг об этом.
Тебе сейчас лучше, чем этому парню

На следующий день
Я приехал искупаться на любимый пляж.
Отплыл далеко от берега, и стало странно и стыдно,
Что я так обиделся на бедного

Сотрудника заправки.
Как это нелепо — обижаться.
Вода была относительно чистой.
Я нырял и что-то мог разглядеть.
И вспомнил, что шесть лет назад
На той же заправке со мной
Случилась точно такая же ситуация.
И я так же ехал и злился и не мог
Разобраться, вернуться или плонуть.
И тоже сочинил какой-то глупый план мести,
Только без слова «селфи».
Я тогда еще сопротивлялся смартфонам,
А это слово еще не вошло в словари.
Но главное, что первая жена говорила мне то же,
Что теперь сказала вторая.
Теми же словами.

Наверное, Борхес из этого сделал бы вывод,
Что я и заправщик — один человек.
А Башевис-Зингер напомнил бы
Что нет ни смерти, ни времени.
И что все бабы — это одна баба.
А я лег на спину и попытался
Полежать на воде, расслабив тело.
Когда-нибудь я научусь и этому,
Но с первой волной вода наполнила нос.

* * *

Дописал книгу.

Отпраздновал стрижкой, бритьем и фалафелем.

Почти как выпил рюмку.

Или как съел две столовых ложки пасты из арахиса с сахаром.

Недавно открыл для себя сахар.

Я думал, бухло и мясо — самые мощные легальные наркотики.

Нет.

Сахар.

Это героин.

Очень хочется взять банку пасты и есть ее столовыми ложками.

Лежа в одних трусах.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛ-MUSIC», 2019
Е. Алексин, 2019

редактор — Константин Сперанский
корректор — Наталья Половинко
верстка, дизайн — Вова Седых
иллюстрации — Юлана Цуцурा
аннотация — Михаил Енотов